

БЕЗУМИЕ

Джейс

Кэмерон

После случайного убийства своего класса, Алиса Уандер попадает в психиатрическую клинику Рэдклифф. Никто даже не сомневается в ее безумии. Лишь один курящий кальян профессор думает несколько иначе; он может доказать ее вменяемость путем расшифровки картин Льюиса Кэррола, фотографий, а также путем нахождения настоящего местоположения Страны Чудес. Профессор Картер Пиллар (прим. пер. CaterPillar — Гусеница) убеждает всю клинику в том, что Алиса может спасти жизни и поймать монстров из Страны Чудес, которые теперь волшебным образом перевоплотились в опасных преступников реального мира. Чтобы осуществить задуманное, Алисе приходится вести двойную жизнь: днем она студентка Оксфорда, ночью сумасшедшая в психушке. Грань между безумием и вменяемостью становится еще тоньше, когда она встречает Джека Даймондса, высокомерного студента колледжа, который верит в то, что чепуха — это ни что иное как искусство. Переводчики: NDobshikoVa, Kafetagirl. Выражаем благодарность при переводе отдельных глав: Lizusha_d_cat, Katiny, FreddyLuz, maryiv1205. Редакторы: Kafetagirl, NDobshikoVa Вычитка: Скобельский Иван Обложка: Мария Ивахнова Оформление NDobshikoVa

---

Кэмерон Джейс Безумие

Безумная в Стране Чудес #1

Крайст-Чёрч, Университет Оксфорда, Наши Дни.

Девушка, распростертая на земле была мертва ...и ей это нравилось. Иначе как можно было объяснить то, что она ухмылялась словно Чеширский Кот?

В Крайст-Чёрч, кампусе Оксфордского Университета стояло раннее утро. Густой туман словно призрак в вуали завис над четырехугольным садом, так же известным как Том Квад. Вода непрерывно текла из фонтана, который находился посреди сада словно часовой механизм на бомбе. Окружающие его здания маячили в холодном воздухе, как и убийца, наблюдающий за последствиями своего жестокого преступления.

— А мертвецы улыбаются, мама? — маленький мальчик, дожевывая пирог, спросил у женщины в дорогом красном пальто.

Женщина в красном пальто оцепенела, загипнотизированная ухмылкой мертвой девушки, лежащей на траве. Словно девушка смеялась над живыми, напоминая всем и каждому об их неизбежной судьбе. Порыв холодного ветра вернул женщину обратно к реальности. Она ощутила, как в тумане затаилось нечто злое, поэтому она схватила своего сынишку и утащила его прочь с места преступления. Некоторые люди просто не переносят убийство на завтрак. Это просто не для них.

Впрочем, несколько ранних пташек встали вокруг трупа. Никто из них не задавался вопросом о личности девушки или же почему убийство произошло на территории колледжа. Опять же, все дело было в жуткой ухмылке девушки, которая приковывала их взгляды.

— Должно быть, она теперь на Небесах, раз так ухмыляется, — пошутил студент — выпускник. Он был спортсменом, совершенно не смешным и типичным ничтожеством. Усмешка не вызывала радости. Она была злоеющей, пустой и бессмысленной.

Профессор в твидовом пиджаке опустился на колени, чтобы осмотреть тело.

— Это не естественная улыбка. Кто-то сделал ее ей, — объявил он. — О мой Бог. — Он отвернулся от тела, зажав рот руками.

— Что такое? — запаниковал Придурок — Выпускник.

Ботаничка в очках с толстыми стеклами появилась из тумана, она опустилась на колени рядом с профессором.

— Что такое? — спросила она.

— Ее губы пришиты ниткой к щекам, чтобы выглядело так, словно она улыбается. Это безумие. — ответил Профессор Твидовый.

— Вот ведь гребаный пипец, — промычал как корова Выпускник-Придурок.

— Смотрите, что я нашла, — Ботаничка держала в руках потрепанную копию книги Льюиса Кэрролла — Алиса в Стране Чудес. Оригинальное библиотечное издание 1865 года. — Умершая сжимала ее в руке. Она была открыта на этой странице.

— Какой странице? — Любопытство Профессора Твидового похоже исцелило тошноту.

— Этой вот, где Алиса говорит Чеширскому Коту, что обычно она видит кота без ухмылки, нежели ухмылку без кота. Она помечена, — у Ботанички отвисла челюсть, они обменялись взглядами с Профессором Твидовым, после чего снова посмотрели на ухмыляющуюся девушку.

— Это какая-то тупая шутка? — прорычал Выпускник — Придурок, почесывая

огроподобную толстую шею.

— Могу я взглянуть на книгу? — произнес я хриплым голосом. Все это время я не промолвил ни слова, но я обычно люблю говорить последним, после того, как выслушаю что еще скажут.

— Держите, — Ботаничка передала книгу.

Я просмотрел отмеченную страницу.

— Это правда, — сказал я. — Еще есть некое послание, оставленное на полях, — я показал его им. Оно гласило: "Спасите АЛИСУ!"

— Как вы считаете, что если она написала это перед смертью, что-то вроде подсказки? — Ботаничка поправила очки. — Или, быть может, ее звали Алиса. — Она обыскала карманы умершей, в поисках удостоверения личности.

— Я так не думаю, — я показал на кулон, свисающий с шеи погибшей. — На нем написано, что ее звали Мэйбл.

— Я знаю кто убил ее! — раздался еще один писклявый голос из тумана. Он принадлежал старухе, которая нависала над своей кривой тростью. — Это Чеширский Кот! — те несколько зубов, что остались у нее во рту, сгнили.

Выпускник-Придурок загоготал.

— Мы что, правда, об этом говорим?

— Не смейтесь, молодой человек, — старуха навалилась на свою трость, желая увидеть покойницу. — Это уже показывали в новостях.

— Теперь я вспомнила, — Ботаничка щелкнула пальцами. — Чеширский Кот. Он уже убил четверых девушек. Двоих в Лондоне, двоих в Кембридже, а теперь, похоже, еще одну в Оксфорде. Все девушки улыбались после смерти. Я видела по телевизору.

— Так что Алиса имела в виду: ухмылка без кота? — подшучивал над ними Выпускник — Придурок, засунув руки в карманы и пожимая плечами. Быть придурком, это скорее привычка, нежели черта характера, это отношение. К тому же, неизлечимо.

— Дайте мне поближе взглянуть на нее, — старуха протянула руку.

— Не уверен, что нам нужно делать это, — Профессор Твидовый выхватил книгу у меня из рук, словно я был каким-то двоечником, который только что схватил пару по его предмету.

Обычно я не одобряю подобного поведения, но я сделал исключение на этот раз.

— Мы уничтожаем улики, — объяснил он.

— Он прав, — Ботаничка отстранилась от трупа. — Нам нужно подождать полицию. Им уже кто-нибудь позвонил?

— Они в пути, — ответил я. — Я вызвал их, как только нашел тело.

— Так это ты нашел ее? — Выпускник — Придурок ткнул в меня своим большим пальцем.

— Я. — Всегда находил.

— Тогда почему ты ухмыляешься? — он фыркнул, в то время как профессор поправил очки, чтобы получше меня разглядеть. Ботаничка издала вопль. Она запнулась о труп и упала на спину, не отрывая от меня глаз. Трое из них вошли в состояние неожиданного шока. Только старуха не стала тратить времени зря. Она запустила в меня тростью и заковыляла обратно в туман, крича, что нашла убийцу. Моя ухмылка стала шире.

Я задумался, кого мне убить первым. Профессора Твидового, Ботаничку или Выпускника — Придурка? Старуху я оставлю на потом. Она никуда не денется, бесцельно

бегая по саду, словно по замкнутому кругу.

Подземная Палата, Психиатрическая Лечебница Рэкклифф, Оксфорд.

Записи на стене говорят о том, что сейчас 14 Января. Я не уверена какой год. Я уже давно не уверена во многих вещах, но я задаюсь вопросом, а мои ли это записи, на которые я смотрю. Под датой изображение изящного ключика. Оно вырезано острым инструментом, скорее всего зеркалом. Я никак не смогла бы выцарапать изображение ключика. Зеркала внушают мне ужас. Тут такое называют Катоптрофобией^[1].

В отличие от рядовых пациентов психиатрической лечебницы, в моей комнате нет окон, посреди валяется матрас, в углу раковина и ведро, для того чтобы помочиться..., ну или ... поблевать... когда нужно. Плитка на полу черно-белая, словно шахматная доска. Я никогда не наступаю на черные. Только на белые. Не уверена почему. Стены везде покрыты засаленным бледно-зеленым цветом. Иногда я думаю, быть может, это мозги предыдущих пациентов растеклись тут повсюду из-за шоковой терапии.

В психиатрической лечебнице Рэдклифф, так же известной как Больница Уорнерфорда, врачи облюбовали себе миленькое местечко для шоковой терапии. Они просто обожают наблюдать, как пациенты с выпученными глазами и дрожащими конечностями, умоляют избавить их от мучений током. Это наводит меня на мысль: кто же тут в самом деле сумасшедший.

Меня уже долго не отправляли на шоковую терапию. Доктор Том Тракл, мой лечащий врач, сказал, что этот курс лечения мне больше не нужен, особенно после того, как я перестала упоминать Страну Чудес. Он сказал мне, что я говорила о ней постоянно: опаснейшее место, в котором, по — моим словам, мне удалось побывать, в возрасте семи лет я пропала, когда за мной присматривала моя старшая сестра. Я не помню Страну Чудес, о которой они мне толкуют. Я даже не знаю почему я здесь. Мое самое последнее воспоминание начинается всего неделю назад. Все события до этого покрыты лиловым туманом.

В этой психушке у меня есть всего один друг. Это не доктор или какая-нибудь там медсестра. И он даже не человек. Он не умеет ненавидеть, завидовать, или тыкать в тебя пальцем. Мой друг — оранжевый цветок, который я держу в горшочке: Тигровая Лилия без которой я не могу жить. Я храню его рядом с маленькой трещиной в стене, из которой проникает тонкий лучик света, правда всего на десять минут в день. Быть может, этого света недостаточно для роста растения, но моя Тигровая Лилия упрямая девочка.

Ежедневно я делюсь половиной дневной нормы воды со своим цветком. Как по мне, уж лучше изнывать от жажды, чем от безумия. Мой оранжевый цветок — моя личная отдушина, им я проверяю свой рассудок. Если я говорю с ним, и она не отвечает, я знаю, что галлюцинаций у меня нет. Если она начинает отвечать — начинает происходить всякий бред. Безумие одерживает верх. Должно быть, существует некая причина, по которой я здесь нахожусь. Но это не значит, что я вот так вот запросто соглашусь с такой судьбой.

— Алиса Плезанс Уандер. Ты готофа? — медсестра стучит электрошокером по моей стальной двери. Ее зовут Вальтруда Вагнер. Она — немка. Все, что бы она ни говорила, звучит как угроза, и от нее пахнет сигаретами. Мои собратья по безумию зовут ее Наци (прим. пер. — Нацистка); раньше она убивала своих пациентов в Германии. — Отойди от

твоя дферь. Я фходить, — предупреждает она.

От звука бряканья ее связки с ключами, мое сердце чаще бьется в груди. Поворот ключа, и я сглатываю комок в горле. Когда дверь открывается, все, о чем я думаю, это как задушить ее прежде, чем она начнет меня мучить. Печально, ведь ее шея слишком толстая, для моих ловких рук. Я мгновение пялюсь на ее почти-квадратную фигуру. Все в ней размера на четыре больше, чем у меня. Все за исключением ее ног, они такие же маленькие, как и у меня. Примите мои соболезнования, ножки.

— Время для твой десятиминутной прогулка наверху, — она приближается ко мне со смиренной рубашкой, на лице дьявольская ухмылка. Мне никогда не выбраться. Моя палата находится под землей, и я выхожу на прогулку в другую палату наверху, где остальные пациенты собираются попинать мяч.

Позади Вальтруды возвышается огромный мускулистый санитар. Томас Оджер. Он лысый, у него сердитое краснощекое лицо и серебряный зуб, которым он сверкает каждый раз, когда меня видит. Его бицепсы размером с мою голову. Мне с трудом верится, что когда-то он был маленьким беззащитным младенцем.

— Прodeвать свой руки в рукафа, — настаивает Вальтруда со своим немецким акцентом, сигарета зажата у нее меж губ. — Медленно и спокойно, Алиса, — она кивает на Надзирателя Оджера, на случай если я буду вести себя неподобающе.

Я подчиняюсь и, послушно протягивая руки, делаю все что она хочет. Вальтруда слегка поворачивает мою правую руку и смотрит на татуировку на руке. Это моя единственная татушка. Это витая надпись, которая издали напоминает широкий браслет или даже напульсник. Вальтруда испытывает необходимость прочесть ее вслух:

— Я не могу вернуться в прошлое, там я была совершенно другим человеком.

Я уже говорила, что сделала ее еще в те времена, когда верила в Страну Чудес.

— Та Алиса из Страна Чудес натворить дел в твоей голофа. — Она выдыхает сигаретный дым мне прямо в лицо и открыто насмехается надо мной.

Сейчас эта татушка и насмешки Вальтруды — наименьшие из моих проблем. Я позволяю ей связать себя, и, пока она это делает, закрываю глаза. Я воображаю, что сейчас шестнадцатый век, а я принцесса, что-то вроде счастливички Золушки, которой затягивает корсет прокуренная служанка в сказочном замке, и я вот-вот встречу своего Прекрасного Принца. Эти образы всегда помогают мне дышать. Однажды я подумала, что меня спасает надежда, а вовсе не здравомыслие. Мне необходимо успокоится, прежде чем я осуществлю свой великий побег.

Я слегка проворачиваю руки в смирительной рубашке, чтобы выиграть себе немного места для маневра. Пока Вальтруда возится с застежками, я незаметно просовываю руку вперед, что дает мне еще три дюйма желанной свободы. Еще я делаю глубокий вдох, чтобы в верхней части рубашки осталось побольше места. Я убеждаюсь, что моя ведущая рука находится выше той, которая слабее, пока Вальтруда связывает их у меня за спиной. Когда она заканчивает, я выдыхаю и ощущаю небольшой промежуток внутри смирительной рубашки. Люди думают, что избавиться от смирительной рубашки невозможно. Распространенный миф.

— Меня тошнит, — лгу я Оджеру и Вальтруде. Нет ничего удивительного в том, что меня тошнит, все из-за сильных лекарств, которыми пичкают пациентов дни напролет.

— Только не вдумай блефать на мой униформа, как в прошлый раз. Я только что фзять ее из химчистка, — выдыхает Вальтруда на своем немецком наречии, сигарета по-прежнему зажата у нее меж зубов. — Блефать в ведро.

Я отворачиваюсь, довольная тем, что мой трюк удался. Повернувшись к ним спиной, я выдергиваю ведущую руку. Падаю на колени и притворяюсь, будто меня тошнит. В это же самое время, я перекидываю руку через голову и начинаю зубами расстегивать застежку на рукаве. Я выгибаю спину и расстегиваю ремешки на спине сверху и снизу рубашки. Я делаю это быстро, надеясь, что они не заметят. Обернувшись, я поняла, что Надзиратель Оджер раскрыл мои манипуляции. На его лице появляется широкая улыбка. Он счастлив, что наконец-то может наказать меня за что-то. Если не буду действовать быстро, они поджарят мои мозги во время терапии.

Времени в обрез, я хватаю шприц с успокоительным из кармана Вальтруды и, ликуя, втыкаю его ей в шею, впрыскивая седативный препарат прямиком в мозги. Работает просто волшебным образом, но я не могу остановиться от соблазна сунуть ее лицом в ведро. Я ждала это всю неделю, и теперь фортуна повернулась ко мне лицом.

— Ах ты маленькое отродье, — зарычал надзиратель Оджер.

Он берет меня за руки и поднимает в воздух. Не могу высвободиться. Я поднимаю ноги и закидываю их ему на плечи. Мои руки выскользнули из его хватки и я начала карабкаться по его широкой спине, словно обезьяна по слону. Времени даром я не теряла. Я вынимаю электрошокер у него из кармана, затем ударяю им ему в шею. Он падает на колени, увлекая за собой и меня, я поднимаюсь на ноги. Я слышу его стоны, убегая прочь из камеры. Он поднимется через несколько минут. Нужно преодолеть много коридоров, чтобы добраться до главной двери, а за ней — свобода. Нужно рассказать всему миру о том, что я не сумасшедшая — или же убедиться в обратном.

Уже в коридоре, я останавливаюсь, как вкопанная. Ничего не могу поделать. Мое сердце велит мне остановиться и вспомнить, что я оставила нечто ценное. Мою Тигровую Лилию.

Не делай этого, Алиса. Ты теряешь драгоценное время. Это всего лишь цветок. У тебя всего минута, чтобы убежать, прежде чем охрана узнает, что ты натворила. Будь умной и убегай.

Я бросаю вызов логике и возвращаюсь обратно в свою темницу. Я любезно пинаю

надзирателя по лицу, ругаясь, когда ногу пронзает боль, толкаю лицо медсестры еще глубже в ведро, затем забираю свою Тигровую Лилию. Друзей я не бросаю.

— Скажи мне, что со мной все будет в порядке, — говорю я цветку. Она не отвечает. Она не кивает и не хлопает своими лепестками, а может она вообще думает, что я сама огромный бегущий цветок. Хорошие новости. Галлюцинаций у меня нет. Это реальность. Я действительно сбегая из психушки.

Когда я снова выбегаю в коридор, пациенты по обеим сторонам выкрикивают мое имя. Они стучат о прутья своих решеток, пытаюсь высунуть головы.

— Алиса! Алиса! Алиса! — скандируют они и хлопают в ладоши. Они полны энтузиазма. Быть может, я первая, кто сбегает из психушки. В тоже самое время, создавая шум, они рушат мой план, Внезапно начинают вопить аварийные сирены. Охрана определенно услышала крики.

— Выберись отсюда. Докажи всем, что Страна Чудес существует, — выкрикивает пациентка в полосатой пижаме и тапочках-зайцах. Не удивительно, что она верит в Страну Чудес. Однажды, Доктор Том Тракл заметил, что я оказываю большое влияние на пациентов, рассказывая им о Стране Чудес. Ничего из этого я не помню.

— Не уходи, Алиса, — умоляет женщина, держащая подушку, словно кота. — Думаю, мир снаружи еще безумней, чем здесь.

Я лишь продолжаю бежать. Клиника превращается в настоящий сумасшедший дом. Я слышу тяжелые шаги приближающейся охраны. Все, что я смогла придумать — это спрятаться в уборной. Я ненавижу уборные, потому что там есть зеркала, но у меня нет иного выбора.

Еще один пациент просовывает руку между прутьями решетки и хватает меня за халат. Он подтаскивает меня ближе к решетке. Он не похож на остальных. Он не верит, что сбежать отсюда возможно. У него плохие зубы и от него пахнет черепашью супом.

— Куда это ты собралась, маленькая Алиса? — шепчет он мне на ухо. — Ты — сумасшедшая. Твое место здесь.

— Отвали от меня, — я пихаю его локтем и бегу в уборную.

Внутри, я закрываю лицо руками и проскальзываю в одну из кабинок, избегая зеркал. Я сажусь на унитаз, прижимая к груди цветочный горшок. Эти проклятые психи помешали моему плану.

Дыши, Алиса, Дыши.

Я стучу ногой по полу, обдумывая свой следующий ход. Потом слышу, как снаружи у моей дверцы кто-то поет. Голос мне знаком. В нем слышится непонятная злобная насмешка. Я его ненавижу:

Когда она была здорова, она была очень, очень хорошей.

Когда она заболела, она стала ужасной.

— Заткнись, — я зажимаю уши ладонями. — Я не сумасшедшая. — Я знаю, что голос раздается из зеркала. Потому то зеркала пугают меня. Но для того, чтобы уйти из уборной, мне придется столкнуться с ним. Сердце отбивает барабанную дробь, я открываю дверцу кабинки. То, что я вижу в зеркале, парализует меня, впрочем, как и всегда.

В зеркале кролик, размером с человека. Он белый, с розовыми глазками. Не могу разглядеть его черты, потому что белоснежные волосы закрывают ему на лицо. Он постукивает по карманным часам лапкой, напевая детскую песенку. На этот раз, он изменяет несколько слов:

Когда она была здорова, она была очень, очень хорошей.

Когда она сошла с ума, она стала Алисой.

— Скажи мне, что со мной все будет хорошо, — умоляю я свою Тигровую Лилию.

— Ничего хорошего с тобой не произойдет, — отвечает мне цветок. — Ты — сумасшедшая, Алиса! Сумасшедшая! — Оно протягивает ко мне лепестки и плюет мне в лицо. У меня снова галлюцинации.

Охрана врывается в уборную, и один из них ударяет меня разрядом электрошокера. Я трясусь и роняю горшок, теряя свою Тигровую Лилию на мокром полу. Когда я бросаю очередной взгляд на зеркало — кролик уже исчез. Они снова поместят меня в карцер и, вероятно, отправят на шоковую терапию.

Охрана тащит меня обратно по коридору, пациент, который пахнет черепашьям супом прижимает лицо к прутьям решетки и кричит мне.

— Ты не сумасшедшая, Алиса! — Он смеется надо мной и стискивает руками решетку. — Ты не сумасшедшая! Мы все тут психи!

ВИП-Палата, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

Доктор Том Тракл, Главный Врач психиатрической лечебницы Рэдклифф, стоял разинув рот, окруженный своими ассистентами. Они пристально смотрели на ВИП- Палату, в которой держали самых опасных пациентов. Но эта палата специально была построена для определенного пациента: Профессор Картер Пиллар, в миру известный как Киллер-Пиллар один из самых опасных психопатов во всем мире.

В отличие от палаты Алисы, эта была почти такой же большой и шикарной, как комната пятизвездочного отеля. Стены были окрашены в цвет шампиньонов, на стенах висели винтажные картины. По большей части это были картины растений и цветов, что придавало комнате облик леса. Мебель была современной, с утонченными изгибами, с доминирующими мотивами зеленого и кремового оттенков.

В палате стоял холодильник, телевизор с широким плоским экраном и письменный стол, цвета вороного крыла. Стопки книг громоздились в углу, с парой пачек табака на самой верхушке. Кубинская сигара, трубка и сушеные грибы валялись на кушетке. Два изогнутых торшера, по форме напоминающие розы и фиалки, добавляли искренне уютный свет на большой кремовый диван в середине комнаты, с видом на решетку в коридор, с видом на решетку, за которой сейчас стоял Доктор Том Тракл. Перед диваном стоял синий кальян, спирали дыма все еще поднимались в воздух. С камерой Профессора лишь не увязывалась одна маленькая деталь. Самого профессора в ней не было.

— Это, что, шутка, да? — зарычал Доктор Тракл на санитаров и медсестер, кому редко разрешалось заходить выше подземного уровня.... сегодня сделали исключение, в связи с исчезновением Пиллара.

Сотрудники клиники опустили головы, боясь встретиться глазами со страшным взглядом Доктора Тракла. Тракл увольнял и за меньшие проступки, не говоря уже о побеге одного из пациентов в прошлом. Репутация клиники была для него превыше всего.

— Я думаю..., - начала недавно нанятая медсестра.

— Ты думаешь? — поморщился Тракл. — Тебя нанимали в клинику не за тем, чтобы думать. Я скажу тебе, что ты думаешь: ты уволена.

В то же мгновение, Оджер взял ее за руку и повел на выход.

— Я даже не знаю, как он сделать такое, Доктор Тракл, — медленно заговорила Вальтруда. Она всегда была среди любимчиков Доктора Тракла. — Камера до сих пор запереть снаружи. Признаков взлома нет. И он сидеть в этой палате совсем один.

— Профессор Картер Пиллар один из наиболее опасных психопатов в мире, — Доктор Тракл повернулся лицом к персоналу. — Раньше он изучал психологию в Университете Оксфорда, пока не произошло нечто такое, что поставило под сомнение его вменяемость, — глаза Тракла широко распахнулись под линзами очков, когда он произносил слово “вменяемость”. Его тонкие светлые волосы встали практически иголками, от которых у сотрудников клиники по коже пошли мурашки. — Пиллар убийца, который впоследствии убил двенадцать невинных человек. Тот факт, что он обдурил суд, ссылаясь на невменяемость, не отменяет другого факта: он хладнокровный серийный убийца, который выдает себя за сумасшедшего. — Тракл наслаждался страхом, намек на который появился в

глазах мед-персонала. Он всегда обожал запугивать людей, в противном случае, он потерял бы контроль над лечебницей. — Пиллар мог запудрить вам мозги своими чарами, загипнотизировать одурманенными глазами и своим бессмысленным сарказмом. Вы сами находитесь на грани безумия, если думаете, что он здесь находится лечения ради. Клиника для него — тюрьма. Он отсиживается здесь, чтобы ни Интерпол, ни ФБР не смогли упрятать его за решетку. Мы должны были держать его тут взаперти, чтобы защитить мир от него. — Он хрустнул пальцами, словно хотел кого-нибудь ударить. — Тогда как вы можете объяснить, что ему удастся сбежать в третий раз за месяц? — закричал он изо всех сил, вены на его шее вздулись, как разгоряченные трубки кальяна. Большинство из членов мед-персонала тяжело сглотнули. В клинике даже ходила поговорка: “Безумней шляпника может быть только Тракл”.

— При всем мой уважение к Вам, Доктор Тракл, — произнесла Вальтруда. — Я думаю, что мы должны известить власти.

— Вы ведь знаете, что я не могу этого сделать, сестра Вальтруда, — Тракл стиснул зубы. — Мы в ту же самую секунду потеряем работу, если сообщим им, что человек, которого нам приказали запереть, попросту сбежал. Кроме того, все сейчас с ног сбились разыскивая этого убийцу — Чеширского Кота. Известия о том, что Пиллар сбежал, только усугубят ход дела.

— Что меня, правда, смущать, Доктор Тракл, это почему Профессор Картер Пиллар всегда возвращаться после свой побег, — задумчиво произнесла Вальтруда. — Он никогда не рассказывать про свой побег и все же, он всегда возвращаться до этих пор, будто после прогулка в парк.

Лицо Тракла покраснело, когда он снова уставился на пустую камеру.

— Он смеется над нами, Вальтруда, — он сунул руки в карманы, и уже было собирался принять одну из капсул, которые выписал ему его психиатр. Ему не хотелось показывать эту сторону своей жизни персоналу. Если они только узнают, что их начальнику самому требуется помощь, как и любому другому психу в этой клинике, это положит конец его карьере. — Он, черт подери, просто смеется над нами, и я просто умираю от любопытства узнать что у него на уме, — сказал он, сжимая капсулу подушечками пальцев. Он всегда носил их в кармане халата. У него много таблеток, и он привык принимать в день штук по шесть, чтобы успокоиться.

— Быть может, он и в правду чокнутый, — промычал Оджер откуда-то сзади. Никто даже не обратил на него внимания. — В противном случае, с какой стати он всегда возвращается?

— Думаю это из-за этой книжка, Алиса в Стране Чудес, который он фсегда держать при себе, — предположила Вальтруда, показывая на книгу, что лежала на диване. — Я слышать, что он начал убивать, прочитав ее.

В комнате повисла тишина, когда все задумались: а где же все-таки находится Профессор Картер Пиллар в данный момент.

Главный Вход, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф.

У входа в психиатрическую клинику Рэдклиффа резко затормозил черный лимузин. Безрассудство водителя встревожило охрану у главных ворот. Сузив глаза, они направили оружие на тонированные окна необычайно длинного лимузина. Изнутри доносился беспрерывный смех, слышалась музыка Битлз. Пассажиры пели “Люси в алмазах неба”, только вот в этой версии звучало имя “Алиса”.

Шофер во всем черном вылез из машины и поспешил открыть двери веселым пассажирам. Он был настолько поглощен своей работой, что даже не заметил, что охранники нацелили оружие на лимузин.

Шофер был коротышкой. На нем был надет смокинг, да только тот был слишком большеват, словно снят с чужого плеча. Его лицо было забавным во многих отношениях. Оно было усыпано веснушками, взброс маленького заостренного носика. Один из охранников сдавленно хохотнул, когда заметил тонкие усики шофера. Они больше походили на усы крысы.

Шофер прокашлялся, поправил галстук и наклонился, чтобы открыть пассажирскую дверь. Изнутри раздался девичий смех. Через открытую дверь в лица охранников повалил густой дым, будто кто-то запер внутри лимузина облако, а теперь оно пеной повалило на них, словно гигантский мыльный пузырь, как в старых фильмах ужасов. Оно было серое, толстое и забавно пахло. Охранники ощутили легкое головокружение.

— Подозрительная активность у главного входа, — передал по рации один из охранников. — Возможно, слезоточивый газ от налетчиков. Нужно подкрепление.

Остальные охранники стояли парализованные внутри большого кольца газа, и ждали, когда он начнет рассеиваться. Девушки не прекращали смеяться ни на мгновение. Несколько охранников начали кашлять. Первое, что увидела охрана, когда газ рассеялся, была девичья нога, показавшаяся из лимузина. Ножки оказались весьма и весьма стройными, с татуировкой гусеницы. Охранники, которые всю свою жизнь имели дело с психами, начали пускать слюни. Из лимузина вылазили девушки: одна за одной. На них были надеты обтягивающие одежды и коротенькие юбочки. Одни хихикали, другие кашляли. Некоторые делали и то, и другое. Большинство были так счастливы; охранники не смогли удержаться и захихикали в ответ. Некоторые девушки курили самокрутки, глупо улыбаясь. Это было похоже на прелюдию к безумию, в котором главный гангстер обычно появляется под занавес.

Наконец, из машины показалась коротенькая ножка, за которой последовала яйцеобразная голова мужчины с зажатой меж зубами трубкой. Фетровая шляпа была надвинута на глаза, когда он вылез с кальяном в руках. Он кашлянул и, подобно волшебнику растворился в кольцах толстого дыма. Когда дым развеялся, охранник увидел, что на нем уже был надет светлый смокинг с горизонтальными полосками. На руках красовались белые перчатки. Его шляпа была украшена двумя шипами, по форме напоминающие грибы. Не смотря на то, что он выглядел отчасти забавно, само его присутствие вселяло в сердце ужас, вперемешку с волнением и возбуждением. Охранники выпрямились и нацелили на него оружие. Они узнали этого человека. Это был Пиллар — Киллер.

Поправив шляпу, Пиллар оглядел всех своими крошечными глазками. Он выглядел совершенно довольным собой, однако, его будто бы раздражало присутствие других людей.

— Пп-повернитесь. Руки за гг-голову! — потребовал один из охранников, заикание выдавало его страх со всеми потрохами.

Пиллар, с кальяном в одной руке и трубкой во рту, бросил на него озадаченный взгляд. Казалось, он не знал что с ними со всеми делать. Его словно пробудили от дремоты.

— Я сказал, повернись. Руки за голову, Профессор Пиллар, — повторил охранник. — Вы беглец психиатрической клиники Рэдклифф. Если вы немедленно не подчинитесь, я застрелю вас. — Охранник не собирался стрелять. Он блефовал и жутко боялся Пиллара.

— Я отлучался за покупками, — ответил Пиллар. — Мне нужен был новый клапан продувки для кальяааааана, — кольца дыма вырвались у него изо рта, прямо в лицо охраннику. Мужчина упал на колени от силы дыма и Пиллар склонился, бросая на него косые взгляды из-за завесы дыма. — А ты ктоооооо?

Офис Главного Врача, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

Доктор Тракл основательно подготовил себя ко встрече с Пилларом, приняв две таблетки за раз. Его беседа с Профессором Картером Пилларом пройдет отнюдь не гладко. За постоянными побегами Пиллара стояла некая причина. Неведение убивало Доктора Пиллар — Киллер определенно попытается заключить какую-нибудь сделку. Доктору Траклу просто необходимо найти компромисс. Ни при каких обстоятельствах Доктор не должен потерять свою работу. Она — все что у него осталось.

После развода, который высосал из него все деньги; после того, как он десять лет верой и правдой служил этой клинике и всем ее секретам, которые власти похоронили здесь, вместе с ним, он просто не мог этого допустить. Его детей приняли в университет Оксфорда, и обязанностей у него прибавилось вдвое. Еще он положил глаз на молоденькую медсестру из Секретной Палаты, которая обслуживала привилегированных людей из правительства. Безумие — болезнь, которая не делит людей на классы и сословия. Если бы только ФБР и Интерполу удалось обвинить этого психа, Профессора Пиллара, Доктор Тракл не оказался бы сейчас в таком положении. Но, как и всегда, маленькие рыбки подбирают объедки, которые остаются от пиршества больших рыб.

Давая таблеткам время подействовать, он переключил канал на широком экране огромного телевизора. Во всех новостях только и говорили о Чеширском Коте. Маньяке, который оставлял на лицах своих убитых жертв жуткие усмешки.

— Боже, — пробормотал Доктор Тракл себе под нос. — Эта маленькая книжонка “Алиса в Стране Чудес” свела мир с ума. Черт, это всего лишь детская сказочка.

По новостям сообщалось, что недавно Чеширский Кот отправил послание миру. На видео-записи была лишь его голова, скрытая оранжевой маской ухмыляющегося кота. Он очень напоминал Доктору Траклу котенка из его детства по имени Гарфилд, который любил сворачиваться калачиком и воровать еду. Голос Чеширского Кота на видео был искажен, но слова были понятны:

— Это послание от Чеширского Кота всему миру. Держитесь подальше от меня и от людей, с которыми я связан. Это не касается ни ФБР, ни Интерпола или властей всего этого мира. Девушки, которых я убил, ничего общего с вами не имеют. Это битва Страны Чудес. Вас предупредили.

Доктор Тракл не был уверен из-за таблеток или из-за монотонного голоса Чеширского Кота, у него по спине побежали мурашки. То безумие, что он сейчас увидел по национальному телевидению, он еще не встречал за долгие годы своей практики. Это напомнило ему о том, что мир сошел с ума: в клинике и за её пределами. Он поднялся и поправил галстук перед встречей с Пилларом. Но прежде, он решил, что третья таблетка будет совсем не лишней.

ВИП-Палата, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

Когда Доктор Тракл вошел в ВИП палату, он застал Картера Пиллара, сидящим на большом диване посреди комнаты. На нем была шляпа, белые перчатки, он размерено покурил кальян с розовой трубки. Доктор Тракл приблизился к прутьям решетки, пока Пиллар склонялся над своим кальяном. Пиллар был не совсем обычным курильщиком. Он предпочитал определенный размер, производителя и не совсем обычные ингредиенты из экзотических регионов. Профессор считал курение неким видом искусства. Доктор Тракл планировал застать его врасплох своим криком, но Пиллар заговорил первым.

— Ты когда-нибудь задумывался, что Страна Чудес существует на самом деле, Томми? — Пиллару нравилось провоцировать его, называя просто по имени. Он даже не посмотрел на Доктора, разговаривая своим безукоризненным лекторским тоном. Доктор Тракл поморщился, подавляя зачатки гнева, не в состоянии ответить на этот бред. — Этот прекрасный, писатель-заика, математик и фотограф, я говорю о Льюисе Кэрролле, не мог просто так выдумать Страну Чудес, — Пиллар пускал кольца и поправлял угли. — Только задумайся, как эта книга вдохновляет, влияет и формирует сознание детей на протяжении почти ста пятидесяти лет. Можно с уверенностью сказать, что слова Кэрролла стали не просто порождением удачи, а самой гениальности. Эта книга чем-то цепляет людей. Должно быть, Страна Чудес существует на самом деле.

— Так вместо того, чтобы рассказывать о своем побеге, ты ожидаешь от меня милой болтовни о Стране Чудес? — поинтересовался Доктор Тракл, до смерти желая узнать, что задумал Пиллар.

— Единственная философская проблема с принятием существования Страны Чудес означает, что наша реальность на самом деле не более чем вымысел нашей фантазии, — Пиллар выпустил облачка дыма, да такие, каких Доктору Траклу еще не доводилось видеть прежде. — Ошибочное предположение, которое порождает еще более безумный вопрос: Кто ты на самом деле?

— Послушай меня ты, кусок.... — Доктору Траклу надоели игры. Он стиснул руку в кулак, затем вспомнил совет своего психиатра, как дышать в таких случаях. — Я не имею ни малейшего понятия, как тебе удалось сбежать из клиники, но я разгадал твой план. На самом деле, ты не хочешь сбежать из клиники. Тебе даже нравится быть здесь по какой-то причине. Ты ведь знаешь, что я люблю свою работу и могу потерять ее, если ты сбежишь. Я весь внимание. Так что ты хочешь взамен на свое пребывание здесь, чтобы я не потерял работу?

— Алису Уандер, — без малейшего колебания ответил Профессор, выдыхая дым и поправляя угольки. Казалось, он никогда не будет удовлетворен тем, как они лежат, будто эти угли были частью чего-то очень важного.

— Алису Уандер?

— Алиса Плезанс Уандер, пациент номер 1832, та самая, которую ты запер в одиночной, похожей на шахматную доску, камере подземного уровня, — голос Пиллара растерял весь свой безукоризненный лекторский тон, и теперь стал плоским и до оупения серьезным. Но, в отличие от Тракла, в его голосе не было ни намека на гнев. — Та самая девушка, которую ты снова и снова подвергал пыткам шоковой терапии, и вполне преуспел в

этом, ведь она позабыла о Стране Чудес.

— Ах, та Алиса, — потер подбородок Тракл, притворяясь, что только что вспомнил о ней. Для него было настоящим облегчением узнать, что Пиллару что-то нужно.

— Я хочу, чтобы ты задал ей вопрос. Если мне понравится ее ответ, тогда я встречу с ней лично. Не посылай медсестру. Сделай это сам, и спроси вежливо.

— Ты выжил из ума, — выплюнул Тракл.

— Выжил из ума... Ах, какая ирония, — рассмеялся Пиллар. — Об этом мне говорили мои жертвы. — Любой намек на человечность исчез из его взгляда. Изменение его внешности было столь внезапным, что холод сковал легкие Доктора Тракла. — И я уверен, больше они этого не скажут, ни-когда, — добавил Пиллар.

Тишина душила Доктора Тракла. Он хотел воспротивиться, но запугивания Пиллара оказались далеко за гранью всего того, что он когда-либо проделывал с сотрудниками. Теперь он понял, почему суд признал невменяемость Пиллара. Он действительно был безумен. Нужно держать его подальше от мира любой ценой.

— Что ты хочешь, чтоб я у нее спросил? — задал вопрос Доктор Тракл.

— Это простой математический вопрос, вот только ответ не так уж прост, как кажется, — Пиллар развалился на диване, скрестив ноги и вытянув руку на изголовье. В глазах Доктора Тракла, он выглядел как полоумная версия Зигмунда Фрейда.

— Спроси ее, сколько будет четырежды семь. — Пиллар нацепил на лицо фальшивую улыбку.

— Это же бред, — Доктор Тракл почувствовал себя оскорбленным.

— Оу. Ты пока еще не встречал настоящий бред, — ответил Пиллар. — Кстати, я задушил одного вашего охранника шлангом от кальяна и подвесил его в конце холла, как кусок мяса. Убери его, пока он не начал вонять.

Мухоморня, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

Шоковая терапия по ощущениям сродни наркотикам. Каждый раз, когда Санитар Оджер нажимает на кнопку, мое тело трясет так сильно, что мозги немеют. Это не такое уж плохое ощущение, если думать позитивно. Я закрываюсь от мира на тот короткий миг, когда мое тело сотрясает дрожь. Порой, мир сам по себе кажется мне слишком шумным.

В довершение ко всему, меня пропитывают некой жидкостью, чтобы улучшить проводимость тока. Каждый раз, нажимая на кнопку, Оджер хихикает и ухмыляется. Удары короткие и по существу. Если подержать кнопку чуть подольше, я смогу превратиться в хорошо прожаренного цыпленка на ужин каннибалам.

— Как самочувствие, Мухомор? — Вальтруда выдыхает кольца дыма в воздух. Ей нравится называть нас, безумцев, Мухоморами. Место, где меня мучают называется Мухоморня. Это больничный сленг. Эдакая аналогия с ядовитыми грибами, поскольку шоковая терапия превращает мозги пациентов в кашу, и они находят это увлекательным. Уверена, что Вальтруда и Оджер не хотят моей смерти. Что в этом веселого? А вот наблюдать, как я страдаю — чистой воды развлечение для них. Подземная жизнь довольно скучна для медсестер и санитаров. Я вижу это во взгляде Вальтруды. В этом проблема нормальных людей. Они почти всегда имеют лицензию, убивать, по их мнению, психов.

— Господи, — я сопротивляюсь боли и заваливаюсь обратно на Оджера. — Я всего лишь сумасшедшая. Ничего личного. — Полагаю, я заслужила все это своей попыткой побега.

Два часа спустя, я возвращаюсь в свою клетку. Боль и головокружение — наименьшие из моих неприятностей. Я чувствую себя одинокой, без своей Тигровой Лилии. Санитар Оджер говорит, что ее пересадили в новый горшок и отнесли в кабинет Доктора Тома Тракла, развлечения ради. Бедная моя Тигровая Лилия, теперь она в лапах этого жестокого человека. Пару минут спустя, Вальтруда говорит, что ко мне пришли посетители.

Комната для Свиданий, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд

В комнате для свиданий, я сажусь напротив матери и двух сестер. Между нами нет никакого барьера. Просто столы. Визит длится максимум полчаса. Пациенты лечебницы обычно ведут себя неплохо. Хватает одного угрожающего взгляда Санитара Оджера или медсестры Вальтруды.

— Как ты себя чувствуешь, Алиса? — моя мать протягивает руку и дотягивается до моей ладони. Я позволяю ей, не смотря на то, что я не вполне уверена, что она — моя мать. У нее жиденькие нечесанные каштановые волосы. Глаза на мокром месте. Наверное, она меня любит.

— Безумной. — Я выдаю слабую улыбку.

Лорина и Эдита, мои сестры, хихикают, закрывая ладошками рты. Глаза сверкают. Они больше похожи на моих сводных сестер. Думаю, они меня вообще терпеть не могут.

— Не говори так, милая, — искренность моей матери должна как-то повлиять на меня. Но я ничего не чувствую. Быть может, все потому что я сумасшедшая. Я не помню ее имени, но я и не спрашиваю. Зато я удивляюсь, что помню имена сестер. Может, потому что они плохо ко мне относятся. Я встретила их впервые всего неделю назад. До этого, скорее всего, у меня был кто-то еще. По-крайней мере, тату на руке указывает как раз на это. — У тебя были трудные времена. — Моя мать по-прежнему выражает столько заботы, что я даже готова поверить в то, что она моя мать.

— Ты можешь вытащить меня отсюда? — я прекращаю драму.

— Опять, приехали, — произносит Эдита. Лорина закатывает глаза и отводит взгляд. Думаю, она стреляет глазами в симпатичного паренька неподалеку от нас, который пришел проведать свою мать. Я все равно стараюсь не обращать на них внимания. Не похоже, что они мне помогут.

— Сколько я здесь? — спрашиваю я у матери.

— Два года, — добровольно отзывается Лорина. Похоже, она рада подколоть меня. — С семнадцати лет.

— А почему я здесь? — настоящий вопрос в том: “Кто я в этом мире?”; но такие вопросы задавать не принято, чтобы вас не приняли за сумасшедшую.

— Ты убила своих одноклассников, одного за одним. — слова Эдиты падают на меня словно камни. Думаю, она старше меня. Она чертовски серьезна. Зато Лорина витает в облаках и просто помешана на своих наманикюренных ноготках.

— Как я это сделала? — Мой разум отказывается поверить в то, что я способна на чье-либо убийство. Я пытаюсь вспомнить об этом хоть что-нибудь, но не могу.

— Видишь у нее этот взгляд? — Лорина говорит Эдите, словно меня тут нет. — Она совсем умом тронулась.

— Прекратите, девочки, — требует моя мать. Она переживает, и выглядит слабой. Она не имеет никакого контроля. Что наводит меня на мысль: где мой отец. Я никогда его не видела. Может, он умер, но я не спрашиваю. — Можно тебя спросить, Алиса?

Я киваю.

— Так ты все еще веришь, что Страна Чудес существует?

— Нет. — качаю я головой.

— Значит, твое лечение работает, — моя мать выглядит довольной. Думаю, она бы и двух минут шоковой терапии не выдержала.

— Почему все только и делают, что говорят о Стране Чудес? — удивляюсь я.

— Когда тебе было семь, — серьезность Эдиты начинает раздражать. — Ты однажды пропала, и когда вернулась, ты рассказывала о том ужасном месте.

— Эдиту наказали в тот день, потому что ее оставили за тобой присматривать, а ты пропала, — Лорина не могла перестать хихикать. Теперь я понимаю, почему Эдита такая серьезная. Ее гложет вина. Она просто скрывает это за образом тупицы.

— Заткнись, — Эдита награждает сестру резким взглядом. Интересно, как мне удалось улизнуть от нее, когда я была ребенком.

— Прошу, девочки. Перестаньте, — умоляет моя слабая мать.

— Почему это перестать? — спрашивает Эдита. — Я не куплюсь на то, что она не помнит.

— Ага, — Лорина отвязывается от своей сестры. — Тогда ей придется признаться во всех тех ужасах, что она натворила после, вернувшись в тот злополучный день.

— Ужасах? — я склоняю голову набок. — Есть что-то еще кроме убийства одноклассников?

— Помнишь своего парня? — спрашивает Лорина.

— У меня есть парень?

— БЫЛ парень, — уточняет Лорина. Кажется, она сама положила глаз на моего парня. — Пока ты не убила его со всеми вместе в автобусе два года назад.

— Зачем я это сделала? — Действительно трудно спрашивать кого-то о том, что ты сделал и чего ты даже не помнишь.

— Кто знает, — закатила глаза Лорина, улыбаясь Эдите.

— Помню, она болтала что-то о монстрах из Страны Чудес, — смеется в ответ Эдита. Ее смех скучен. Похоже, ей даже лень губами — то шевелить.

— Монстры из Страны Чудес? — я прищурилась. Они что, шутят, или я вправду так говорила. Тем не менее, мне плевать на все это. Мне плевать на покорное молчание матери, придурочных сестер, даже на Монстров из Страны Чудес. Меня интересовал лишь парень, которого я убила. Это показалось мне странным. Даже с теми обрывочными воспоминаниями, я не думаю, что смогла бы причинить боль тому, кого любила.

— Как его звали? — спросила я.

— Кого звали? — все еще смеются Эдита и Лорина.

— Моего парня, которого я убила.

— Адам, — наконец отвечает моя мать. — Адам Джей Диксон.

Не знаю как или почему, но от имени Адама Джея Диксона у меня на глазах внезапно наворачиваются слезы.

Палата Алисы, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

Сон становится невероятно трудной задачей, с тех пор, как я узнала о своем парне, Адаме. Не то чтобы я помню его или то, как убивала своих одноклассников в школьном автобусе. Но Адам для меня то же, что и Страна Чудес: я не могу их вспомнить, но что-то подсказывает мне, что они реальны. Меня беспокоит эта необъяснимая скорбь по поводу утраты Адама. Я не могу дать научное объяснение своим чувствам, они просто не отпускают меня. Мне хочется оплакивать его, посетить кладбище, произнести молитву и оставить розы на его могиле. Для меня это даже очень искреннее чувство. Не думаю, что ощущаю что-то похожее по отношению к своей семье. Интересно, возможно ли забыть кого-либо, но продолжать испытывать к нему чувства. Словно вырезать его имя внутри сердца. Словно он — моя родственная душа. Все, что мы пережили, затаилось где-то в бездне моей памяти. Я просто не знаю, как глубоко нужно нырнуть, чтобы вернуть все это на поверхность.

Мои мысли прерывает стук в дверь Вальтруды. Иногда мне кажется, что я единственный пациент в лечебнице.

— Я, правда, устала, — говорю я. — Я не хочу есть, идти в ванную или встречаться с кем-либо. Оставьте меня в покое.

— Это Доктор Тракл, — говорит он и входит в мою камеру. Он никогда раньше не заходил ко мне. Войдя внутрь, он убирает руки за спину. — Как ты себя чувствуешь, Алиса? — Он никогда прежде не был так вежлив со мной.

— Безумной. — Мой любимый ответ. Нужно закрепить за собой авторские права.

— Буду краток, — Доктор Тракл пропускает мой ответ мимо ушей. Он с отвращением разглядывает мою темницу. — Это может показаться тебе возмутительной глупостью, но мне, правда, нужно у тебя кое-что спросить, — он пожимает плечами. Никогда не видела, чтобы он пожимал плечами. Ему неуютно в присутствии Вальтруды. — Сколько будет четырежды семь? — быстро спрашивает он, словно он смущен тем, что говорит. Вальтруда и Оджер изо всех сил стараются не заржать в голос у него за спиной.

— Двадцать восемь, — пожимаю плечами теперь уже я. Затем на меня обрушивается всплеск эмоций. Это напоминает мне о похороненных чувствах к Адаму. В голове загорается лампочка. Внезапно, я понимаю, что знаю правильный ответ на этот глупый вопрос. Кто бы ни сказал Тому Траклу спросить это у меня — он посылал мне тем самым тайный шифр. Не знаю КАК, но я знала. — Погодите, — задержала я Доктора Тома. — Четырнадцать, — ответила я с намеком на улыбку на губах.

Палата Пиллара, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

— Четырнадцать! — завопил Пиллар, закашлявшись и выпустив в воздух несколько колец дыма.

— Это и есть правильный ответ? — Тракл не мог разглядеть Пиллара за дымовой завесой.

— Несомненно, — ответил Пиллар. — Теперь, приведи ее ко мне.

— Нет. Нет. И нет, — выплюнул Тракл. — Это ведь серьезное нарушение правил лечебницы.

— Я всегда думал, что одной из прелестей безумия является нарушение всяческих правил, — ответил Пиллар. — Так что будь послушным сумасшедшим мальчиком в костюме и галстук, и приведи мне Алису Уандер. Становится все лучше и лучше.

— Что становится лучше? — Тракл не смог скрыть любопытства. Пиллар знал за какие ниточки дергать.

— Наберись терпения, Томми. Безумства приходят к тем, кто умеет ждать. — Пиллар откинулся на диван. Он выглядел довольным. Отчасти, немного сонным. Тракл вспомнил один момент в суде с участием эксцентричного профессора пару месяцев назад. Пиллар сообщил судье, что предпочитает смотреть на мир сквозь завесу дыма. По его словам, дым был для него чем-то вроде экрана. Он помогал ему видеть невидимые маски людей.

— Полагаю, я смог бы в виде исключения устроить вам короткую встречу, — задумался Тракл. — Но лишь если ты расскажешь мне...

— Знаю, знаю, — Пиллар отмахнулся рукой, затянутой в перчатку. — Ты хочешь знать, почему четырежды семь будет четырнадцать. Ответ кроется в твоём детстве, Томми, но, скажем так, ты сможешь найти его здесь. — Он подтолкнул копию книги Льюиса Кэрролла — Алиса в Стране Чудес к краю палаты. Тракл уже было собирался взять ее между прутьями решетки, но отдернул руку.

— Оу, — произнес Пиллар. — Ты боишься даже прикоснуться к ней. Как разумно с твоей стороны, — усмехнулся он. — Будь уверенней, Томми. В книге Льюиса Кэрролла, в той части, где Алиса задумывается на счет своих галлюцинаций. Она подвергает сомнению свою вменяемость, и даже то, что она Алиса.

— Что?

— Во второй главе, “Бассейн Слез”, Алиса пытается решить пример, но у нее получаются странные результаты. Она делает это для того, чтобы убедиться, что не сошла с ума, — сказал Пиллар. — Алиса обнаруживает, что пока она находится в Стране Чудес, четырежды пять будет двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, а четырежды семь..., — глаза Пиллара сверкают, глядя на Тракла

— Согласно этой необоснованной логике — четырнадцать, — сказав это, Тракл ощущает стыд, это было своеобразной расплатой за любопытство.

— Чудно, не правда ли? — Пиллар взмахнул рукой, словно заправский фокусник.

— Так это что-то вроде тупого кода, для помешанных на книжке? — Тракл ожидал чего-то большего. Ради всего святого, Профессор ведь был убийцей. Какой у него был интерес к детской книжке?

- “Тупой” — расистское и вышедшее из моды слово, — вскинул палец Пиллар. — Мы называем друг друга Чудесниками.

— Ты шутишь? Звучит так, будто ты веришь, что Алиса Уандер и есть та самая Алиса из книги, — фыркнул Тракл. — Твое безумие достигло зенита. Не думаю, что ты сможешь пойти на поправку.

— Безумство — образец для подражания, — Пиллар сделал долгую затяжку, кальян даже засвистел. — А теперь, пойдя и приведи мне Алису, прежде чем я не передумал и снова не смылся.

Дверь ВИП-Палаты, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

По пути на встречу с загадочным Профессором Пилларом, я вырвалась у санитары и побежала к кабинету Тома Тракла, чтобы забрать свою Тигровую Лилию. Мои попытки снова заканчиваются неудачей, когда санитары хватают меня и облачают в смирительную рубашку. На этот раз, они туго-натуго связывают меня, чтобы я не смогла освободиться. Оджер ухмыляется, глядя на меня связанную. Он постукивает электрошокером по своим толстым ручищам, как бы напоминая мне, как сильно он хотел бы поджарить меня на шоковой терапии, если я снова развяжусь.

Пока они ведут меня к ВИП-Палате, я пытаюсь вытянуть из своей головы хоть какие-то воспоминания о Стране Чудес и людях, которых, предположительно, я убила. Я ничего не могу вспомнить, даже Пиллара, который так жаждет увидеть меня.

— Ты самый худший Мухомор в моей лечебнице, — говорит Доктор Тракл, поправляя свой галстук, шагая рядом со мной. Он всегда был несколько самоуверенным в этой своей изысканной манере одеваться. Но он впервые назвал меня “Мухомором”. — И не смотря на то, что ты убила своих одноклассников, я знаю, что ты не прирожденная убийца. Я лечил тебя какое-то время, так что я знаю, о чем говорю.

Он останавливается перед металлической дверью, ведущей в ВИП-Блок. Он выглядит гораздо чище того беспорядка, в котором живу я там внизу. Думаю, это нечто вроде чистилища, в одном шаге от реального мира снаружи.

— Как я уже говорил тебе, Профессор Картер Пиллар — безжалостный убийца. Он совершил множество отвратительных вещей: например, он вырвал глаза своей жертве и вставил вместо них грибы. На другой своей жертве он использовал веселящий газ и курил свой кальян, наблюдая как та умирает от внутреннего кровотечения посредством смеха. Он даже загипнотизировал мужчину и заставил его спрыгнуть с крыши Том Тауэр в Университете Оксфорда, после того как убедил того, что у него якобы есть крылья.

— К чему вы ведете, Доктор? — я не могла не заметить, что Тракл испытывает некий дискомфорт из-за Пиллара. Все любопытней и любопытней.

— Я веду к тому..., что раз уж ты останешься с ним наедине, в твоих интересах знать, что он умеет пудрить людям мозги и навязывать им свои идеи, — говорит Доктор Тракл. — У него всегда есть план, и он знает, как сыграть на людской неуверенности. Советую тебе оставаться в смирительной рубашке и стоять как можно дальше от прутьев решетки. В противном случае, ты поставишь под угрозу свои шансы на уход из лечебницы.

— Я и не подозревала, что у меня есть шанс. — Я посмотрела прямо ему в глаза, дабы убедиться, что он не лжет и не играет в игры.

— Знаю, это безумие, но так и есть, — Доктор Тракл переплел пальцы. — Адвокат твоей матери убедил суд в том, если лечебница докажет, что ты успешно прошла курс лечения, они снимут с тебя обвинения в убийстве одноклассников.

— Она, правда, это сделала? — Значит женщина, чьего имени я даже не знаю, в конце концов, должно быть, моя мать.

— Она старается изо всех сил, чтобы помочь тебе, — отвечает Доктор Тракл. — Если это произойдет, тогда, по моему мнению, ты совершила идеальное преступление: убила

одноклассников, разыграла из себя безумную, исцелилась и в конце концов вышла на свободу. Должно быть, это мечта тинейджера. — Продолжает он. — Чтобы поверить в твое исцеление, мы также должны убедиться, что ты не обманываешь нас, когда говоришь, что ничего не помнишь о Стране Чудес, или ...

— Или?

— Или Пиллар докажет, что ты не сумасшедшая. — Доктор Тракл потирает подбородок.

— Как сумасшедший, серийный убийца, который одевается как гусеница, докажет это?

— Докажет тем, что Страна Чудес существует. — Выражение лица Доктора Тракла внезапно меняется, и он начинает смеяться, подталкивая меня к двери. Полагаю, он только что успешно запудрил мне мозги.

Я иду по коридору, связанная в смиренной рубашке, чтобы встретиться с этим самым Пилларом. Коридор гораздо шире и чище, нежели мой, в подвале. Все камеры пусты. Все, за исключением одной, той самой, где мерцает желтый свет. Я слышу тихую музыку. Когда я подхожу ближе, я узнаю мелодию. Это “Белый Кролик” Джефферсон Эирплейн. Дым кольцами выплывает из камеры, когда я останавливаюсь прямо перед ней, готовая ко встрече с ним. Пиллар Киллер собственной персоной.

Палата Пиллара была по-безумному шикарна. Пол сделан в виде некоего подиума на фут выше пола в коридоре. Из-за чего палата походила на некую сцену. Пиллар сидит, скрестив ноги, на огромном диване. В одной руке он держит трубку от кальяна, в другой держит банку с бабочкой внутри. Бабочка бьется крыльшками о стекло, желая освободиться. Однако, Пиллара это не заботит.

Тишина окутывает это место и мне не хочется первой начинать разговор. Взгляд Пиллара изучает меня как-то необычно. Будто бы он знает меня, ЗНАЛ меня, и сейчас хочет удостовериться, что это и вправду я. Не смотря на то, что я совсем не боюсь сумасшедших людей, я ощущаю себя загадочным образом неуютно. При такой среднестатистической внешности и коротеньком росте, его присутствие оказывает необъяснимое влияние.

В коридоре напротив его камеры стоит стул. Я сажусь, не отрывая глаз от Профессора. Пиллар сонно взирает на дым, размахивая в воздухе трубкой от кальяна. Он словно дирижер оркестра, исполняющий необычную мелодию. Немного погодя, я понимаю, что он вырисовывает дымом слова в воздухе. Дым каким-то волшебным образом не испаряется. Это вопрос, ответить на который мне было бы проще неделю назад: ””Кто ты такая?”” Это же происходит не на самом деле, да? Это слишком нереально, даже для моего безумия.

— Я не уверена, кто я, — отвечаю я, удивляясь, почему я ощущаю потребность пожаловаться. — Однако, люди вокруг меня, кажется, имеют обо мне представление.

— Кто, по их мнению, ты такая?

— Говорят, я убила своих друзей. — Я поднимаю взгляд и смотрю в его глаза, понимая, что самым странным образом, мы оба убийцы.

— Почему я никогда прежде не задумывался об этом? — он делает затяжку из кальяна.

— Не задумывались о чем?

— Убивать друзей, — выдыхает он кольцо дыма обратно в комнату. — Но опять же, нельзя убить того, кого у тебя нет.

— У вас не было друзей? — я не ожидала, что он разоткровенничается. Или все же?

— У тебя их тоже нет.

— Вообще-то, есть.

— Ааа, ты, должно быть, имеешь в виду свою Тигровую Лилию. Весьма-весьма интересный вид, — такое ощущение, что ему хочется спать... либо некомфортно в своей коже. С кальяном его не разлучит даже апокалипсис. — Я слышал, что из-за нее сорвался твой побег.

— Она — единственная, кого я помню с прошлой недели. С тех пор, она мой близкий друг.

— Интересно, была ли она так значима для тебя в прошлом? — Пиллар делает глубокую

затяжку.

Я задумалась об этом. Я была привязана к ней из-за подавленных воспоминаний о прошлом, быть может?

— И поэтому Вы хотели встретиться со мной, чтобы поболтать о моем цветке? — удивилась я.

— Конечно же, нет. Я здесь за тем, чтобы поговорить с тобой о Стране Чудес.

— Тогда Вам лучше прочесть книгу, — мне надоело говорить о Стране Чудес. — Потому что ее не существует в реальной жизни.

— Это странно. Я совершенно уверен, что твоя матушка и сестрицы постоянно упоминали, как ты рассказывала о Стране Чудес. Настоящей. — Его взгляд пронзает меня насквозь. Я даже не собираюсь спрашивать его, откуда он знает о моей матери и сестрах.

Мне становится не по себе от того, что он знает о моей семье, но нечто заставляет меня продолжать разговор с ним.

— Мама говорит, что когда мне было семь, я пропала, и, вернувшись, бредила о страшном месте под названием Страна Чудес, — говорю я. — Это безумная история. Думаю, всему виной лишь мое детское воображение, после прочтения Алисы в Стране Чудес. Это же просто глупо.

— Что есть жизнь, как не большая глупая книга? — замечает он. — Ты ответила на вопрос, который я задал тебе. Это означает, что ты, должно быть, что-то помнишь.

— Не знаю, каким образом я узнала ответ, но, полагаю, это из-за того, что написано в книге Алиса в Стране Чудес.

— Нет, это не так. Дело в том, что в книге лишь намекается, что четырежды семь будет равно четырнадцати. Об этом никогда не упоминалось. Ты помнишь куда больше, чем ты думаешь, Алиса. Шоковые терапии и лекарства заставили тебя позабыть, — говорит Пиллар. — Seriously, Алиса. Разве тебе не любопытно вспомнить то, что ты позабыла? — Он откладывает трубку к кальяну и подается вперед. Это первый раз, когда он всецело обращает на меня внимание. — Я могу помочь вспомнить тебе удивительный вещи.

— Например?

— Например, кто такая на самом деле Красная Королева. Почему она отрубала головы. Кем на самом деле был Белый Кролик. Где находится кроличья нора. Что общего у ворона и письменного стола. Зачем Льюис Кэрролл написал эту книгу. И множество других вещей, — отвечает Пиллар. — По правде говоря, я даже могу сказать кто ты такая на самом деле. А знаешь, что произойдет, когда ты узнаешь, кто ты такая на самом деле?

— Нет, не знаю. — Я думаю о том, что лучше не знать, кто я на самом деле. Я не знаю, почему так думаю.

— Ты узнаешь, в самом ли деле ты убила всех своих одноклассников. А если все же убила, узнаешь ПОЧЕМУ сделала это. — Пиллар делает эффектную паузу. Я почти уверена в том, что он скажет дальше. — Хочешь узнать, почему ты убила парня, которого любила?

Последняя фраза Пиллара задевает меня больше всего. Я до сих пор не могу справиться с болью утраты парня, которого я любила, но не могу вспомнить. Кажется, Адам и Тигровая Лилия — это единственное, что беспокоит меня в этом мире.

— Я слушаю, — говорю я. — Скажите, чего вы хотите.

— Мне нужен он, — не колеблясь, отвечает Пиллар, включая телевизор. По нему транслируют обзор убийств Чеширского Кота.

— Вы же не хотите сказать, что это настоящий Чеширский Кот, да? — фыркаю я.

— Не все ли тебе равно? Страна Чудес для тебя не более чем выдумка, так ведь? — усмехается он. — Я гарантирую, что каждый день ты будешь покидать лечебницу на двенадцать часов, выполнять для меня мелкие поручения, а затем возвращаться и проводить в лечебнице всю ночь.

— Это невозможно. Судьи говорят, я сумасшедшая. Это признано официально.

— Хочется верить, что ты заметила, какое влияние я оказываю на Доктора Тракла. Верь мне. Он сделает все, что я прикажу.

— Полагаю, эти поручения будут иметь нечто общее с поимкой Чеширского Кота? — я вскидываю бровь. Этот разговор кажется для меня нереальным. А вдруг у меня снова начались галлюцинации, я не уверена.

— Если сделаешь как я скажу, мы поймем его, — отвечает Пиллар. — Не волнуйся. Я не попрошу тебя стрелять из пистолета или влезать в большие неприятности. Ты просто pomoжешь мне решить пару загадок о нем, а потом сможешь отправиться в постельку, как послушная сумасшедшая девочка.

— Вы понимаете, что этим должна заниматься полиция, так ведь?

— Поверь мне, они не смогут поймать его. Кроме того, разве ты не станешь чувствовать себя лучше, если pomoжешь поймать его и спасти десятки других девушек от смерти?

Мне понравилась сама идея, не смотря на то, что спасение жизней не совсем подходящее занятие для сумасшедшей девушки.

— А что я получу взамен, помимо шанса увидеть солнечный свет и снег впервые за последние два года?

— Я надеюсь, что ты каким-то образом снова вспомнишь Страну Чудес и я смогу доказать твою вменяемость. Но я знаю, что ты не особо радуешься этой идее, — говорит он. — Вот что я тебе скажу: я могу устроить, чтобы Тракл перевел тебя в палату не хуже моей.

— Мне плевать на палату, — говорю я. — За эту первую миссию, я хочу назад свою Тигровую Лилию.

— Тигровую Лилию обратно, — задумчиво повторяет он.

— И больше солнечного света, чтобы она смогла расти в моей камере.

— Мне нравится девушка, которая знает чего хочет. Договорились, — произносит он.

Я киваю, не зная, что именно от меня потребуется. Все о чем я могу думать, так это что я смогу выбраться из этого места, пусть даже на несколько часов в день. Все мои мысли о том, смогу ли я пойти в кино или съесть мороженое, что присуще обычным людям.

— Договорились, — отвечаю я.

— Чудно, — щебечет Пиллар. Я нахожу глупым, что он использует ЭТО слово, вот только почему мне оно же кажется мне изумительным.

— С чего начнем? — спрашиваю я.

— Почему бы нам не освободиться от этой твоей глупой смирительной рубашки? Я слышал, в этом деле ты большой мастер.

ВИП — Палата, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

Следующим утром, меня снова отправили в ВИП — Палату. Я удивилась отсутствию медсестер и санитаров. Вместо этого, по коридору разгуливали Мухоморы, обитатели другой палаты.

— Добро пожаловать на вершину безумия, — Пиллар взмахнул тростью, словно цирковой конферансье. Он пока что не начал курить. Полагаю, еще слишком рано, или же он хочет оставаться в здравом уме и твердой памяти, пока я нахожусь на задании.

Безумные пациенты в рваных халатах окружили, и уставились на меня превеселыми глазами. Казалось, будто я снимаюсь в сумасшедшем кино про зомби, словно я принцесса всех зомби.

— Не хочешь ли ты поздороваться со своими помешанными собратьями — или мне стоит называть их коллегами? — спокойно спрашивает Пиллар, бросая взгляд на них. Думается, пациенты восхищаются им. Как ему удалось вызволить их из клеток?

— Что они тут делают? — я пытаюсь отлепить от себя двух психов, которые не отстают от меня ни на шаг. Я ведь думала, сегодня будет мой первый день общения с нормальными людьми. Полагаю, я ошибалась на этот счет.

— Суть твоего задания крайне секретна, — пояснил Пиллар, поглаживая обезумевшую девочку, что крепко обнимала его, словно Пасхальный Кролик, — Безумно секретна. Ты сама разберешься с Чеширским Котом, наиболее опасным преступником Страны Чудес. — Он высвобождается из цепких объятий своей фанатки. — Это значит, что сюда нельзя вешивать никого из нормальных людей. — Он жестом заключает в кавычки слово “нормальный”.

— А если кто-нибудь спросит меня, что я делаю? — говорю я.

— Например, кто? — удивляется он.

— Например, полиция? — я наклоняю голову.

— Разве ты не слышала обращение Чеширского Кота, где он объясняет, что это Битва Страны Чудес?

— Да, верно. — Я поджала губы.

— Алиса, Алиса, Алиса, — вздыхает он. — Вот как я на все это смотрю. Чтобы доказать твою вменяемость, тебе придется совершать безумные поступки. Обдумай все, прежде чем принять мое предложение. Оно похоже на кроличью нору: упав в нее однажды, возврата уже не будет.

— То есть никто из надзирателей и медсестер даже не узнает? — у меня промелькнула мысль о том, как плохо что Оджер и Вальтруда не узнают, ведь тогда они смогли получше ко мне относиться, зная, что я выполняю столь важное секретное задание. Безумец с опухшими глазами смеется надо мной и отрицательно машет указательным пальцем. Таким скрюченным большим пальцем как у него, впору лобовые стекла протирать. — Но ведь Доктор Тракл в курсе, — замечаю я, уворачиваясь от очередного Мухомора.

— Аа, Томми, — говорит Пиллар. — Он — наш парень, — он показывает на пациентов. — Он просто хорошо скрывает это, обманывая целую вселенную, что он самый разумный человек в психушке. Разве это не так, друзья мои? — Обращается он к пациентам,

которые яростно кивают. Я предпочла воздержаться.

Пиллар подает сигнал нескольким Мухоморам принести кое-что. Они возвращаются с передвижным шкафом на колесиках, прежде я его здесь не видела. Они ставят его передо мной, изо рта у них течет слюна. Отлично, теперь я Алиса — принцесса дураков.

— Харродс? — читаю я надпись на шкафу, — Вы купили мне одежду в Харродсе?^[2]

— Ну, не совсем купили, — Пиллар обменивается с ними взглядами. — Но, как видишь, она здесь, не так ли? Психам тоже нужно одеваться. — Пациенты согласно кивают мне.

Я выдохнула, а затем вдохнула все свое здравомыслие обратно. Перед уходом мне предложили принять довольно-таки неплохой душ на подземном уровне. Вальтруда и Оджер были убеждены, что мне предстоит осмотр у высококвалифицированного специалиста за пределами лечебницы, куда я буду сопровождена исключительно под присмотром Доктора Тракла. Я понимаю, что, в таком случае, и Вальтруде будет известно о моей секретной миссии, но она будет закрывать глаза. А кто сможет устоять одежде из Харродса?

Я перебираю одежду и останавливаю свой выбор на потертых синих джинсах и белой майке. Девушка в рванье поднимает большие пальцы, ей по душе мой выбор одежды. Не могу удержаться, и из жалости вручаю ей платье. Мгновение она смотрит на него, не зная, что с ним делать и, в конце концов, принимается его жевать.

Пиллар сообщает мне, что снаружи слегка снежно, так что я добавляю к своему образу светло-голубой полувер с капюшоном и белыми длинными рукавами. Еще одна Безумная, уже преклонного возраста бросает мне белые ботинки и хихикает не переставая. Как, в конце концов, не полюбить этих психов. Они — это все что у меня есть.

— Только взгляни на себя, — Пиллар выглядит счастливым. — Современная Алиса. Льюис гордился бы тобой.

У меня не хватает смелости посмотреть на себя в зеркало, но, несмотря на это, я ощущаю себя посвежевшей. Не уверена, то ли дело в одежде, в предвкушении свободы или моих шизанутых друзьях. Но вот она я, Чудесники.

Фанатка Пиллара передает мне розовые часики. Они восхитительны.

— Я хотел достать тебе золотые карманные часы, но затем столкнулся с рядом препятствий, — объясняет Пиллар.

— Не смогли украсть Ролекс? — хихикаю я, надевая часы.

— На самом деле, проблема с кроликами из Страны Чудес. Они часовых дел мастера и контролируют индустрию по всему миру, — подшучивает надо мной Пиллар. — Гусеницы и кролики не очень ладят, знаешь ли. — Пиллар обращает свой взор на двоих психов, которые работают на печатной машинке за рабочим столом в его палате.

Они печатают со скоростью света и о чем-то спорят. Один из них печатает, другой передвигает каретку, чтобы начать новое предложение. (прим. пер. каретка — устройство в печатной машинке старого образца, куда заправляется бумага и которую нужно постоянно отодвигать, чтобы начать печатать новое предложение) Они смотрят на нее, словно на атомную бомбу. Я подглядываю, чтобы узнать чем они там занимаются. Они же продолжают резать бумагу и склеивать полоски.

— Мы закончили, или как? — нетерпеливо выдыхает Пиллар. Я удивляюсь, ради чего все это.

Один из них разгуливает по палате со старенькой фотокамерой. Она стилизована под фотоаппарат 19 века с сильфоном для фокусировки. Он ставит ее на штатив перед собой и просит меня встать прямо. Я все еще в растерянности.

— Скажи “сыыыыр”, Алиса, — требует Пиллар. — Этот Мухомор даже понятия не имеет о современных технологиях и камерах на смартфонах. Слишком долго проторчали тут, — он закатывает глаза.

Я уныло улыбаюсь Мухомору, который делает фото. Быстро, как кролик, он ныряет обратно за рабочий стол и продолжает писать и вырезать что-то, споря со своим другом. Он возвращается с карточкой в руке и слюнявой усмешкой. Вообще-то, улыбка довольно милая. Безумная, но по-настоящему и ужасно счастливая. Я начинаю завидовать всем этим Психам. Я не собираюсь спрашивать, откуда Пиллар узнал о моей фобии перед зеркалами. Полагаю, он знает куда больше, чем я знаю о самой себе.

Увидеть свое лицо на фото, куда лучшее решение, нежели посмотреться в зеркало. О зеркале и речи не могло быть. Мне нравится, как я выгляжу. У меня каштановые волосы, наверное, они вьются от природы..., а может это следствие шоковой терапии? Светлоголубые глаза и слегка заостренное лицо. Наверное, про меня можно сказать, что я мало ем. Чистая и хорошая кожа, и совершенно обычная приятная наружность. Если бы не лечебница, я могла бы сойти за соседскую девушку, чью-то подружку или даже студентку колледжа в каком-нибудь маленьком городке.

Но эта карточка совсем другая. Когда я вчитываюсь, оказывается, что это студенческий билет Университета Оксфорд. На нем мое имя: Алиса Плезант Уандер. Я первокурсница.

— Плезенс, а не Плезант, — говорю я Пиллару.

— Плезант гораздо приятней, — парирует он.^[3] — Кроме того, ты все равно не студентка Оксфордского Университета. Не будь слишком разборчивой, когда дело доходит до фальшивок.

— На счет этого Вы правы. Я просто дурочка, — замечаю я. — Я даже не закончила среднюю школу.

— О, еще как закончила, — смеется он. — Еще раз, скольких она прикончила? ^[4] — Спрашивает он у Мухомора. Те начинают прыгать и хлопать в ладоши, а его фанатка хватается меня за руку и поднимает ее вверх, словно я победитель на боксерском поединке. — Она прикончила всех своих одноклассников, не так ли? — Пиллар выглядит очень довольным в окружении всех этих психов. Это совершенно иная его сторона, которую, как я думаю, он не показывает миру за пределами лечебницы. — А теперь, настало время поймать убийцу и спасти парочку жизней. — Он потирает руки и возвращается к дивану в камере, садится и начинает раскуривать свою неизменную трубку грибообразной формы.

Палата Пиллара, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

— Ты готова? — спрашивает Пиллар.

— Я не знаю, к чему?

— Значит, готова. Начнем? — он передает мне книжку сквозь прутья решетки. Книга не его. Она явно библиотечная, на обложке девушка в желтом платье.

— Всегда считала, что Алиса носила одежду голубого цвета, — прокомментировала я, подбирая книгу.

— Неверный миф номер один, — говорит Пиллар, — В первой версии книги, в 1865 году, Джон Тенниел, работавший над иллюстрациями к книге Льюиса Кэролла, изобразил Алису в желтом платье.

— Вы же шутите, да?

— Я безумно серьезен. С этого момента, все, что я говорю о Стране чудес чертовски серьезно, Алиса.

— Но почему в желтом? — я снова взглянула на обложку.

— Знаешь ли, в те времена именно желтый цвет ассоциировался с безумием, — пояснил Пиллар, — Но давай не будем углубляться в такие спорные детали, — начал Пиллар, — Переверни книгу и скажи мне, что ты видишь на обороте.

— Обычная Алиса в Стране чудес в мягкой обложке, — я наклонила голову и перевернула книжку, — Это библиотечная копия. На ней стоит штамп Британской библиотеки.

— Хорошо, — кивает он, — И где же находится Британская библиотека?

— В Лондоне?

— Правильно. Что еще ты видишь?

— Кто-то позаимствовал ее вчера, — я вижу дату на карточке, — Не знала, что библиотеки отмечают даты выдачи книг в самой книге.

— Нет, — объясняет Пиллар. — Кто-то хочет, чтобы мы узнали число. Что ты еще видишь?

— Вижу карту, аккуратно вставленную меж страниц. Она старая, и, кажется, нарисована от руки. Карта Оксфордского Университета, — Я раскрыла ее, — Если быть точнее, места, под названием Крайст-Чёрч. Одно место обведено кружочком, — я остановилась и подавила желание проверить пульс. В красном круге виднелось изображение ухмыляющейся мордочки кота. — Эта книга еще одно послание от Чешира?

— Верно. А что там написано, под улыбкой кота? — Пиллар не терял времени даром.

— Написано ” Мы все здесь безумцы”

— Боже, клише до мозга костей, не правда ли? — Пиллар слабо улыбается.

— Здесь еще нарисована стрелка, указывающая куда-то вниз. Что все это значит? Я не понимаю.

— Ты держишь с руках недавнее сообщение от Чеширского Кота, — поясняет Пиллар, — Зная, что мы в деле, теперь он откроет карты.

— Нам нужно искать что-то в том месте, куда указывает стрелка?

— Верно, — затягивается Пиллар, — Вот туда ты сегодня и пойдешь.

— Правда? Я думала сегодня будет мой первый день в колледже, — недоумеваю я.

— Колледж отстой. По-крайней мере, первые дни. Спасение жизней — нет.

— А кто говорил о спасении жизней? — вопрошала я, — Это просто карта, я думала, что она ведет к сокровищам или чему-то ценному.

— Нет, Алиса. Ты не права. Эта самая книга была найдена сегодня ранним утром в руках мертвой девушки.

— Что? Еще одна? Разве это не та, которую убили в Крайст-Чёрч два дня назад?

— Да. В Лондоне, рядом с Британской библиотекой. Об этом объявят в следующих новостях. По какой-то причине, он оставил улику, которая указывает на то, что девушка мертва, но зачем-то забрал ее тело с собой.

— Так он насмехается над всем миром, отправляя сообщения с мертвыми девушками?

— В данном случае, ухмыляется. Он хочет, чтобы мы обнаружили что-то в том обведенном месте, — говорит Пиллар, — Полагаю еще одна девушка в опасности.

— Почему он убивает всех этих девушек? Чего он хочет?

— Понятия не имею, чего он хочет от девушек. Но, думаю, он также проверяет тебя, Алиса.

— С какой стати ему проверять меня? — я чувствую, как гнев просачивается сквозь поры.

— Хочет знать, действительно ли ты та самая, настоящая Алиса, — без каких либо эмоций в глазах произнес Пиллар.

Я обдумала все вероятности того, кто я такая на самом деле. Затем осмелилась встретить взгляд Пиллара.

— Вы ведь понимаете, что это будет мой первый день среди обычных людей, — говорю я, думая о том, во что я ввязываюсь.

— Если ты дожила до девятнадцати лет и не умерла от воздействия паразитов и бактерий, то запросто сможешь выжить среди нормальных людей, — Он сделал затажку.

— Но Вы ведь понимаете, что все это несколько слишком для меня. Я не хочу, чтобы в мой первый же день в нормальном мире, меня обозвали сумасшедшей.

— Ты слишком сильно беспокоишься по поводу людей, Алиса, — говорит он. — Возьми пример с меня: разумность приземлена, безумие — новый черный.

Даже не могу сдержать улыбку на этот абсурдный комментарий. Чье-либо спасение уже само по себе огромная ответственность. Не знаю, смогу ли я спасти сама себя. Все о чем я могу думать:

Что бы сделала настоящая Алиса? Спасла девушку, конечно же.

За пределами Психиатрической Лечебницы Рэдклифф, Оксфорд.

Когда Том Тракл распахивает передо мною двери лечебницы, я прикрываю глаза рукой от солнца. Не смотря на то, что его сияние очень слабое, на фоне снега его лучи прямо таки обжигают мое лицо. Полагаю потому, что мы слишком долго не виделись. Ноги окостенели, лицо лизал противный холодный ветер, словно не совсем дружелюбная собака. Идея возвращения в разумный мир уже не кажется такой захватывающей, как раньше. Чувствую, что мне уже не хватает тускло освещенных коридоров и сумасшедших лиц пациентов. Так странно находиться среди людей, одетых в костюмы и пальто. Интересно, а что если эволюция происходила не от обезьяны к человеку, а от безумия к здравомыслию.

Я делаю глубокий вдох и выхожу. Звук закрывающейся позади меня двери отдается эхом где-то на задворках сознания. Я ощущаю себя оторванной от всего, наедине с огромным новым миром. Как иронично, ведь я так жаждала побега из лечебницы. Если бы только мои надзиратели знали, какой я ощущаю страх. Интересно, поэтому ли Пиллар всегда предпочитает возвращаться. Возможно ли такое, что он не мог находиться среди нормальных людей? Может поэтому он начал убивать их?

Я иду к первой попавшейся автобусной остановке с книжкой в руках. Я даже не смотрю на окружающих. Приятно стоять вместе с людьми и ждать автобус. Никто не знает, что я безумна. Всем плевать кто я такая. Надеюсь, я легко смогу обдурить обычных людей, выдав себя за одну из них. Одна из привилегий незнания того, кем ты являешься на самом деле — возможность играть любые роли.

Войдя в автобус, я плачу за билет до Оксфордского Университета, который, на самом деле, находится не так далеко от Лечебницы Рэдклифф — обычные люди зовут ее больницей Уорнерфорда. Полагаю, они стесняются произносить слово “лечебница”. Как забавно ощущать деньги в руках. Разрешите мне проехать за кусочек бумажки? Это же смешно.

Я выбираю место у окна на самом дальнем ряду. Честно говоря, я так привыкла сидеть у стенки в камере, так что последний ряд вполне меня устроит. Я убеждаюсь, что колени не притянуты к груди, и руки не обхватывают голову, как я обычно делаю. Это напомнило мне о том, что здесь я совершенно одинока без моей Тигровой Лилии. Даже не знаю, что я почувствую, если кто-нибудь решит сесть рядом со мной. Близость к другим, по крайней мере сейчас, не слишком меня прельщает. Не уверена, что я даже смогу поддержать разговор с кем-нибудь. А что если меня спросят название улицы? Что если меня спросят где я учусь и кто я такая?

Я взглянула на книжки. В основном это книги по психологии и философии. Одна из книжек- детский роман под названием ” В Конце Книги Сумасшедшая Девушка”. Мне становится смешно. Думаю, это проделки Пиллара.

Мой телефон жужжит. Я оглядываюсь, словно я делаю что-то не то. У всех жужжат телефоны. Я просто еще не привыкла. Вынимаю его. Это сообщение от Пиллара. Он единственный в списке моих контактов, не считая горячей линии по психическому здоровью. Да, Пиллар не прекращает подшучивать надо мной.

— Как справляешься? — гласило его сообщение.

— Немного неуютно среди людей, — пишу я, с трудом набирая текст на крошечной

клавиатуре.

— Видишь где-нибудь кролика с часами, опаздывающего на встречу?

— Нет, — хихикаю я, и думаю, что люди замечают.

— Тогда с тобой все в порядке. Ты студентка факультета психологии с исключительно высоким проходным балом в школе, на случай, если тебя кто-нибудь спросит.

— Почему психология?

— Большинство серийных убийц и преступников изучают психологию в какой-то момент. Вот так их и вычисляют, — пишет он. — Мне хотелось, чтобы ты оказалась в их числе.

— Чеширский Кот изучает ее?

— Определенно. Скажи мне, что ты видишь вокруг, Алиса?

— Деревья, тротуар и людей, идущих за окном.

— А пассажиры в автобусе?

— Обычные люди. Я вижу пожилую женщину, которая только что купила продукты. Молодую пару, быть может, тоже едут в университет. Мужчина средних лет с кейсом. Он походит на профессора. И несколько других обычных людей.

— Все нормальные?

— Восприму это как шутку, — я улыбаюсь, когда пишу. — Откуда мне знать?

— Нормальные люди слишком зациклены на мелочах, Алиса, — пишет Пиллар. — Профессор поправляет свой галстук и пиджак, или, быть может, кейс? Он выглядит неуверенным в своей внешности?

— Вообще-то, он поправляет свой галстук, — пишу я, и оглядываюсь, чтобы посмотреть, вдруг Пиллар тоже в автобусе, но там его не оказывается.

— Парочка? Они держаться за руки? Выглядят взволнованными, им неудобно, что остальные видят их вместе?

— Нет. Они просто разговаривают, — пишу я.

— Быть может, один из них реагирует больше, нежели другой? Присмотрись повнимательней, Алиса. Может, один из них говорит, прилагает больше усилий угодить другому?

— Да, — пишу я. — Но ведь это нормально. Почему Вы спрашиваете?

— Я не спрашиваю. Я учу тебя, как вычислять Монстров Страны Чудес. У них нет человеческих эмоций и этой их людской неуверенности. На лицах у Монстров Страны Чудес выражение неизмеримой потери и пустоты. На всякий случай, если ты повстречаешься с Чеширским Котом, ты узнаешь его по улыбке. Это будет пустая улыбка, с отсутствием всяческих эмоций, которыми просто переполняет всех этих людей в автобусе.

— Разве Монстры из Страны Чудес выглядят как обычные люди? — пишу я.

— В этот период истории, да. Они переродились в самых обычных на первый взгляд людей. Но, не смотря на все, это не делает их нормальными и дружелюбными.

— Как обнадеживает:Р

— Оу, ты еще не позабыла смайлики. Где ты?

— Уже неподалеку от Крайст — Чёрч, как показано на карте. Мне выходить здесь? — пишу я, продолжая этот глупый разговор. Все же неплохо, что он в моем списке контактов. Он составляет мне компанию.

— Совершенно верно, как только доедешь до Олдейтс Стрит, выходи на остановке ближайшей к Том Тауэр, одному из главных входов в колледж. — Вспоминаю, как Доктор

Тракл говорил мне, что Пиллар заставил кого-то спрыгнуть с Том Тауэр. — Если я прав, то автобус прибдет к нужной тебе остановке через пять секунд, — прервал он мои размышления.

Пиллар оказался прав на счет прибытия. Мне интересно как он узнал. Автобус останавливается на Сент Олдейтс Стрит. Это красивый вход в Колледж Крайст-Чёрч. Несколько студентов подталкивают меня к двери, пока мои ноги решают действительно ли я хочу это сделать. Я пожимаю плечами, и кажется, комок подошел к горлу. Ведь выйти из автобуса равносильно обещанию поймать безумного маньяка.

Внезапно, позади меня выпрыгивает парень.

— Не веди себя как туристка, — шепчет он мне на ухо. — В противном случае, они поймут кто ты такая на самом деле. — Его голос отдается дрожью в душе. Хорошей, не смотря на то, что я чувствую его надменность и самоуверенность. Прежде чем я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него, я замечаю, что от него пахнет игральными картами.

Олдейтс Стрит, Вход в Башню Том Тауэр, Крайст — Чёрч, Университет Оксфорда.

Не самый восхитительный запах, но он напоминает мне о старых книгах, и старинных вещах таких, как человеческие души. Парень и другие студенты толкают меня вперед, чтобы поскорее выйти из автобуса. У меня нет возможности даже повернуть голову, чтобы разглядеть его лицо.

— Прощай старый жирный неприятный водитель, или как там тебя зовут, — он помахал водителю и окончательно вытолкнул меня из автобуса, я упала на дорогу. Удивительно, почему водитель автобуса и глазом не моргнул на такое оскорбление. Я устремляю всю свою злость на парня, все еще сидя на дороге. Это у меня хорошо получается.

— Какого черта ты о себе... — Внезапно, у меня пропал дар речи.

Парень одет в толстовку так же, как и я, и у него особенная улыбка. Но я не могу сказать, чем именно она особенная. Она походит на легкую ухмылку, которая смягчается ямочками на обеих щеках. Из-за нее он выглядит очень знакомым и надежным. Я не могу на него кричать. Интересно, водитель поэтому никак не отреагировал на оскорбления.

Все вокруг замирает, парень смотрит на меня сверху вниз. Прядь черных волос ниспадает на лоб, он держится за рюкзак. Забавный у него рюкзак, к нему приклеены игральные карты. И все они — Бубновые Валеты. Попахивает интересненьким. Его образ совсем не сочетается с этими игральными картами.

— Полегче, крошка, — он нарушает молчание, — Мы еще даже не дошли до поцелуев. Мне нужно чувствовать себя комфортно, повстречаться некоторое время, по обниматься, узнать друг друга получше, прежде чем я решусь на такой поступок.

— Что? — у меня отвисла челюсть. Мне-то казалось, меня не особо заботит, что говорят обо мне люди. И все же, я чувствую себя оскорбленной его высказываниями. Неужели я настолько засмотрелась на его лицо? — Я тебя даже не знаю.

— И это после всего того, что случилось в автобусе? — его глаза расширились и он прикрыл рот одной рукой, — Я был так близок чтобы умереть за тебя. И все, что тебе нужно было сделать — это попросить.

— Ты собирался умереть за меня? — я недоуменно моргнула, — Совсем недавно ты даже не был готов просто поцеловаться.

— Так, значится, ты передумала целоваться, — он дьявольски ухмыльнулся, его ямочки на щеках похожи на прекрасных ангелов.

— Охх, — выдохнула я, закатив глаза, и почти сжав руки в кулаки.

— Тебе не нужно его разрешение, — странно говорит он, глядя в небо, — Иисус, должно быть, уже кого-то поцеловал.

— Иисус? — Лицо становится красным, почему бы мне просто не уйти?

— Иисус, — повторяет он, — Парень, который спас мир, и который выглядит так же привлекательно, как и я.

— Это бессмысленно. — Я в бешенстве. Сказать ему, что я только что вышла из лечебницы? Мои ноги. Почему я не уйду?

— Обожаю бессмыслицу, — Он одергивает капюшон и хватает меня за руки, — Знаешь,

есть даже такая наука?

Звонит телефон. Скорее всего это Пиллар.

— Оу, так у тебя есть парень, — произносит высокомерный парень, пока я ищу телефон.

— Нет, — не могу вспомнить, в какой карман джинсов я его положила.

— Великолепно, — он потирает руки.

— То есть, да, — я нашла телефон в заднем кармане. Чувствую себя виноватой, не упомянув об Адаме. И почему у меня возникают такие чувства, когда я даже его не помню?

— Издеваешься, — парень дуется, и я понимаю, что не хочу, чтобы он уходил.

— Я хотела сказать, нет

— Ох, — он откидывает голову назад, — Ты часом не сумасшедшая?

Я не отвечаю. Губы устали, я нажимаю зеленую кнопку, чтобы ответить Пиллару.

— Его зовут Джек Даймонд, — говорит Пиллар на линии, — Он отвлекает. Избавься от него. У нас нет времени.^[5]

— Но... — даже не знаю, как объяснить мое любопытство о Джеке Пиллару. Прежде чем я даже успела подумать, студенты выходят из другого автобуса и я поняла, что очутилась вместе с ними у главного входа. Затем я встаю на цыпочки, чтобы увидеть Джека, но его уже нет.

Сад, Крайст-Чёрч, Университет Оксфорда.

— Прямо сейчас ты проходишь под известной башней Том Тауэр, — Пиллар играет роль моего гида по телефону. — Ее спроектировал Кристофер Рен, он же был архитектором Собора Святого Павла в Лондоне.

— Да ладно. — Я напоминаю себе, что я на миссии, и что, быть может, никогда больше не увижу Джека.

— Том Тауэр — самая главная туристическая достопримечательность. Я могу весь день напролет рассказывать тебе о ней. Одна из особенностей этой башни — Большой Том, самый громкий колокол в Оксфорде.

— Мне нужно об этом знать?

— Все, что я рассказываю тебе важно, Алиса. Тебе может это понадобится не сейчас, так потом, — Пиллар снова возвращается к своему лекторскому тону. — Каждую ночь, Большой Том звонит 101 раз, около пяти минут девятого по Оксфордскому времени. Раньше его использовали в качестве сигнала тревоги, для оповещения комендантского часа, чтобы студенты вернулись в свои общежития. А еще, где-то неподалеку располагается собственная фотостудия Льюиса Кэрролла.

— Льюис Кэрролл был фотографом?

— А также математиком и художником, помимо всего прочего. Парень был гением. Он даже предсказал теории Эйнштейна в одном из параграфов своей книги “Охота на Снарка”.

— Меня заинтересовали его фотографии. Что на них было изображено? — Не знаю почему, но что-то подсказывало мне, что я непременно должна увидеть эти фото.

— По большей части, это были фотографии девочек, но мы вернемся к этому позже. Сосредоточься на всем, что я тебе говорю, Алиса. Все важно, — настаивает Пиллар, пока я прогуливаюсь мимо величественных монастырей.

Я попадаю внутрь колледжа Крайст-Чёрч и оглядываю огромную зеленую территорию перед собой. Колледж представляет собой крепость, четырехугольное здание эпохи Возрождения, охваченное зеленым садом со всех четырех сторон. Посреди сада виднеется фонтан. Прекрасный вид заставляет позабыть меня о Джеке. Это место обладает небывалым присутствием. Словно оно хранит великие тайны; будто бы по его земле ступали выдающиеся люди.

— Вижу, ты потеряла дар речи, — говорит Пиллар.

— Не могу объяснить, но в этом месте есть нечто такое...

— Безумное? — забавляется Пиллар. — Это одно из самых загадочных мест в истории. Безумцы это знают. Обычные люди думают, что это всего лишь колледж, где можно получить диплом, а потом повесить его на стену. Осмотрись, Алиса. Позволь этому месту пустить корни в твоей душе. Вдыхай тот же воздух, каким Льюис и многие другие гении дышали много веков назад. Кстати, воспользуйся гарнитурой, так я проведу в твоём ухе весь остаток дня.

— Это обнадеживает, — я сжала губы, затем надела гарнитуру.

— Так-то лучше. Вот краткая история этого чудного местечка, — говорит Пиллар. — Крайст-Чёрч один из самых больших колледжей Оксфордского Университета. Ему

принадлежит всемирно известный кафедральный хор, наиболее уважаемая библиотека и очень древний собор. Не говоря уже о том, что он бережно хранит множество нераскрытых тайн от обычных людей сего мира.

— Слушаю. — Это правда. Я удивилась, почему не прочла ничего об этом перед тем как попала сюда. Я уже очарована этим местом.

— На протяжении многих лет, Крайст-Чёрч посещали множество уважаемых студентов, преподавателей и ученых. На мой взгляд, они самые безумные люди за всю историю человечества. Назову нескольких: сумасшедший и философ Джон Лок, сумасшедший и ученый Альберт Эйнштейн, более тринадцати сумасшедших премьер-министров Британии. И, конечно же, наш самый горячо любимый безумец — Льюис Кэрролл.

— Он учился в Оксфорде? Я думала, он лишь использовал верхний этаж в качестве своей студии.

— Грех не знать такое, Алиса. Он был преподавателем математики в Крайст-Чёрч.

Я наткнулась на временно огороженное место. Повсюду была полиция. Студенты могли пройти лишь показав свое удостоверение личности и пройдя процедуру личного досмотра.

— Полагаю, теперь ты добралась до места преступления, — говорит Пиллар. — Туда, где Чешир убил девчонку, профессора, придурка, старуху и девушку два дня назад.

— Откуда Вы узнали? — я оглядываюсь, вдруг он наблюдает за мной где-нибудь неподалеку.

— Ты весьма предсказуема, как и большинство людей, Алиса, — я слышу, как он попыхивает трубкой. — Тебе стоит научиться непредсказуемости, если мы хотим поймать Чешского Кота. Теперь проходи мимо полиции, и не пялься слишком долго на место преступления. В качестве постоянного студента ты уже должна была видеть его не раз.

Я приближаюсь к полисмену. Не могу удержать и передергиваю плечами. Не похоже, конечно, что я преступница. Я лишь боюсь, что он узнает, что я из психушки и вернет меня обратно. Не могу ничего с собой поделаться. Холодный воздух, который я вдыхаю, до сих пор кажется мне сном.

— Алиса Плезант Уандер, — читает полицейский мое имя на удостоверении. — Милос имечко. — Все на что я способна — это улыбка. Надеюсь, она вышла искренней и нормальной. — Оно напомнило мне об одной девушке, которая два года назад убила своих одноклассников, — говорит он.

Большой Зал, Крайст-Чёрч, Университет Оксфорда.

Время останавливается, а я и понятия не имею, что делать. Кажется, мне не удастся вымолвить ни слова, когда полицейский снова говорит:

— За исключением того, что у той Алисы, второе имя было Плезенс, и она находится в психиатрической лечебнице.

— Мне постоянно об этом говорят, — я натянуто улыбаюсь, но он не заметил подвоха. Вот теперь я понимаю, зачем Пиллар изменил мое имя. Тривиально, но смена одной буквы сделала меня абсолютно другим человеком. Полицейский действительно клюнул или мне стоит беспокоиться?

— На мой взгляд, ты выглядишь очень даже нормально, — сказал офицер. Я заметила, что он пытается выглядеть серьезным, а от этого выглядит лишь еще забавней. У него необычные усы, тонкие, как у мыши, — Хорошего дня.

— Спасибо. — Я беру свое удостоверение обратно и делаю пару шагов в глубь здания.

— Вруша, вруша, обмануша, — пищит Пиллар мне в ухо.

— Это было не смешно.

— А так и не должно быть. В любом случае, сейчас ты заходишь в престижный Большой Зал.

Слова Пиллара звучат в моей голове, когда я вхожу в это очаровательное место. Длинные обеденные столы стоят по обе стороны. На них разложены разнообразные столовые приборы: тарелки, вилки, салфетки. В этом тусклом желтоватом освещении преобладают в основном золотые и коричневые оттенки. Стены настолько необычайно высокие и величественные, что у меня даже не хватает слов описать их. По обеим сторонам от столов развешаны портреты. Изысканные портреты людей, которых я не знаю, написаны маслом.

— Уникальное место, не правда ли? — говорит Пиллар.

— Незабываемое. — Я очарована.

— В Большом Зале снимались фильмы подобные Гарри Поттеру. Вся бы эта волшебная абракадабра с портретами попросту не сработала бы, если бы не существовало Большого Зала, — объясняет Пиллар. — Также, фильмы на подобие Золотого Компаса со всей этой мешаниной из белых медведей тоже снимались здесь. Большой Зал — то самое место, где каждая великая история жаждет произойти.

— Правда? Я и не знала. Тогда почему в Вашем голосе ощущается некое чувство обиды на все эти фильмы? — Не могла упустить шанса спросить его. Пиллар замкнутый человек. Видеть его раздражение по какому-либо поводу для меня, что маленькое окошечко в его разум.

— Почему они все мне не нравятся? — удивляется Пиллар. — Алиса. Пойди и спроси любого туриста на счет Большого Зала, все как один упомянут этот самого Гарри Поттера, но ни один не вспомнит о Льюисе Кэрролле и Алисе в Стране Чудес. Гарри Поттера даже не существует. В отличие от Льюиса и Алисы.

— Полагаю, под Алисой Вы подразумеваете меня?

— Давай не будем торопить события. Всему свое время.

Я иду вглубь Большого Зала.

— Так почему я не в классе, а прогуливаюсь по Большому Залу?

— Достань из книги карту. Что ты видишь?

Я сделала, как он просил и уставилась на карту Чеширского Кота. Не нужно быть гением, чтобы увидеть то, что обведено кружочком на карте.

— Теперь все обретает смысл, верно? — произносит Пиллар.

— Еще как. — Я нервничаю. Оглядываясь, я замечаю, как великолепное место, на моих глазах превращается в пугающий замок. Что если Чеширский Кот наблюдает за мной прямо сейчас? Что если все это ловушка и я следующая в списке жертв?

Я перемещаюсь вместе с туристами по Большому Залу. Я и не знала, что туристы со всего мира посещают это место прямо во время занятий, но идея мне нравится. Все вокруг меня такое великое и величественное. Я подошла к столу, стоящему рядом с массивной дверью Большого Зала и полному пустых чашек.

— Для чего все эти чашки?

— Они, как правило, предназначены для профессорских встреч и собраний интеллектуалов, поясняет Пиллар, — Очень редко ими пользуются священники из собора, когда проводят здесь совещания.

— Только не говорите, что Безумный Шляпник тоже замешан, — даже не понимаю, как я осмелилась предположить.

— Будь осторожна в своих желаниях, Алиса, — произносит Пиллар, — Он даже хуже Чешира. Ты еще в Зале?

— Да.

— Скажи, куда именно указывает стрелка на карте. Можешь выяснить? — настаивает Пиллар.

— Она указывает на портреты висящие за столами в Большом Зале.

— Портреты очень уважаемых мужчин и женщин, вот только они не волшебники, — выжевывает слова Пиллар. Думаю он на дух не переносит Гарри Поттера.

— Все же они — волшебники науки, литературы и искусств. Можете мне подсказать, на какой именно портрет Чешир хочет обратить наше внимание?

— Хммм.

Я тем временем сосчитала количество портретов на карте.

— Должно быть...дай подумать

Я подошла к стене по диагонали и, наконец-то, оказалась перед черно-белым портретом. На нем изображен мужчина средних лет с прекрасными чертами и красивыми волосами. Выглядит очень знакомо. Очень интеллигентно. Я прочитала табличку под портретом: Чарльз Лютвидж Доджсон.

— Интересно, — слышу, как Пиллар дышит в трубку, — Так вот что Чешир хотел нам показать.

— Кто такой Чарльз Лютвидж Доджсон? — спрашиваю я.

— Позор на твою голову, Алиса, — смеется Пиллар. — Это настоящее имя Льюиса Кэрролла. Это написано прямо под именной дощечкой.

— Льюис его ненастоящее имя?

— Льюис Кэррол — псевдоним, часть правдивой неправды о Стране Чудес, — поясняет Пиллар.

— Так давайте выясним, почему Чешир привел нас к нему. Уверен, он играет с нами. Должно быть, на то есть причина.

— Быть может, он очарован Льюисом Кэрролом? — предполагаю я, не в состоянии найти ни малейшей особенности на портрете.

— Так ты все еще думаешь, что мы имеем дело не с настоящим Чеширским Котом, а с его двойником? — спрашивает Пиллар. — Ты даже хуже, чем СМИ. Приглядись к портрету,

что-то должно быть не так. Чешир любит загадки.

Я вглядываюсь, но не вижу никаких деталей, которые могут привлечь внимание. Я даже проверила раму. Несколько туристов странно посмотрели на меня, пока я это делала.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Не могли бы вы просто сказать мне, что именно я ищу? — прошептала я, предполагая, что некоторые туристы уже посчитали меня за безумную.

— Это зависит от того, что ты хочешь найти, — подшучивает Пиллар.

— Не смешно.

— А я думаю смешно. Скажи мне Алиса, лицо изображено в профиль, верно? Видишь ли ты, куда именно указывает портрет?

— На еще один портрет. Эйнштейна.

— Он все так же выглядит сумасшедшим с этими волосами, похожими на хлопок? — Пиллар издевается над ним. — В любом случае, не думаю, что Чешир хочет обратить наше внимание на Эйнштейна. Кто изображен на другом портрете, по другую сторону от Льюиса?

Я обернулась.

— Вообще-то, по другую сторону портрета нет. Это потайная дверь?

— Давай не будем забегать вперед. Маловероятно, что ответ находится так далеко от места, где висит портрет, — предполагает Пиллар. — Поскольку портрет смотрит на стол, не видишь ли ты ничего, чтобы смотрело со стола на Льюиса Кэрролла?

— Вижу, — произношу я, — Определенно необычно, но не думаю, что это как-либо относится к Чеширу.

— Не можешь ли ты описать, что ты видишь? — слышу я любопытство Пиллара.

— Головка сыра, — я пытаюсь говорить спокойно. Что сыр делает в Большой Зале?

— Сыр. Как странно, — разрывается от смеха Пиллар, — Я же не должен объяснять тебе как сыр относится к улыбке?

— Ну, мы говорим “сыыыыыыр”, когда фотографируемся, и как это относится к Чеширскому Коту?

— Он обладает большим сюрреалистическим чувством юмора, верно?

— Да он больной на голову. Убивает молодых девушек. Кроме того, на головке сыра написано “Чеширский Сыр”.

— Чеширский Сыр. Теперь понятно, — Пиллар щелкает пальцами.

— Ничего не понимаю

— Льюис Кэрролл родился в Дарсбери, Уоррингтоне, в графстве Чешир.

— Совпадение?

— Отныне, никаких совпадений нет и быть не может. Все, что нам уготовано, будет являться драгоценной задумкой Чешира, и ответы должны быть каким-то образом связаны с Льюисом Кэрроллом.

— Так само графство Чешир вдохновило Кэрролла на создание персонажа — Чешира?

— Создание — нет. Описание — да, — поясняет Пиллар. Чешир- молочное графство, издавна известно хранением сыра на берегах реки Ди. В те времена, когда там еще был порт, более ста лет назад.

— И?

— Терпение, моя дорогая безумная девочка, — Пиллар делает намеренно длинную паузу, — Конечно, склад с сыром привлекал кучу мерзких жалких крыс, — он симитировал из пискучие голоса. Я начала вникать в его безумие. — Крысы попадали туда со всего мира

благодаря кораблям, что приплывали перевозить сыр. Вот тогда-то кошки и прибыли в Чеширское графство специально для отлова крыс. И поскольку других Крысоловов в Чешире не было, Чеширские Коты были самыми счастливыми во всем королевстве. Что означает — они беспрестанно ухмылялись.

Разглядывая изображение ухмыляющейся мордочки кота на головке сыра, я ощутила головокружение. Мне необходимо было срочно присесть. Одна часть истории Пиллара подводила меня к воспоминаниям, которые я так отчаянно пыталась вспомнить, но не могла. Другая же часть — безумность существования Чеширского Кота. Так это не игра. Он никакой не подражатель.

— Алиса? — Пиллар проверяет, слушаю ли я его.

— Да, да. У меня немного кружится голова. Тогда зачем Чешир оставляет нам послания?

— Пока что он оставляет сообщения мне. Думается, для тебя у него припасены другие загадки. А сейчас он хочет напомнить нам, что он — настоящий, а не выдуманный ухмыляющийся кот со страницы книги. У него есть история и происхождение. Он хочет, чтобы мы уважали его.

— Так кто же он такой? Кот, завладевший чьей-то душой? — Я нервно рассмеялась.

— Пока не могу ответить. Но ты теперь никогда не сможешь смотреть на котов по-прежнему, так ведь? — Пиллар смеется, не требуя даже моего подтверждения. — Теперь, давай вернемся к загадкам. Присмотрись повнимательней к головке сыра. Быть может, ты найдешь что-нибудь под ней. Я уверен, эта игра еще не окончена.

Я взяла сыр и начала его изучать.

— Нашла что-нибудь? — спрашивает Пиллар.

— Да, — говорю я, — Я перевернула сыр и увидела какую-то надпись.

— Будь так добра, Алиса, прочитай. Промяукай мне послание Чешира, — Пиллар сейчас очень взволнован.

И вот тут я оказалась в ловушке между серийным убийцей и бредящим безумцем.

— Написано: Съешь Меня, — Я покачала головой от этой глупости.

— Ох, вот и прекрасненько, — Пиллар хлопает в ладоши и потирает руки.

— Послушайте, я не буду этого делать, — я сжала руки в кулачки и стиснула зубы.

— А я думаю, будешь, — говорит Пиллар самым спокойным голосом, какой мне вообще доводилось слышать.

— Послушайте, вы, маленький кусок... — я подняла палец в воздух и заметила, как люди начали поворачивать на меня свои головы. — Вы маленький кусок гусеницы, — улыбнулась я туристам. Они покачали головами от моей абсурдности.

— Ох, боже мой. Бедная девушка. Она считает себя Алисой, — пожилая женщина с гнездом из волос на голове говорит своему мужу, — Она даже оделась, как Алиса.

— Какая смышленная дама, — смеется надо мной Пиллар по телефону.

— Туристы думают, что я псих, — я отвернулась лицом к портрету Льюиса Кэрролла, чтобы поговорить в более приватной обстановке.

— Вот и хорошо, иначе они бы позвали полицию по поводу подозрительной активности в Большом зале. А теперь, будь хорошей девочкой, и сделай, что просит Чешир.

— Назовите мне хоть одну причину, по которой я должна это сделать, Профессор Пиллар, — я бросаю ему вызов, — Вы не можете меня заставить.

— Посмотри, пожалуйста, на оборот карты Кота, и скажи мне, что ты изменила свое

решение, — он слишком самоуверен. Говорит без единого намека на сарказм или безумие.

Я вытащила карту из кармана и разложила ее на портрете. Плевать я хотела на то, что подумают люди. Я перевернула ее на другую сторону и обнаружила надпись от руки в самом центре листа:

Вам лучше поскорей отгадать мои загадки, или же к полудню погибнет еще одна девочка.

Это сообщение словно бьет мне камнем в глаз. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на солнце за окном. Оно уже высоко. У меня осталось всего ничего, для того чтобы спасти девочку от смерти. Хитрый Пиллар знал обо всем этом с самого начала.

— До сих пор думаешь, что ты не сумасшедшая, Алиса? — голос Пиллара пугает меня, — Чтобы поймать безумца, нужен безумец.

— Дайте мне минуту чтобы все обдумать, — я обернулась и посмотрела на головку сыра.

— Через минуту может быть уже слишком поздно, — говорит Пиллар, — Посмотри на себя: ты пялишься на сыр, словно голодная мышь. Чешир, возможно наблюдает за тобой откуда-нибудь, и, пока что, его план работает, — слова Пиллара, словно часовой механизм на бомбе, отмеряют время. На кону жизнь девушки. — Думаю, ты уловила иронию Кота. Тогда, в графстве Чешир, он кормился крысами, увлеченными поеданием сыра. Съев этот сыр, ты в той или иной степени превратишься в его добычу, Алиса. Твое нежелание не принесет девушке ничего хорошего.

— Хорошо, я возьму сыр в уборную и постараюсь разрезать его чем-нибудь, — я подняла головку со стола, — Предполагаю, внутри находится еще одно послание. Что-то типа печенья с предсказанием.

— Алиса, Алиса, Алиса, — вздыхает Пиллар, — Когда Чешир говорит “Съешь меня”, он хочет, чтобы ты съела. У тебя нет времени. Взгляни на солнце, — Я повернула голову, и поняла, что он имел в виду. Не могу поверить, что жизнь девушки зависит от меня. Кто я такая, чтобы спасти жизни?

— Ну-же, закатай рукава, и впейся зубами в сыр. Не думай о туристах. Самое ужасное, что может произойти так это то, что они посчитают тебя безумной, — Пиллар яростно убеждает меня. И я должна спасти девушку от незнамо кого.

Я делаю глубокий вздох, закрываю глаза и пробую небольшой кусочек сыра. На самом деле, он очень вкусный. Как только я притронулась к сыру, вокруг меня начали собираться люди, чтобы посмотреть на действия полоумной. У меня нет времени на них. Может, я смогу все объяснить им позже, после того, как спасу девушку?

Я откусываю смелее и маленькие кусочки превращаются в настоящие куски. Нахожу нужный, на мой взгляд, бок и вгрызаюсь в него, ожидая, что мне, быть может, попадетя бумажка. Ничего. Поворачиваю сырную головку и откусываю с другой стороны. Я стараюсь изо всех сил, даже задерживаю дыхание. Солнце превратилось в бомбу замедленного действия, которая тикает у меня в голове. Еще больше людей собирается вокруг меня, уставившись на девятнадцатилетнюю девушку, одетую словно Алиса-в-наши-дни, и пожирающую сыр.

Мальчик поднимает бумажку с надписью от Чешира и показывает ее остальным людям.

— Тут написано “Съешь Меня”, - он смеется, — Как прикольно!

Я кусаю с другой стороны. Я больше не вижу солнце через окно. Кажется, оно поднялось уже слишком высоко. Почти полдень. Или же я просто паникую?

Тик Так. Тик Так. Меня сейчас вырвет.

— Это представление! — вернулась пожилая женщина с седыми волосами, похожими на гнездо, — Она не сумасшедшая. Это же просто представление для развлечения!

Она начала хлопать, остальные туристы последовали ее примеру. Они уже не хлопают с криками “вау, это клево.” Теперь это больше похоже на пивной фестиваль, а я словно танцую польку.

Я делаю глубокий вздох и снова жадно впиваюсь в сыр. Голова сейчас взорвется.

Почему тиканье в моей голове становится все громче, когда я съедаю все больше сыра? Не могу найти послание от Чешира. Кажется, у меня передоз сыра.

— Как думаешь, она начнет расти? — спрашивает другая туристка.

— Не, — отвечает ее муж, — Такие фишки показывают только в Диснейленде.

Тик. Так. Тик. Так.

— Забавно, как поведение безумных всегда развлекает здравомыслящих, — Шепчет мне в ухо Пиллар.

— ЗАТКНИТЕСЬ, — кричу я ему, разбрызгивая кусочки Чеширского Сыра на туристов. Они захлопали еще сильнее.

— Скажи мне, Алиса, — говорит Пиллар, — Почему тикает твоя голова?

Что? Как он узнал, что я слышу тиканье? Сейчас все дошло до полнейшего абсурда.

— Похоже на Тик Так, и так постоянно, — говорит Пиллар, — У тебя что, запрятана бомба?

Не могу поверить, что он читает мои мысли. Я же не смогу жить, если это так. Как вдруг у меня резко начинают болеть зубы. Я наткнулась на что-то металлическое. Глаза расширились по мере того, как я подедала сыр. Послание не было обрывком бумаги. Это нечто, сделанное из металла. Наконец-то, что-то выпадает из сыра. Часы.

— Так вот почему я слышала тиканье, — промямлила я. Туристов разрывает от смеха. Да, они сейчас на седьмом небе от счастья.

— Часы? — удивляется Пиллар, — Прошу тебя, пожалуйста, только не говори мне, что это карманные часы, иначе юмор Чеширского Кота окажется зверски абсурдным.

— Так и есть. Это карманные часы, — я поднимаю их и вытираю с них остатки сыра, — Внутри нарисован кролик. Две его руки- стрелки.

— Они прекрасны. Покажи мне! — требует старушка.

— Не вздумайте приближаться ко мне, — бросила я ей и вернулась к разговору с Пилларом, — Часы не работают. Они остановились, как только я к ним прикоснулась.

— Становится все интереснее, — говорит Пиллар.

— Сделайте же что-нибудь, — кричу я на него, — Нам нужно спасти девочку.

— Не ори на меня. Убийца тут не я, — говорит он, — Ну, людей то я убивал, но не ее. Скажи мне, Алиса, не замечаешь ли ты на часах чего-нибудь необычного?

— Разве что они не работают. А так нет.

— Карманные часы не работают, — думает вслух Пиллар, — И на каком времени они остановились?

— Шесть часов.

— Это послание. Вот только я не знаю, что оно означает.

— Что? Как вы не можете знать? Я думала это Вы играете в свои больные игры с Котом. Вы должны знать.

— Я не знаю, — твердо говорит Пиллар, — Прости, малышка. Кажется, нам придется отказаться от спасения девочки. Уже почти полдень, Чешир выиграл этот раунд.

— Я не собираюсь от нее отказываться! — закричала я.

— Почему? Ты же ее даже не знаешь. Она для тебя — пустое место, — говорит он.

Я ничего не отвечаю, не знаю, почему, но мне просто нужно спасти ее. Не могу думать о том, что у меня есть возможность спасти кого-то.

— Что молчишь? Чешир проглотил твой язык?

— Хорошо, хорошо, — я стараюсь успокоить саму себя. Туристы фотографируют меня.

Некоторые снимают на телефоны. Старушка продолжает усмехаться надо мной, — Посмотрим. Часы застыли на шести часах. Сейчас около половины первого. Чешир сказал, что у меня времени до полудня, так что шесть часов это не цифра. Быть может — время?

— Интересно, — говорит Пиллар.

— Это — направление, — я поднимаю руки в воздух, — Так ведут себя стайперы и полицейские в фильмах, говорят стрелять по направлению в шесть часов.

— Невероятно, — только и может произнести Пиллар, — И в какое же направление?

— Прямо за мной, — я оборачиваюсь к портрету Льюиса Кэррола.

— Как любил говаривать Чешир: Пока ты не знаешь, куда ты идешь, любая дорога выведет тебя к твоей цели, — сказал Пиллар.

Несмотря на то, что я достаточно долго рассматривала портрет Льюиса Кэрролла, ничего обнаружить мне так и не удалось. Полный провал. Все туристы уже понемногу заскучили, все — кроме старушки. Она самая внимательная.

— Скажи мне, Алиса, а Льюис Кэрролл улыбается на портрете?

— Нет. — Я проверяю дважды, на случай, если мои глаза меня подводят. Этим утром я принимала лекарство. Должно быть, нужно еще, поскольку я начала уставать.

— Проклятье. Разгадка должна быть элементарной, — говорит Пиллар.

— Может что-нибудь спрятано за портретом, — предполагаю я.

— Я знаю, что может означать шесть часов! - перебивает старушка. Ее ухмылка очень смешная. Она наслаждается процессом больше, чем семилетний ребенок чтением книги Алисы в Стране Чудес с картинками.

— Правда? — она может быть моей последней надеждой.

— В шесть часов Безумый Шляпник останавливал время, крича ужасным голосом. Так говорила Красная Королева, — говорит она.

— А леди права, — говорит Пиллар мне в ухо.

— И что? — удивляюсь я, — Какое отношение ко всему этому имеет Безумный Шляпник?

— Быть может, это косвенное направление к Шляпнику? Чем он известен?

— Чаем, своей шляпой и безумными вечеринками, — ответила я.

— Вот и ответ, — сказал он, но я его не поняла.

— Думаю нам нужно обратить внимание на чашки у входа в Большой Зал, — предполагает пожилая женщина, — Где Шляпник — там и чашки.

Я даже не знаю, понимает ли она, что тут вообще происходит. Полагаю, она считает, что это некое интерактивное собрание Оксфордского Университета, с целью привлечь туристов.

— Я всегда считал, что книги Льюиса Кэрролла подходят людям от девяти до девяносто девяти лет, — говорит Пиллар. — Ей случайно не за сотню, а?

— Умолкните. — Я бегу через весь зал, расталкивая туристов. Ловлю глазами охранника, но он не обращает на меня внимания. Интересно, знает ли он обо мне.

Я снова оказываюсь у входа с огромным столом с тарелками и дюжинами пустых чайных чашек. Я проверяю каждую.

— Она Алиса Бонд, — хлопает в ладоши старушка.

— Все чашки пусты, все — кроме одной, — говорю я Пиллару.

— На ней написано “выпей меня”? — спрашивает Пиллар причудливым голосом.

Я не теряю времени. Тянусь рукой к чашке, беру ее, и мои пальцы дотрагиваются до какого-то предмета. Вот и оно — то, что я искала.

— Еще одни часы...цифровые, — говорю я.

— Работают? — спрашивает Пиллар.

— Нет.

— Потри их словно бутылку с джином, — я услышала, как он делает затяжку. — Уверен, они начнут обратный отсчет.

— Почему? — я все равно тру их о рукав.

— Те часы в сыре тикали, и остановились, когда ты потеряла их. Эти же, наоборот, должны заработать, когда ты потрешь их. Это некая разновидность чепухи. Чешир подстраховывается.

— Но часы остановились на отметке шесть. Он не мог предугадать, когда они попадут мне в руки, — говорю я.

— Часы могут остановиться, когда часовая и минутная стрелка зафиксированы, Алиса. Это не так уже сложно сделать. Теперь, потри эти часы.

Что я и делаю. Пиллар прав. Это секундомер. Цифровой счетчик начинает отсчет в обратном направлении. Осталось шесть минут, о чем я и сообщаю Пиллару.

— У нас осталось лишь шесть минут. Новый срок, — отвечает Пиллар. — Тик. Перемотка. Безумие начинается вновь.

— В чашке должна быть еще одна подсказка, потому что это определенно последняя часть загадки, — предполагает Пиллар.

Старушка вынимает кусочек бумаги из чайной чашки с глупой ухмылкой на лице.

— Бумажка, — я разворачиваю ее и читаю Пиллару, — Написано ” четырехбуквенный дуплет”.

— Попахивает интересеньким, — говорит Пиллар, — Что там еще написано?

— Есть нарисованная дверь, стрелка, идущая от двери и нарисованный замок, — говорю я.

— Дуплет, именуемая также “лестница слов” — это игра, изобретенная Льюисом Кэрролом на Рождество в 1877 году, — пояснил Пиллар. — Это простая игра. Я говорю тебе слово и четырех букв, и прошу тебя, чтобы ты превратила его в другое слово, при этом можно менять только по одной букве за раз.

— Что? — мои мозги поджариваются. Я даже не могу сосредоточиться на игре.

— Предположим, я хочу, чтобы ты превратила слово “Слово” в “Золото”^[6]. Но сперва, ты сделаешь из “Слова” “Дерево”, поменяв всего одну букву^[7]. Ну, и затем, ты превратишь “Дерево” в “Хорошо”^[8]. И, наконец- таки, из “Хорошо” у тебя получился “Золото”^[9]. Очень все простенько.

— Так что нужно сделать для спасения девочки? — я бросаю взгляд обратно на часы. Пять минут.

— Чешир нарисовал для тебя дверцу и замок, — объясняет Пиллар. — Он хочет, чтобы ты превратила слово “дверь” в “замок”. А раз уж я знаю, что он тот еще псих, я подозреваю, это некая подсказка тебе к тому, где он держит взаперти девчонку. Быть может, за какой-нибудь дверью. Лучше давай продолжим, Алиса.

— Ладно, — я снова начинаю паниковать. Старушка широко распахивает глаза. Я почти уверена, что она слышала Пиллара, но она придает мне мужества и говорит, что я смогу это сделать. — Давайте переделаем слово “дверь”. Может, изменим букву и получится “смерть”^[10]. — Я покусываю пальцы.

— Нет, Алиса. Нет, — сказал Пиллар, — Ты не можешь увидеть “Смерть”. Это должно быть нечто такое, что ты сможешь увидеть или взаимодействовать с этим. Каждое слово, которое ты придумаешь, поможет тебе найти реальный замок.

— «Дверь» в «Хама»? — бормочу я.^[11]

— Звучит неплохо, — говорит Пиллар.

— Что вообще значит «Хам»? — удивляюсь я.

— Грубиян с плохими манерами. Продолжай. Ты на верном пути.

— Теперь изменим “Хама” на... “Книгу”? — я поднимаю в воздух палец.^[12]

— Отлично. Полагаю, где-нибудь поблизости мы сможем отыскать весьма полезную книгу. Продолжай.

- “Книга” превращается во “Взгляд”?^[13] — импровизирую я.

— И, наконец, измени одну букву и получится “Замок”. — Хлопает в ладоши Пиллар. — Молодчина.^[14]

— А что потом? — Осталось четыре минуты.

— Поищи хама вокруг, Алиса, — говорит Пиллар, — Ну же. У тебя не так много времени. Ты ищешь хама. Прислушайся, быть может, так ты найдешь профессора или туриста, который чем-то недоволен, неприятен и не воспитан.

— Хам — это неприятный и грубый человек, — напоминаю я себе и оглядываюсь.

— Мой муж определенно неприятный человек, — говорит старушка. — Он в соседнем зале, спорит по поводу цены за книгу, которую только что приобрел.

— Книга и Хам. Две по цене одного, — ворчит мне в ухо Пиллар. — А ведь еще даже не Рождество.[\[15\]](#)

— Сэр, — окликнула я мужчину, подбегая к нему.

Он стоит и спорит с библиотекарем о возврате денег за книгу, по причине наличия в ней дыр. дыр в ней. Когда я подбежала, я поняла, что людей в этой комнате не было, так как она подготавливалась к уборке. Сотрудники просят его покинуть помещение. Я пронеслась через вход, меня даже не остановили. А вот его жену задержали.

— Но я потратил на эту книгу свое собственные деньги, — протестовал противный мужчина. Он выглядит ровно так, как я всегда представляла себе Эбейзера Скруджа из Рождественской Истории^[16].

— Прошу Вас, мистер Скрудж, — говорит библиотекарь, — Покиньте помещение.

Я не позволяю себе тратить время на ненужные мысли о его имени. Ненужные размышления слишком отвлекают, и, к тому же, мне все еще нужно спасти девочку

— Пожалуйста, мистер Скрудж, — прошу я, — Не могли ли вы показать мне книгу?

— Конечно, нет, — высокий, неряшливо одетый мужчина прижимает книгу поближе к себе, — Я ее купил, она моя собственность.

— У тебя осталось всего лишь три минуты, — напомнил мне Пиллар, — Тебе нужно заполнить это книгу, она — часть головоломки.

— Прошу Вас, сэр, — умоляю я снова.

— Книга предоставляет для тебя некую ценность, да? — Мистер Скрудж снова бросил самодовольный взгляд на книгу. Эта книга о жизни Льюиса Кэррола в Оксфордском Университете, — Сколько ты готова заплатить за нее?

— Заплатить?

— Та-дааааам, — пропел Пиллар, — А теперь тебе придется пойти в банк и занять денег, чтобы спасти девочку. Весь процесс займет всего три-четыре недели. Не хило. К тому времени тебе удастся спасти останки несчастной. Кроме того, не думаю, что банки выдают кредиты девушкам, у которых есть отметка о безумии в личном деле. Такие девушки обычно страдают шопоголизмом.

— Заткнитесь! — завизжала я.

— Так ты говоришь мне заткнуться? — нахмурился мистер Скрудж, — Вот так. Не видать тебе книги, юная особа.

— Простите, я совсем не это имела ввиду. Послушайте, вот что я могу вам предложить, — я показала ему часы с кроликом, остановившиеся на шести. Выглядят дорого, классически.

— Часы?

— Это не простые часы. Именно эти часы принадлежали самому Льюису Кэрролу. Видите кролика? Часы постоянно показывают то время, когда Безумный Шляпник кричал и останавливал время.

Мистер Скрудж наклонил голову, и долгое время рассматривал часы пронизывающим взглядом. Его дугообразные брови, казалось, напоминали брови Британского Министра, принимающего невероятно важное и ответственное решение. Он перевел взгляд на книгу, затем на часы. Время поджидает.

— Ты хочешь обменять эту книгу вот на эти часы? — спросил он

— Да, именно так, — это должно быть самая трудная сделка, которую мне когда либо приходилось совершать.

— Она твоя, леди, — он смеясь протягивает мне книгу, — Велико, однако, ее желание заполучить эту книгу, — уходя мямлил он, — Книгу, полную дыр, — он вышел из помещения.

Охранник указал ему на выход из здания, и подмигнул мне. У него глупый заостренный нос и лицо его усеяно веснушками. Это же тот самый человек, который притворился офицером и спрашивал мое удостоверение.

Прежде чем он закрывает двери зала, он успеваает сказать мне:

— Делай, что должна. Быстро!

— Приятно знать, что кое-кто помогает, — говорит Пиллар.

— Кто это, и откуда он меня знает?

— Он на меня работает.

— А где настоящая охрана?

— Обезврежена и связана где-нибудь в Томе Тауэре, — отвечает Пиллар.

Знаю, мне следовало бы возмутиться, но единственное, о чем я сейчас думаю — спасение девушки. Когда работаешь с Пилларом, всякая совесть отпадает начисто.

Я опускаюсь на колени и изучаю книгу. Здесь прослеживается связь: сперва мне попался “хам”, который оказался Мистером Скруджем; потом “книга” о Льюисе Кэрролле, а потом уже и “взгляд” в самой книге.

— Я просматриваю книгу. Пытаюсь найти то, что натолкнет меня на “замОк”, - говорю я Пиллару.

— Есть какие-либо послания от Чешира на первой странице или же обложке?

— Да, — я почти смеюсь, когда читаю его. — В нем говорится: “Какой прок в книге без картинок и диалогов”.

— И?

— Ответ: дыры.

— Надеюсь, в книге есть дыры, как и сказал Мистер Скрудж.

— Да. В книге две огромные дырки на каждой странице, — сообщаю я Пиллару.

— Какой формы дыры?

— Они похожи на два стержня, толще у самого основания и становятся тоньше по мере того, как тянуться вверх. У них две вершины, которые по форме напоминают что-то вроде необычной шляпы или солдата, я думаю. Может, у них на головах тарелки.

— Понятно. — Голос Пиллара тускнеет. — Черт бы побрал этого Чешира. Он действительно играл с нами с самого начала.

— Вы знаете для чего они?

— Если ты сидишь, подними книгу и посмотри сквозь дыры на Восточную Стену. — Я делаю, как он велит. — Ты должна будешь увидеть две латунные собаки перед камином. По моим догадкам, если ты стоишь прямо посреди комнаты, ты увидишь, как они подходят точно по размерам дыр в книге.

Я делаю, как он говорит, и он оказывается прав. Я вижу статуи латунных собак. Они позолоченные и чрезвычайно необычные. На самом деле, они напомнили мне об Алисе в Стране Чудес пера Льюиса Кэрролла. Не знаю, каким образом, но в них заключено то самое чувство юмора и полнейшей чепухи.

— Что они значат? Не вижу никакого “замкА”. — Я чувствую, что время на исходе и

потому разочарована.

— Тебе приглянулись собачки? — за моей спиной слышится голос. Я думала, что одна в зале, или же это один из помощников Пиллара? Когда я оборачиваюсь, я вижу Джека Даймондса.

У Джека на одном плече висит рюкзак, а его кудрявые волосы падают ему на лоб. И конечно, привлекательная ухмылка.

— Что ты тут делаешь? — рычу я.

Джек закрывает глаза и сворачивает губы трубочкой будто бы для поцелуя:

— Ты задолжала мне поцелуй.

— Что? Да ты сошел с ума. — Я не могу даже представить, что это взаправду. — Как ты вообще сюда попал?

— Я опасный человек. — Он открывает глаза и складывает свои пальцы, как будто держит пистолет. Он начинает стрелять как ковбой. — Хочешь сходить на свидание?

— Ох — вздыхаю я. Он действительно отвлекает. Откуда он взялся?

— Тогда не на свидание. — Передумывает он. — Я могу покатать тебя вокруг Оксфорда на лимузине, побыть твоим шофером на одну ночь.

Я качаю головой. Интересно, откуда Пиллар знает Джека.

— У тебя вообще есть лимузин?

— Нет, но я могу украсть для тебя, лютик. — Он притягивает меня ближе за талию так быстро, что я даже не могу пошевелиться.

— Кстати, меня зовут Джек Даймондс. — Шепчет он нежно мне на ухо. — Я похититель сердец. Шутка, конечно.

— Отпусти меня. — Вырываюсь я.

— Вау, а ты умеешь выбираться из чувственных мужских объятий, — с пустыми руками он выглядит гораздо лучше.

— Ты еще не видел как я расправляюсь со смирительной рубашкой. — Слова совершенно спонтанно сорвались с губ. За секунду я осознала — он не должен знать, что я сплю в психушке.

— Смирительная рубашка? — Он приподнимает бровь, — Я не знал, что ты любишь наручники и все такое.

— Избавься от него. — говорит Пиллар. — Я же говорил тебе, он отвлекает.

Я смотрю на часы и возвращаю взгляд обратно на Джека.

— Почему ты всегда на телефоне? — он наклоняет голову и показывает свои мальчишеские ямочки. Слишком мальчишеские, для двадцатилетнего. — Разговариваешь с тем стариком, который только что вышел? Ты же с ним не встречаешься, да?

— Заткнись, — у меня есть одна минута, я оглядываюсь на латунных собак, — Что такого особенного в этих латунных собаках? У меня нет времени.

Я стискиваю гарнитуру, разговаривая с Пилларом. Я должна продолжать работу, не смотря на то, что Джек маячит где-то за спиной.

— Ты не нуждаешься в свидании, лютик. Тебе нужен гид, — Джек развел руки и склонил голову, словно говоря “я к вашим услугам”, - написание длинной главы о том, как она ест то пирожное и становится все выше, Льюиса Кэррола вдохновили латунные собаки.

— Правда?

— Да, она становится все выше и ниже, и выше и...

— Я знаю о чем книга, — я взмахнула рукой в воздухе. — Чешир дурачил нас с самого начала. — Я щелкнула пальцами, притворяясь, что Джека здесь нет.

— Когда он написал “съешь меня” на Чеширском Сыре, он намекал на тайник девочки, — бормочу я, истолковывая последний кусок головоломки. Внезапно, я кричу:

— Это камин! Он спрятал девочку за камином!

Осталось тридцать секунд.

— За камином спрятана девчушка? — Джек выглядит озадаченным, пока я нарезаю круги в поисках чего-нибудь, что может помочь мне сломать кирпичную стену камина.

— С этим справится большой молот, Алиса, — Пиллар решает снова со мной заговорить. — Быстрей. Найди помощь снаружи! Они придумают, чем ее сломать. И только я собираюсь бежать к двери, я слышу, как после серии сокрушительных ударов позади меня падают кирпичи. Я оборачиваюсь и вижу, как Джек разбивает кирпичную стену одной из статуй латунной собаки. У него сильные руки, и он решителен как черт. Еще он выглядит так, словно ему уже не раз приходилось заниматься вандализмом.

— Черт с ним, с этим национальным достоянием! — кричит он, в то время как падают кирпичи.

Я пробегаю мимо латунных собак и протискиваюсь в пролом вслед за ним. Затем я падаю на четвереньки и использую телефон в качестве подсветки, чтобы заглянуть во тьму камина. Я ощущаю запах пепла, но ничего не могу видеть. Потом я слышу стон ребенка. Не смутившись, я ползу в темноту. Совсем скоро я вижу силуэт девочки на полу. Она лежит на полу со связанными руками и коленями.

Боже мой. Ей не больше десяти. Я подбегаю к ней и падаю на колени. Мне приходится ползти, чтобы вытащить ее наружу. Во рту у нее кляп, все платье изорвано, ноги измазаны в саже.

Ее взгляд меня убивает. Эти умоляющие глаза. Поверить не могу, что она так долго была заперта в таком ужасном месте. Будь проклят этот Чеширский Кот. Клянусь, я до него еще доберусь.

Когда я протягиваю к девочке руку, она, все еще паникуя, отодвигается. Полагаю, она находится в состоянии сильнейшего шока.

— Все хорошо, — говорю я. — Я здесь, чтобы спасти тебя.

Девочка прекращает паниковать, но все же, не позволяет мне приблизиться или развязать ей руки и ноги. Мне хочется кричать и плакать одновременно. Мне хочется сказать ей, что знаю, какого это, оказаться взаперти в одиночестве в такой комнатухе. Она напоминает мне саму себя в лечебнице. Я молюсь, чтобы Чешир не сделал это нарочно, жертвуя девочкой ради игр с моим разумом.

Как только я подползаю ближе, она отодвигается. Я не хочу заставлять ее. Она и так через многое прошла. Мне просто необходимо найти способ, чтобы завоевать ее доверие. Я измазываю сажей лицо и руки, пытаюсь уверить ее, что мы похожи. Что я могу спасти ее, если только она позволит мне. Девочка все еще не доверяет мне. У нее во рту кляп, поэтому говорить она не может. За нее говорят ее глаза. Интересно, что же такого она хочет мне сказать.

— Прошу, позволь мне помочь тебе, — умоляю я, слезы бегут по щекам.

В ее глазах снова появляется это выражение, у меня нет слов.

— Давай, по-крайней мере, вытащим кляп, чтобы ты смогла сказать мне чего хочешь.

Она обдумывает это, затем кивает. Я подползаю ближе и медленно вынимаю кляп. Она храбрая. Больше не стонет.

— Ты Алиса? — спрашивает она меня слабым и тихим голосом.

— Да. — Нет смысла сейчас спрашивать ее откуда она знает. Она расслабляется, услышав мой ответ. Она позволяет мне развязать ее и вытащить из камина на свет божий.

Мы выбираемся на середину зала, где она тут же обнимает меня, пока я стою на коленках. Затем, она, наконец, отпускает меня и начинает истерично рыдать. Она через многое прошла.

Мой мир распадается на части. Я уже давно не испытывала подобных эмоций, даже не представляю насколько давно. Реальный мир так жесток, думаю я, прижимая ее к себе. Я даже не знаю ее, но хочу дать ей всю свою любовь, на какую только способна. Как Чешир мог сотворить нечто подобное с такой крошкой?

Реальный мир ужасен. Пиллар оказался прав. Жить среди нормальных — сплошнейшее безумие.

— Я не поклонник драм, — раздается голос Джека за моей спиной. Когда я поднимаю голову, я вижу, как он взбирается на одно из тех высоких арочных окон. Этот парень вор, или как? — Но ты задолжала мне свидание! — он тыкает в меня пальцем, затем машет девчужке до свидания. Я удивлена, что она помахала ему в ответ. Впервые за все время, она улыбается.

Когда я оборачиваюсь, чтобы найти Джека, его уже нет.

— Молодец, Алиса, — говорит мне на ухо Пиллар. — Неплохо для первого дня в колледже, — он выплескивает на меня весь свой сарказм. — До встречи в лечебнице, — он вешает трубку.

— Ты в порядке? — Спрашиваю я у девочки, у меня перехватывает дыхание.

Она кивает.

— Как только ты сказала мне, что тебя зовут Алиса, я знала, что теперь все будет хорошо. Спасибо тебе.

— Правда? — я осматриваю ее тело на наличие ран. — Где-нибудь болит?

Девочка отрицательно мотает головой. Могу сказать, что с ней все в порядке. Чешир не навредил ей, что заставляет меня задуматься, а для чего же было все это представление.

— Как тебя зовут? — Я провожу пальцами по ее волосам.

— Констанция.

— Какое милое имя, — я снова обнимаю ее.

— Не такое милое, как твое, — ее крохотные ручонки цепляются за мой пуловер на спине. — Моя мама, сперва, хотела назвать меня Алисой.

— Тебе так нравится это имя, да? — улыбаюсь я, удивляясь, почему мое имя так много для нее значит.

Ее ответ бьет меня наотмашь.

— Человек, который похитил меня, сказал, что девушка по имени Алиса придет за мной.

— Оу. — Мое лицо каменеет, а желание поймать Чешира лишь усиливается. — Ты видела его лицо?

— Нет, на нем была маска ухмыляющегося кота, — отвечает она. — Но когда я спросила его, за мной придет Алиса из Страны Чудес, он ответил “да, это будет она”, — продолжила девочка, склонив голову мне на плечо.

Я борюсь со слезами. Она думает, что Алиса — ее герой из книжки, и что она пришла, чтобы спасти ее. Или же я слишком глупа, чтобы признать, что она права. Что я та самая Алиса, и мне предназначено куда больше, чем сидеть в психушке. — Я сказала ему, что Алисе всего семь лет, — продолжает девочка. — Что она не может спасти меня.

— Что он на это ответил?

— Он сказал: “Алиса теперь выросла и она попытается спасти мир”.

Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

Возвращаясь в Лечебницу Рэдклифф, я не знаю что хуже: сумасшедшие люди внутри или снаружи. Доктор Том Тракл минут десять читал мне нотации, за опоздание и подрыв его репутации героя. Его абсолютно не волновало спасение девочки. Мне нравится, как Пиллар шантажирует его. Кроме того, я пытаюсь сказать ему, чтоб он попросту смирился. Я передала девочку администрации колледжа и сбежала через окно, которое ранее использовал Джек. Никто не видел, что я спасла ее, кроме шофера Пиллара и нескольких туристов, которые ничего не могут доказать кроме существования чокнутой девчонки, съевшей головку сыра в Большом Зале. И, конечно же, СМИ сразу же начали показывать безумное видео с девушкой, которая съела головку сыра, и начали связывать меня со спасением девочки.

Том позволяет мне в последний раз увидеться с Пилларом, прежде чем меня снова запрут в подземной палате. Он отдал мою Тигровую Лилию Пиллару, просто, чтобы позлить меня. Теперь мне нужно будет забирать ее у Пиллара.

Направляясь в Вип — отделение, я думаю, что не смогла бы столько сделать без помощи Пиллара. И Джек, та еще загадка. Тот факт, что каждая секунда приближает меня к идее существования самой что ни на есть настоящей Стране Чудес, и что все, кто встречается мне, имеют к ней то или иное отношение, очаровывает и сводит меня с ума одновременно.

Я сижу на стуле, лицом к решетке Пиллара и ощущаю в себе некую суперсилу.

— Поговаривают, что Льюис Кэрролл, должно быть, сидел на наркотиках, чтобы написать такую замысловатую, бессмысленную и радикальную сказку, как Приключения Алисы под Землей. — Пиллар как всегда стреляет в меня одним из своих, казалось бы, неуместным замечанием. Он даже не удостоивает меня взгляда, обращаясь со своим кальяном, словно с новым Порше.

— В Стране Чудес, вы имеете в виду. — Я поерзала на стуле, попавшись в ловушку его безумной реальности.

— Ее именовали Подземельем, пока Льюис не опубликовал свое первое издание в 1865, - посвящает меня Пиллар. — Было опубликовано две тысячи копий, прежде чем он пришел в себя и изъял их с рынка, чтобы переиздать под заглавием “Приключения Алисы в Стране Чудес”.

— Почему он так поступил? — Я потрясена тем, как он мастерски может менять тему разговора. Я то думала, мы будем говорить о том, что произошло сегодня.

— Большой вопрос, — он шевелит пальцем в перчатке. — На самом деле, ответа на него у меня нет. Историки расскажут тебе, что Джон Тенниел, его гениальный художник, так и не был до конца удовлетворен иллюстрациями. Правда в том, то Льюис оставил множество посланий в книге, которые, по мнению Тенниела, не были сокрыты в первом издании. Льюису понадобилось переписать книгу еще раз.

— Ему удалось изъять две тысячи копий с рынка?

— Все, за исключением пятидесяти копий, — Пиллар поднимает свой экземпляр, словно Олимпийский факел. — Это одна из них.

— Значит, поэтому Вы обращаетесь с ней как с Вашей персональной Библией Страны Чудес.

— Я не думаю, что я религиозный человек, Алиса... я предпочитаю комиксы, — отвечает он, — Но я понял твою метафору. Тут есть главы, доселе незнакомые людскому оку. — Он делает шаг в пятно света в камере. Впервые за все время, я замечаю, что с кожей Пиллара что-то не так. Поэтому, вероятно, он носит столько одежды. словно у него аллергия, и кожа, похоже, собирается слезить.

— Почему Чешир сказал Констанции, будто ее придет спасать девушка по имени Алиса? — перебила я. В голове роится множество вопросов. По — крайней мере, я заслужила получить ответ на парочку.

— Разве не странно, что ты говоришь об Алисе в третьем лице, будто это не ты?

Я пожимаю плечами. Этого самого вопроса я избегала весь день.

— Я не Алиса, — говорю я ему. — Даже когда Констанция заставила меня думать что я должна быть ею. По возвращении я обдумывала этот вопрос и пришла к выводу, что эта идея безумна. Быть этого не может, даже рассуждать логически. Настоящая Алиса жила в 19 веке. Мы же в 21.

— Когда дело доходит до Страны Чудес о какой вообще логике может идти речь? — говорит он. — Знаешь, что я думаю? Думаю, ты просто боишься быть Алисой.

— С какой стати Вам говорить подобное?

— Потому что ты думаешь, будто ты хрупкая. Все то безумие, что ты повидала в так-называемом нормальном мире для тебя слишком, — его взгляд необычайно пронзителен. — Включи телевизор и ты увидишь все безумство мира. Войны, убийства, зависть, ненависть и прочие грехи. Не так так уже и хочется пойти и помочь людям, когда как ты можешь просто остаться в своей уютной палате и кровати, там, внизу. Ведь, там, внизу, все так просто, да? — Он подается вперед. — Ты уверена, что тебе есть где провести ночь. Тебе нет нужды волноваться о завтрашнем дне. А в твоём случае, прошлое не обременяет тебя. Все что тебе нужно сделать взамен на еду — время от времени развлекать надзирателей тридцатью минутами шоковой терапии. Жизнь так проста для безумной.

Я замечаю, что крепко сцепила руки, пока внимала его словам. Я ненавижу, что он видит меня насквозь. Я никогда не думала обо всем этом в подобном ключе, но он сорвал настоящий джекпот, своей теорией о нормальном мире. Мне было неуютно там, и я хотела вернуться в свою сумасшедшую палату, откуда я постоянно пыталась сбежать. Ощущение ужасное. Нечеловеческое и неправильное. Но таков мой страх перед нормальными людьми. Рассуждая об этом, могу сказать, что мне ни разу не встречался такой Мухомор, который был бы способен запереть маленькую беззащитную девочку в темном чулане, как это сделал Чешир.

— Знаешь, кто такие безумцы на самом деле, Алиса? — говорит Пиллар с зажатой меж губ трубкой. — Простые лентяи, которые выбирают легкую жизнь.

— Поделитесь со мной тем, что Вы курите. — Я пытаюсь пошутить, опуская тот факт, что он читает меня, словно открытую книгу. — Кажется, Вас неплохо накрывает.

— Берегись своих желаний, Алиса, — говорит он. — Я один из тех немногих, кого Льюис прописал весьма тщательно. Я имею в виду, кем бы я был без мухоморов, кальяна и дыма? — он поднимается и начинает притопывать ногами на месте. Забавно наблюдать, как он танцует и развлекается. Кто он: безжалостный убийца или простой мошенник?

— Можно полюбопытствовать, почему Вы сейчас танцуете?

— Это не танец. Я бегаю по кругу. Бежишь так быстро, что кажется, ты стоишь на тот же самом месте, — отвечает он. — Это напоминает мне о том, что от судьбы не убежишь. Но что мы все обо мне, да обо мне, Алиса. Что ты чувствовала после сегодняшнего спасения Констанции?

— Я.....- я пожимаю плечами. — хорошо. Душераздирающе, но все же хорошо. Если случится так, что я буду вынуждена жить в нормальном мире, то мне придется спасать по душе в день, чтобы оставаться в здравом уме.

Пиллар широко улыбается.

— Что это у Вас за улыбка такая?

— Ты же сама это сказала, — говорит Пиллар. — Единственный способ оставаться в здравом уме в реальном мире — спасать по душе каждый день. Как на счет того, чтобы нам повторить это? А потом, быть может, еще раз?

— Я думала, я выбиралась туда для того, чтобы доказать мою вменяемость. Так вот ради чего я здесь? Спасать людей от безумцев и Монстров Страны Чудес?

— Вопросы. Вопросы. Вопросы. Разве ты еще не уразумела, что вопросы остаются без ответа, не считая тех, что задаю я? — говорит он. — Вопросы — это ленивый способ узнать что-либо, тогда как единственный способ узнать — это не спрашивать.

— Тогда каким образом можно узнать что-либо?

— Жить, разумеется, — он наклоняет голову. — Взгляни на меня. Да, я, конечно, не образец для подражания, но я все же довольно неплохой пример. Думаешь, я каменный и легкомысленный, но знаешь, все то, что я узнал — бесконечно. Только потому, что я позволил себе жить каждым моментом.

— Будь что будет — я поднимаюсь. — Я выражалась метафорически. На самом деле, я не хочу спасать кого-то каждый день. Нормальный мир слишком безумен для меня, — я резко хохотнула. — Думаю, мне лучше остаться здесь. Помнится, Вы обещали вернуть мне мою Тигровую Лилию. — Я вижу ее рядом с диваном. Кто-то заботился о ней. Она отлично выглядит.

— Как пожелаешь, Алиса, — он пододвигает ко мне горшок. — Как пожелаешь.

Я беру горшок и ощущаю, как по сердцу разливается тепло. Я заплатила огромную цену, чтобы вернуть своего друга.

Подземная Палата, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф, Оксфорд.

Прижимая к себе свой драгоценный горшочек, я бреду среди сумасшедших собратьев обратно в свою палату. Вальтруда постукивает электрошокером по руке, сопровождая меня. Пациенты по обеим сторонам глазят на меня, гадая, где я провела целый день. Будто бы они тайком знают, что я побывала в нормальном мире, и теперь удивляются: какого же это. Я улыбаюсь им, а они в ответ наклоняют головы, думая, почему это я сегодня такая улыбчивая. Я знаю почему. Я снова дома.

Вальтруда сообщает, что уже слишком поздно для проведения сеанса шоковой терапии, но она уверяет меня, что совсем скоро мне придется испытать незабываемую ни с чем не сравнимую великую боль. Они с Оджером еще не расквитались со мной за побег. Я вижу пластырь на ее лице, явно появившийся после того, как я окунула ее лицом в ведро. Вне зависимости от того, какой боли они меня подвергнут, гораздо тяжелее знать, что где-то там погибают девушки.

Я вхожу в палату и ставлю цветок рядом со стеной в которой есть небольшая расщелина. Завтра Лилия снова насладится десятиминутным солнечным светом. Прежде чем пойти спать, я провожу пальцами по надписи на стене. На ней по — прежнему написано четырнадцатое Января, а снизу нарисован ключик. Я точно знаю, что сейчас не Января. Где-то середина Декабря. Рождество на носу. Я понятия не имею, что значит эта дата. Почему именно четырнадцатое Января? Что касается ключика, я понятия не имею, что он означает. Кто нацарапал это на моей стене? Устав от вопросов, которые я задавала весь день, я ложусь спать.

***

Обычно, мои сны в лечебнице короткие и бессмысленные. На этот раз мне снится, что я стою на автобусной остановке. Я выгляжу моложе, быть может, мне семнадцать. Я сжимаю чью-то ладонь. Думаю, должно быть, это Адам Джей Диксон. На нем толстовка с капюшоном и я не вижу его лица. Сперва мне показалось, что это не Адам. Быть может, это снова Пиллар со своими дурацкими шуточками. Или даже хуже — Чеширский Кот. В конце концов, я не знаю, как выглядит Адам или Чешир. Как я могла забыть лицо того, кого любила? Кто бы это ни был, он нежно сжимает мою ладонь. Это теплое прикосновение, наполненное любовью и заботой. Я нуждаюсь в этом. Я не чувствовала такой защиты прежде. Нет, это не Чешир и не Пиллар. Это должен быть Адам.

Группа других учеников подходит и дожидается автобуса на остановке. Они все счастливы. Все смеются. Все подходят к Адаму и дают ему “пять”. Они называют его Эй Джей. Переживаю, что меня они попросту не замечают. Ничье лицо мне не знакомо, хотя они вроде бы мои одноклассники.

— Алиса! — здоровается девушка. А потом и еще одна. Они вскидывают руки, чтобы дать мне “пять”. Колеблясь, я отвечаю на приветствие.

Они интересуются, как у меня дела. Она девушка шепчет мне на ухо, что всегда имела виды на Адама, но теперь, когда мы с ним вместе, она желает мне удачи. В ее словах нет ни капли негатива. Она рада за меня. Она даже указывает на моих сестер, Лорину и Эдиту,

стоящих на автобусной остановке напротив нас. Они молчат. Их взгляды красноречивей слов. Я им не нравлюсь.

Адам гораздо выше меня. Он наклоняет голову в капюшоне и шепчет мне на ухо:

— Я все слышал, — его голос такой мелодичный, я хочу слышать его снова и снова. —

Вот только они не знают, что на самом деле счастливец — это я, — он вновь сжимает мою ладонь.

Автобус появляется прежде, чем я успеваю ответить или увидеть его лицо. Он пропускает меня вперед и мы заходим в желтый автобус. Ощущение неземное. Все просто идеально. Мне кажется, что даже небо розоватое в моем сне. Если это и есть моя жизнь до убежища, то лучше мне умереть сейчас, чем Адаму и моим друзьям. Да, я знаю, что я сплю, и, похоже, что я единственная кто знает, что это происходит в прошлом. Все остальные просто весело шумят.

Я, должно быть, проводила довольно много времени с ними, но не помню ни одного лица. Автобус отъезжает, и я начинаю сомневаться, что мы едем в школу, потому что мы бы не были такими счастливыми. Адам продолжает разговаривать со всеми, в то время, как я занята мыслями о маршруте. Мои сестры сказали, что я убила всех в автобусе. А не тот ли это самый автобус? Я встаю и иду по проходу в автобусе в поисках незнакомца. Чутье подсказывает мне, поблизости чужак. Я знаю, что я не сумасшедшая. Я попросту не могла убить всех этих счастливых людей, которых, как кажется, я люблю. С какой стати?

Я разглядываю каждого пассажира, но не вижу никого знакомого или подозрительного. Мне даже приходит на ум, что я могу найти в автобусе кого-то из завистливых сестер. Может они сделали все это, но их там нет. Я подхожу к входной двери, равняясь с водительским сиденьем, вот тогда то я и понимаю, кто здесь самозванец. У водителя автобуса кроличьи уши. Я тру глаза и снова оглядываю всех. Кажется, они этого не замечают. Я делаю шаг вперед и замечаю, что на знаке говорится о том, что автобус движется по направлению к Сейнт Олдейтс Стрит 83, Оксфорд, той самой улице, где ранее этим утром я сошла у Том Тауэр.

— Ты опаздываешь, ты опаздываешь на важную встречу, — смеется надо мной голос. Голос, который я больше всего ненавижу.

На месте водителя — кролик. Тот самый кролик, которого я вижу в зеркале, с белоснежными волосами, падающими на морду. Только сейчас я вижу еще и его зубы. Они заточены, как у страшного клоуна. С его руки свисают карманные часы на цепочке.

— Оставь меня в покое, — говорю я. — Я не сумасшедшая.

— При чем здесь сумасшествие? — кролик давит на газ и увеличивает скорость, выезжая на встречную полосу.

Автобус со свистом несется навстречу движущимся в нашу сторону машинам. Он хочет убить нас всех. Я прыгаю на него и хватаюсь за руль, пытаюсь остановить автобус, но кролик слишком силен. Я не в силах даже повернуть руль.

Позади мои друзья кричат:

— Не делай этого, Алиса! Не убивай нас!

Ума не приложу, почему они думают, что это все моя вина. Я оборачиваюсь, кролик исчез. Автобус крутануло. Когда я поднимаю голову, чтобы взглянуть на машины, осколки стекла летят мне в лицо. Мы уже разбились. Пора пробуждаться ото сна. Как, во имя всего святого, мне удалось выжить?

Общественный Автобус, Оксфорд.

Я очнулась на сиденье вся дрожа. Да, я на сиденье, в автобусе. Не того, что был в моем сне, а самого, что ни на есть настоящего, за пределами лечебницы.

— Кошмары? — Пиллар водрузил руки на трость рядом со мной. Мы сидим впереди.

Я вытягиваю шею, чтобы увидеть водителя. Это не кролик. Вместо него тот самый крысopodobный парень, который, должно быть, работает на Пиллара. На этот раз, на нем надета ирландская шляпа. Солнце слабо поблескивает снаружи. Думаю, уже наступил следующий день.

— Мне снился школьный автобус, — я потираю глаза, разглядывая свой наряд современной Алисы. — Я все еще сплю?

— Останови, пожалуйста! — кричит он водителю, который резко ударяет по тормозам. Машины сигналият, люди нажимают на гудки позади нас, а я почти ударяюсь головой о поручень.

— Разве это похоже на сон? Для тебя это по-прежнему сон? — спрашивает Пиллар и подает водителю сигнал продолжать движение.

— Вы украли общественный транспорт? — я хмурю брови.

— Богачи крадут дома и жизни бедняков. А мне что, нельзя ненадолго позаимствовать автобус? — он ведет плечом, искренне задетый моим замечанием.

— Как я сюда попала? — я ошупываю голову. Вроде не ранена.

— Мне пришлось усыпить и одеть тебя, Пиллар выглядывает в окно. — Мухоморы помогли мне.

— С чего бы Вам вытворять нечто подобное? — я дрожу от усталости и ярости из-за того, что Пиллар затащил меня сюда. — Я же сказала Вам, с меня довольно реального мира. Я не та Алиса, за которую Вы меня принимаете.

— Есть нечто, что ты должна увидеть. — Пиллар стучит тростью по полу. — Останови здесь! — он поднимает трость. Я замечаю, что он никогда не обращается к шоферу по имени. — Возьми это, — он сует тетрадь мне на колени. Похоже, она принадлежит ребенку, она вся с розовыми и желтыми розочками на обложке. Немного измазана в саже или чем-то похожем.

— Что это? — Я открываю ее и пролистываю.

Тетрадка девчачья. На страничках рисунки юной девушки в бело-голубом платье. На одной странице, девушка сражается с Чеширским Котом, на другой с Безумным Шляпником и Бармаглотом. В основном, мысли юной девочки об извращенной Стране Чудес. Алиса на рисунках странным образом похожа на меня.

— Это тетрадка Констанции, — объясняет Пиллар. — Она нарисовала все это три года назад, когда ей было семь.

— Что с того? Девушка немного походит на меня. Это еще не значит, что я та самая Алиса, которую она так хочет. Я выгляжу довольно обычно, как и любая другая девчонка на улице.

— Не в этом суть. У Констанции была эта самая тетрадь, когда Чешир похитил ее. Ее мать позвонила и просила ее, поскольку ее забыли в камине в Крайст Чёрч.

— Кому позвонила ее мать? — удивилась я.

— Не важно. Она сказала, Констанция просила, чтобы ты привезла ее ей. Девочка хотела увидеть тебя в последний раз. Вот ее дом. — Он показывает на двухэтажный дом среднего класса. По большей части он серый, но довольно милый.

Я смотрю на дом, а потом на тетрадь. Правда в том, что я люблю Констанцию. Я правда, скучаю по ней и, мы говорили с ней только в тот злополучный день и то всего десять минут.

— Хорошо, — вздыхаю я. — Если на этом все, то я передам ее ей.

Дом Констанции.

Дверной звонок дома Констанции — трель кукушки. Я стараюсь не рассмеяться над иронией.

— Одну минуту! — изнутри раздается голос женщины. Через мгновение она открывает дверь.

— Здравствуйте, — я слегка склоняю голову, — Меня зовут...

— Алиса, — говорит женщина. Она похожа на бабушку Констанции, но, должно быть, это ее мать. Глаза у нее на мокром месте. Она, что, плакала? — Я знаю.

Она притягивает меня ближе и обнимает. Точнее, она стискивает меня и душит запахом своих подмышек. Я ожидала большей гигиены от нормальных людей, но промолчала.

— Мы ждали тебя.

— Я принесла вам это, — я показываю ей тетрадь.

Мгновение мама Констанции смотрит на нее, затем начинает плакать. Это такая разновидность плача, когда кажется, будто человек чихает. Я понимаю, что она эмоциональная, но я лишь принесла тетрадь. Она должна быть счастлива.

— Это Констанции, — она берет его в руки. Констанция — одно из таких слов, которыми получается хорошо плевать. Я почти вся в слюнях.

— Я знаю, — я улыбаюсь, — Могу я увидеть ее? Мне сказали...

Мама опять заливается слезами. Ей нужны носовые платки, но у меня их нет. Почему она продолжает плакать?

— Заходи, — она пускает меня внутрь. Наконец-то.

Я захожу в скромный дом, но не могу осмотреться, так как мама тянет меня за руку в комнату Констанции.

Комната девочки стилизована под Страну Чудес. Обои, игрушки, даже на ковре огромное изображение Шалтая-Болтая. Тем не менее, повсюду Алиса, сражающаяся с драконами, волками и пауками, размером с человека. Все Алисы — это я. Если у меня и были сомнения по поводу тетради, от своего портрета во всю стену просто некуда деться.

Я не помню всего этого. Как это возможно?

— Она всегда говорит о тебе, — объясняет ее мама, — Мне любопытно, почему ты никогда не приходила. Она говорит, что продолжает приглашать тебя на ужин, но ты занята спасением жизней.

— Я... — Я молчу, боясь расплакаться, когда Констанция войдет в дверь. Чешир что, специально это спланировал?

— Вчера она сказала мне, что даже если Чешир похитит ее снова, ты обещала всегда приходить ей на помощь.

— Конечно...

— И теперь, когда это случилось, я верю, что ты здесь, чтобы...

— Что случилось? — я перебиваю ее.

Внезапно, нас обеих охватывает ужас. Она не знает, зачем я здесь, а я не знаю, почему я здесь. Пиллар обыграл меня.

— Так ты не знаешь? — ее мама выглядит озадаченной. — Вчера Чешир снова похитил

Констанцию.

— Что? Как? — я опускаюсь на кровать, слезы обжигают глаза, но я сдерживаюсь. — Разве полиция не охраняла ее? Мы что, в джунглях? Чешир дважды похитил девочку? Почему Вы не позаботились о ней?

— Ее похитили не тут, — объясняет ее мама. — Она поехала в The Alice Shop^[17] в Оксфорде. Она планировала купить себе сувенир.

— The Alice Shop?

— Да. Должно быть, ты знаешь его. Он на Сейнт Олдейтс 83.

Сейнт Олдейтс Стрит, The Alice's Shop, Крайст- Чёрч

Чуть погодя, я нахожу Пиллара. Он продолжает играть со мной в свои дурацкие игры по телефону: отправляет мне смс-ки с наводящими на его местоположение сообщениями по всему городу. Бесконечно долгим ожиданием, он приглушает мой гнев, вызванный его проделками. У меня не остается выбора, кроме как играть по его правилам. В данный момент, кроме него у меня больше никого нет, чтобы помочь мне в поимке Чешира. И я схвачу его. Я ощущаю близость с Констанцией, и то, что происходит между мной и Чеширом становится уже чем-то личным.

В конце концов, я оказываюсь перед Alice's Shop на Сейнт Олдейтс Стрит 83. Это довольно милый сувенирный магазинчик, оформленный в викторианском стиле, вот только дверь красного цвета с номером 83 на ней. Толпа тинейджеров входит и заходит с игральными картами Дамы Червей, бутылками с надписями “выпей меня”, большими пушистыми кроликами в сюртуках и прочими всевозможными сувенирами.

Внезапно позади меня поднимается холодный ветер. Когда я оглядываюсь, то вижу набирающий скорость школьный автобус. Это ведь обычный автобус, каких сотни, ничего плохого не должно случиться. Просто все это напоминает мне о моем сне, в котором кролик убил моих друзей. Почему все считают, будто я убила их? Я даже не знаю, что реально, а что нет.

Мой телефон звонит.

— Историки поведают тебе, что Alice's Shop вдохновил Льюиса на написание с “Магазинчике Старой Овцы” в Приключениях Алисы в Зазеркалье, — сообщает Пиллар мне по телефону. — Вся правда в том, что этот магазин сам по себе. Мило, не правда ли?

— Не могу сказать точно, особенно после того, как Вы разбили вдребезги мои детские воспоминания. — Я сжимаю губы.

— У тебя нет “детских воспоминаний”. У тебя есть лишь воспоминания о Стране Чудес. Рано или поздно, они к тебе вернутся. Правда, не обещаю, что ты будешь от них в восторге.

— Почему мне снился The Alice's Shop?

— Не думаю, что что-либо из этого магазина может помочь тебе в поисках. Это просто магазин, куда Чешир последовал за Констанцией. Вот и все. Сюда съезжаются туристы со всего мира. Просто Констанция так сильно тебя любила, что ей хотелось купить тебе нечто особенное, — говорит Пиллар, и я не знаю, к чему он ведет. — Тот факт, что он тебе снился лишь поддерживает мою теорию о том, что тебе суждено спасти жизни за пределами лечебницы. Ты все еще хочешь сидеть сиднем в своей подземной палате?

— Нет, — в этом я уверена. — Если не спасти жизни, то тогда уж спасти хотя бы Констанцию, и на этот раз поймать Чешира.

— Не могла бы ты записать и поставь подпись под своими словами, пожалуйста, чтобы я смог использовать их в суде, когда ты в снова передумаешь? — говорит он.

— Хватит играть в игры. Я усвоила урок. Если Констанция считает меня своим супергероем, тогда я им стану. Так что хватит терять время попусту, и расскажите мне что-нибудь полезное. Почему Чешир снова похитил ее, после того, как я спасла?

— Быть может, в первый раз ты не совсем спасла ее. Быть может, он позволил тебе

спасти ее.

— Как так?

— Быть может, он лишь позволил тебе думать, что ты спасла ее, — отвечает Пиллар. — Чтобы тем самым узнать, настоящая ли ты Алиса, если так, ты станешь для него большой угрозой.

— Как я могу быть угрозой Чеширу? И почему бы Вам просто не рассказать мне, что произошло в Стране Чудес в прошлом?

— Не принимая во внимание тот факт, что я не знаю всего на свете, я еще помимо прочего должен защищать свои определенные активы. Страна Чудес, как и взаимоотношения, весьма сложна. Разве я не должен напомнить тебе, что в Стране Чудес мы были далеко не союзниками? — его голос становится резким, словно он хочет вбить признание в мою голову.

— Не думаю, что водила дружбу с серийным убийцей, — бурчу я.

Некоторое время Пиллар молчит. Его молчание убивает меня. Мою голову одолевают самые безумные мысли.

— Мне крайне любопытно, что же задумал Чешир, — как и всегда, он мастер менять темы. — Убийство девушек веселья ради не его стиль. Он умный, коварный, хитрый и льстивый, как любой нормальный кот. Резня не по его части.

— Тогда где мне начать искать его? Должно же у него быть слабое место. — Я начинаю прогуливаться по колледжу.

Так хорошо гулять и дышать воздухом, как обычный человек. Я начинаю привыкать к этому.

— По опыту гусеницы, человеческая слабость всегда заключается в прошлом, там, где спрятано все грязное белье, — он радостно вздыхает.

— Как мы докопаемся до его прошлого? — я смотрю вверх, допуская мысль, что он наблюдает за мной откуда-нибудь. Я не уверена, что он вернулся обратно в лечебницу. По звукам, он где-то поблизости. Не знаю почему.

— Почему ты не подумаешь сама, разнообразия ради? — говорит Пиллар.

На мгновение, я задумываюсь над этим. Что же мне известно о Чешире?

— Чешир любит игры. Все его игры тщательно спланированы. Они связаны с ухмылками и котами — это его излюбленные темы. Еще он без ума от подсказок, сокрытых в его далеком прошлом...постойте? Я на верном пути? Вы сказали, что графство Чешир и сырная фабрика вдохновили Льюиса на написание о нем.

— Это маленький городок, Алиса. Обычные одинокие людишки, тоже лентяи. Льюис Кэрролл не лелеял их в своей памяти слишком долго, так что они так и остались в своем маленьком городишке. Я бы не стал ждать от них ответов. — Говорит Пиллар, — тем не менее, мне нравится ход твоих мыслей, Алиса. Но ты, как и большинство здравомыслящих людей ищешь разгадку далеко, когда как ответ прямо у тебя под ногами.

Когда он говорит “под ногами”, я останавливаюсь. Почему я так уверена, будто он поблизости? Теперь я знаю. Все звуки вокруг него в точности повторяют звуки, окружающие меня. Машины, голос продавца вафель, щебетание девушек, выходящих из Alice’s Shop.

— В буквальном смысле, Алиса, — настаивает он. — Глянь себе под ноги.

Я бросаю взгляд на свои белые кроссовки и гадаю, что он имеет в виду. Я что, должна увидеть на асфальте какой-нибудь знак? Я даже не удивлюсь, если так и окажется.

Наконец, происходит нечто безумное. С небес, прямо передо мной, падает книга. Это Приключения Алисы под Землей. Больше не поднимая голову, я склоняюсь и поднимаю ее, убеждаясь, что копия цела. Затем вскидываю голову. Пиллар стоит на крыше Том — Куод, на одном из четырех четырехугольников Крайст Чёрч. Он стоит аккуратно рядом с Том Тауэр. Я предпочитаю не спрашивать, как он туда забрался.

— Не лучший способ обращаться с книгой, которую никогда больше не напечатают, — говорю я ему по телефону и машу ему “привет” книжкой.

Он делает вид, что не знаком со мной и кормит голубей с руки, обтянутой перчаткой.

— Ты знала, что семья Льюиса не заработала ни цента от этих продаж? — он игнорирует меня, зато говорит со мной по телефону. Тоже мне, аккуратист. — Можешь в это поверить? Это вторая в истории книга по объему продаж после библии. — Этого я не знала. — Не смотря на то, что обе книги вышли полнейшей бессмыслицей, куда нашему Льюису до Господа Бога.

Голуби взлетают с крыши, а я стою с книгой в руках. Никто вокруг даже не интересуется книгой, упавшей с неба. Лишь пара девчонок стреляет в меня сердитыми взглядами и продолжают идти. Я понятия не имею, почему они так сделали. Неужто люди в нормальном мире такие занятые?

Я, словно сумасшедшая, пролистываю книгу.

— Так какую страницу мне нужно прочесть, чтобы узнать о прошлом Чешира, — я плечом прижимаю телефон к уху. — Это в той части, где я говорю с ним об ухмылке?

— Ты сказала “Я”, когда упомянула разговор с Чеширом. Для меня это прогресс. —

выдает он. — Лишь один человек может знать о прошлом Чешира. Ее упоминали в книге.

Тебе лишь нужно освободить свой разум, а все остальное придет само собой, — он свистит, чтобы улетающие голуби вернулись. — Вспомни, когда ты впервые встретила Чешира в книге, Алиса. Подумай.

— Он сидел на дереве, а я заблудилась, — уверенно говорю я. — Он продолжал исчезать и появляться, снова и снова.

— Это отличная метафора для твоего нынешнего положения, но нет, ты не тогда впервые встретила Чешира. Ты встретила Чешира у...

— В доме у Герцогини, — слова вырываются у меня из груди. — Герцогиня!

— Да. Фактически, Чеширский Кот принадлежал Герцогине в данный период времени.

— Поняла. Если найдем Герцоиню, кто лучше всего знает о прошлом Чешире, и, надеюсь, о его слабостях. — Я поднимаю голову и смотрю на него. — Вы знаете, где мы сможем найти ее?

Вместо того, чтобы ответить на мой взгляд, Пиллар возводит руки к небесам: в одной трость, в другой трубка от кальяна. Он взирает на пешеходов с Сейнт Олдейтс Стрит, а затем кричит на весь мир изо всех сил:

— Господь велел мне построить Ковчег, и взять вас на него, люди! — Он выглядит чертовски серьезно. — Если вы не скроетесь на нем вместе со мной, до пришествия Монстров Страны Чудес, вы все умрете. Это будет ваш апокалипсис!

Я пытаюсь не рассмеяться, пока пара бездомных слабо хлопают в ладоши рядом со мной.

— Да, апокалипсис. Припоминаю, — говорит беззубый, потом уходит выпрашивать мелочь. Кроме него, никто больше не обращает внимания на строящего из себя Моисея человека на крыше.

Пиллар опускает руки и смотрит на меня с самодовольной ухмылкой на лице.

— Разве тебе не по нраву наплевательское отношение нормального мира? Я мог бы обмотаться динамитом и никакие мои предупреждения не смогли бы расшевелить их. — Все его лицо светилось от восторга. Затем, в мгновение ока, он становится безумно серьезным. — Ты готова встретиться с Герцогиней?

— Не думаю, что она настоящая “Герцогиня” в этом веке и времени. — Я останавливаюсь рядом с Пилларом, который следит за новостями по телевизору, что выставлен для продажи на витрине магазина. Он спустился с крыши и мы пошли прогуляться, но что-то в телевизоре привлекло его внимание.

— Ну, конечно же, нет, — рассеянно отвечает Пиллар, переводя взгляд на другой телевизор. Передают репортаж об эвакуации людей из домов. — Я ведь говорил тебе, что Монстры Страны Чудес переродились в современных людей. Та самая Герцогиня перевоплотилась в некий эквивалент “Герцогини” нашего времени.

Он все еще увлечен новостями. Транслируют документальный фильм о бедности в Африканских странах. Не знаю, что интересного он нашел в этом, а его лицо непроницаемо.

— Эквивалент? Кто она? — гадаю я. — Погодите. Герцогиня же не Королева Англии?

— Ох, нет, — Пиллар, наконец, отрывает взгляд от ужасных новостей со всего мира. — Это же просто глупо, — говорит он мне.

— Будто бы все прочее нет.

— Глупость несколько отличается от бессмыслицы. Королевы Англии всегда обожали Льюиса. На самом деле, Королева Виктория приходилась ему хорошей подругой.

— Тогда кто Герцогиня?

— Маргарет Кент, — объявляет Пиллар.

— Кто?

— Очень известная женщина в Парламенте, — отвечает он.

— В Британском Парламенте?

— Нет. В Парламенте Оз. Сосредоточься, Алиса, — морщится Пиллар. — Она — телевизионная звезда, — он указывает на другой телевизор за витриной, который вещает встречу Британского Парламента. Столько важных людей в костюмах. Я не знаю, кто из них Маргарет Кент. — Я и не ожидаю, что ты узнаешь ее. Ты много лет провела под землей. Но ее обожает большинство нормальных людей.

— Как Герцогиню могут любить другие люди? Разве она не Монстр Страны Чудес?

— Как и большинство политиков, она обманывает их, обещая невозможное, — отвечает Пиллар. — Ты когда-нибудь замечала, если обещать возможное, люди тебе не поверят?

— Она из тех двуличных людей. Как ее до сих пор не разоблачили?

— Вообще-то, некоторые пытались. Год назад, молодой человек нарисовал карикатуру в Дейли Телеграф, изобразив ее, как самую уродливую женщину во всей Британии.

— Она так уродлива? — я разглядываю всех женщин в Парламенте на экране. Все выглядят прекрасно.

— Фактически, она по-современному красива, со всеми этими пластическими операциями, жемчужными бусами и элегантными светлыми волосами, — отвечает Пиллар. — Ее уродство, упомянутое в газете, из числа всех тех гадких вещей, что она проворачивает втихую. Взятки, вымогательства и подтасовка судебных процессов в пользу важных начальников. Одно из правил нормального мира... бедняки становятся беднее, а богатые... еще богаче.

— Маргарет Кент? — пробую произнести ее имя, узнавая ее, когда оно появляется

прямо под ее изображением на экране телевизора во время ее речи. Она выглядит совершенно идеальным политиком женского пола — лицо, заслуживающее доверия.

— Конечно же, тот художник, который нарисовал карикатуру был загадочно убит “террористом” неделей позже.

— Это ужасно.

— Алиса, — Пиллар кладет руку мне на плечо. — Ты не улавливаешь суть. Художника убил некто по указке Маргарет Кент, поскольку он выложил на свет божий ее грязное белье.

— Вы уверены?

— А знаешь, КТО убил его? — Лицо Пиллара слишком близко к моему. У меня есть догадка по поводу ответа, но озвучивать ее язык не поворачивается. Чешир по книге был ухмыляющимся котом Герцогини. В реальной же жизни, он ее личный наемный убийца.

Я делаю шаг назад, оперяюсь руками о стену. Голова кружится, у меня снова возникает то ощущение, что в моей палате гораздо лучше, чем в окружающем меня мире.

— Этого не может быть, — мой голос почти не слышен, когда внезапно начинает идти дождь.

Лимузин Пиллара, где-то в Оксфорде.

— Вот как устроен этот мир, — говорит Пиллар. Мы сидим на заднем сиденье егс лимузина. — Как ты думаешь, почему убийц, подобных мне и Чеширу так до сих пор и не поймали? Люди вроде Маргарет Кент каждый день только заняты тем, чтобы добиться еще больше денег и власти. Вокруг нас голод, войны, нищета и смерть. Но знаешь что? Хрен с ним, со всем этим. Давай просто подзаработаем еще денег и убьем тех, кто встанет на нашем пути. Или еще лучше, давай сведем их с ума.

— Стало быть, Маргарет Кент знает о Стране Чудес и нанимает ее монстров выполнять грязную работенку?

— Гениально, не правда ли? — говорит Пиллар, постукивая трубкой по уголку рта. — Найми кого-нибудь, вроде Чешира, кто в глазах общественности — не более чем глупый кот из книжки. Если кто-нибудь вдруг попытается разоблачить тебя, он попросту будет осмеян, будем реалистами: Страны Чудес не существует.

— Зачем Чеширский Кот это делает? Вы же говорили, что убийства потехи ради не его стезя.

— Даже коту нужно зарабатывать на жизнь, — отвечает Пиллар. — А ведь деньжата то неплохие, к тому же у него имеется зуб на человечество. Быть может, кто-то наступил ему на хвост. Кто знает?

— Значит, Маргарет заплатила ему за убийство девушек?

— Вряд ли. Кто станет платить за убийство молодых девушек? Кроме того, он бы не стал играть с нами в игры и шарады, если бы ему заплатили. Заказы Маргарет исполняются в краткий срок. Она лишь хочет, чтобы у врагов “головой летели с плеч долой”.

— Так как Вы заставите Миссис Кент рассказать нам что-либо о Чешире? — спрашиваю я. — Возможно ли вообще надеяться на личную встречу с такой знаменитой женщиной?

Пиллар поворачивается ко мне и в его глазах снова тот мерцающий блеск.

— Это зависит...

— От чего?

— Скажи мне, Алиса, — он смахивает невидимые пылинки в брюк. — По шкале от одного до безумного, насколько ты чокнутая?

У меня возникает предчувствие, что Пиллар и я собираемся совершить нечто безумное.

Кабинет Главного Врача, Лечебница Рэдклифф.

— Я этого не сделаю! — протестует Том Тракл. Он ерзает на месте и тянется за таблетками из ящика стола.

Пиллар и я сидим напротив него в его же кабинете. Мы обмениваемся взглядами, в то время как сами находимся на грани смеха. Вынуждена признаться, что времяпрепровождение с Пилларом научило меня расслабляться и сдаваться на милость всему тому безумию, что твориться в мире.

— Я многого не прошу, — говорю я Траклу. — Я лишь хочу Свидетельство о Безумии.

— Такого не существует, — Тракл делает глоток воды, чтобы проглотить таблетку. — А если бы и было, я бы не смог его сделать. Это безумие. Ты — чокнутая.

— Видите, поэтому я и хочу Свидетельство о Безумии, — я прилагаю все усилия, чтобы на захихикать.

— Прошу, Томми, — Пиллар водружает ладони на трость. — У нас еще полно работы, а ты нас тормозишь.

— Ты тоже псих, — говорит Тракл.

— Благодарю, но мне не нужно свидетельство. Оно нужно нашей бедняжке Алисе, — дует Пиллар. — Только взгляни на нее. Она так невинна. — Я свожу ноги, зажав между ними ладони, хлопая ресницами и надув на него губки. Все это доставляет мне невероятное удовольствие. — Как еще мы сможем доказать, что она безумна? — добавляет Пиллар.

— Что-то подсказывает мне, что вы сотворите нечто невообразимое с этим свидетельством, — сдает позиции Тракл. Давление, которое оказывает на него Пиллар невероятно. Доктор нарушает все правила, чтобы не потерять работу.

— Прошу, не используй слова “безумный” и “псих”. Это и вправду ранит. — Пиллар разыгрывает все точно по нотам. Когда я выйду отсюда, я буду смеяться, покуда не заплачу.

— Я не говорил “псих”! — Тракл хватается за кресло; его лицо красное, словно томат, готовый вот-вот взорваться. — Кроме того, как вы хотите, чтоб я вас называл?

- “Мухомор” неплохое слово. Верно, Алиса? — Пиллар бросает на меня взгляд.

— Да, — я снова невинно хлопаю глазками. — Мухомор. Я — Мухомор. — Пиллар кивает и похлопывает меня по спине. — Вы — Мухомор, — адресуя я Пиллару, затем поворачиваюсь к Траклу. — И Вы тоже Мухомор.

— Я не Мухомор! — вскакивает Доктор Тракл, ударяя ладонями по столу. Думаю, ему серьезно стоит пересмотреть отчет о побеге Пиллара и потерять свою работу, или же он, в конце концов, окажется в одной из подземных палат.

— Как бы не так, — спорю я, затем смотрю на него, как у больного. — У Вас эти красненькие пятнышки на лице. Что это, Доктор Тракл?

— Что? — Он дотрагивается до своего лица. — Какие еще пятнышки?

— Я думаю, это может быть ветрянка, — Пиллар подыгрывает мне. — Мухотрянка, быть может?

— Вы пудрите мне мозги! — кричит Доктор Тракл. Я вижу, что у него на шее вздулись вены. — Вот твое свидетельство, — он вытаскивает бумагу с печатью из стола и подписывает ее. — Выметайтесь!

Пиллар склоняет голову, чтобы увидеть, что пишет Тракл.

— Прошу Вас, Доктор Тракл. Не пишите этого, — протестует он.

Доктор Тракл выглядит озадаченным.

— Что он написал? — я подсказываю на ноги. — Это обо мне? — Я складываю перед собой руки.

— Он написал, — Пиллар притворяется будто не может вынести этих слов. — Он написал, что ты “безумна до мозга костей” и “крыша поехала”.

— Вы так написали? — ухмыляюсь я на Тракла.

— Нет, — Доктор Тракл защищаясь, машет руками. — Клянусь, я этого не делал.

Я сердито выхватываю свидетельство, чтобы прочесть его. То, что нам нужно. Пиллар и я поднимаемся, чтобы уйти. Прежде чем уйти, я залажу на стол и целую Доктора Тракла в щеку, затем медленно провожу пальцами по его носу. Мы и так поиздевались над бедным парнем. Мои губы действуют на него словно электрический стул во время моего поцелуя. Думаю, он описается.

— А Вы ведь даже еще не испробовали шоковую терапию, — шепчу я ему на ухо.

— Идем, Алиса, — говорит Пиллар. — Мы опаздываем на самолет до Лондона. — Он размахивает Свидетельством о Безумии перед собой. Оно еще понадобится нам для встречи с Герцогиней.

Офис Маргарет Кент, Вестминстерский Дворец, Лондон.

Маргарет Кент сидела одна в своем роскошном кабинете в Вестминстерском Дворце, в Лондоне. Через некоторое время, у нее была намечена важная встреча, а ждать она не любила. Если бы ей приходилось постоянно ждать, она бы ничего не добилась в своей карьере. Дела не требовали отлагательств, решения должны были быть приняты в мгновение ока. Чтобы спасти несколько жизней, многие головы полетели с плеч долой. Многие головы полетели с плеч долой ради сохранения нескольких жизней. Этому она научилась еще у Королевы Червей давным-давно. Но ей больше не хотелось вспоминать о Стране Чудес. Она двигалась дальше. И теперь ей приходилось решать проблемы в этом мире.

Обычные люди считали, что женщина ее разряда могла сделать все взмахом руки. Это было далеко от реальности. С тех пор, как Маргарет вступила в Парламент, ей плохо спалось по ночам. Всех тех ужасных вещей, что она провернула из-под полы, было вполне достаточно, чтобы сводить ее с ума остаток жизни. Но все эти ужасы просто необходимы, подумала она, потирая дорогой Ролекс на запястье. Женщина в таком положении просто обязана жертвовать другими во благо нации. Так делались дела. Во всех штатах. В Германии. И большинстве стран. Она поднялась и уставилась в окно на все этих простых обывателей, наслаждающихся жизнью. Если бы они только знали, какую цену она и ее коллеги из Парламента заплатили ради них.

Но это ложь, Маргарет. Отозвалась ее назойливая совесть. Не все чем ты занималась было во благо народа.

Маргарет отошла от окна и поправила прическу в зеркале. В реальной жизни, волосы были намного тоньше. Но, хвала ее стилисту, который исправно заботился о ее внешнем виде, они выглядели совсем иначе. Людям нравились красивые политики. Красота обязательна, когда лжешь.

Она еще раз бросила взгляд на часы, пытаясь отвлечь себя от терзавших ее мыслей.

С возвращением, Маргарет. Это я, твоя совесть. Та, кто знает все твои секреты. Я знаю с всех невинных людях, которых ты намеренно упрятала в тюрьмы, психушки, и даже убила. Это и понятно. Ведь это игра. Игра под названием ЖИЗНЬ.

Маргарет не знала, почему ее назойливая совесть вздумала атаковать ее именно сегодня. Она никогда не сожалела о содеянном. Те секреты, что она хранила от общественности, были необходимым злом. Если кто — то считает, что можно добиться справедливости и уравнять всех в правах, то он просто безумец в наивысшей степени. Мир работал как часы. Для того, чтобы вращались большие колеса, мелким шестеренкам приходилось вертеться не прекращая. Им нужно было обещать невозможное. Вот так решались проблемы больших колес. Поворачиваясь к телевизору, в надежде отвлечься, она поняла, что именно беспокоило ее. Все происходило прямо у нее перед носом; Чеширский Кот убивал девушек по всей стране, в то время как власти не могли ничего с этим поделать. Во время очередного тайного совещания. А это совещание просто вынуждено было быть тайным, так как все прекрасно знали о том, чем Чешир занимался для них, и о каких секретах он знал. Он вел себя слишком агрессивно, а они не могли и пальцем пошевелить, потому что Чешир, почуяв неладное, сразу бы разоблачил их.

Маргарет какое-то время использовала Чешира. Она и не думала, что он окажется сумасшедшим убийцей, проливающим кровь без какой-либо на то причины. Он ненавидел людей и выполнял задания, порученные ею в обмен на деньги или информацию, по большей части касающуюся Страны Чудес. Чешир был просто одержим идеей открытия потайной дверцы в Страну Чудес. Той самой, за которой когда-то давным-давно Льюис запер монстров. Маргарет не знала, каким образом Чеширу удалось сбежать из своей темницы, впрочем, она никогда и не спрашивала.

По иронии судьбы, коллеги по работе все еще любили называть ее “Герцогиней”, потому что чем больше она заботилась о своем внешнем виде, тем более явными становились ее внутренние уродства. Она не колеблясь причиняла боль кому-угодно. Карьера стала смыслом ее жизни, и она становилась лишь корыстнее день ото дня.

— Ну и что мне с этим делать? — сказала она самой себе в пустой комнате. Чеширу придется прекратить свои убийства, либо последствия будут непоправимыми.

Маргарет Кент, играя со своими жемчужными бусами, бросила взгляд на девушку, что показывали по телевизору. Это была та самая девчонка, которая прославилась тем, что как безумная кусала головку сыра в Большом Зале. Поговаривали, что она спасла девчонку, которую вчера похитил Чешир. В новостях сообщили, что она новая студентка Университета Оксфорда. Не смотря на это, ее до сих пор не могут найти.

Маргарет, прищурившись, приблизилась к телевизору.

— Минуточку. — Ее глаза широко распахнулись, разглядывая девушку. — Этого просто не может быть. Неужели это она?

Вход, Вестминстерский Дворец, главный офис Британского Парламента.

Пиллар толкает меня в инвалидном кресле. Мы направляемся к входу в Вестминстерский Дворец. Это полнейшее безумие.

Я облачена в рваную рубашку из лечебницы и сижу в инвалидном кресле. Ноги неуклюже скрещены, на одном носке дыра. Другая нога перемазана в грязи, рука висит свободно и болтается из стороны в сторону. Я подняла одну руку, словно повисшая на нитях марионетка, чтобы добавить драмы ко всему этому безумию. Мои торчащие в разные стороны волосы, выглядят так, словно меня поджарили, а затем высушили. Финальный штрих моего образа — разноцветная шапка с цветком, какие обычно надевают на малышей. Завязочки вязаной шапки, словно шнурки, обмотаны вокруг моей шеи, но это еще не все. Апогеем безумия становится белая жидкость, сочащаяся из уголков моего рта. Люди думают, что это рвота, но на самом деле это зефир. Я незаметно запикиваю его в рот, разжевываю до кашеобразного состояния, а затем выплевываю. Эта идея принадлежала Пиллару.

В то время как Пиллар толкает меня ко входу в Парламент, я прилагаю все усилия, чтобы не рассмеяться, изображая полнейшую дурочку. Его останавливает охрана. Они говорят вежливо, до тех пор, пока я веду себя пассивно, а он выглядит словно бездомный папаша на пенсии, которой ему вовек не видать.

— Доброе утро, правительство! — приветствует их Пиллар. На нем комбинезон, который надет прямо на голое тело и большие потрепанные ботинки. Через прореху на плече видно, как болезненно шелушиться его кожа, что заставляет выглядеть его еще хуже. Там и тут на комбинезоне виднеются заплатки. На одной из них логотип ливерпульской футбольной команды, на другой — флаг Великобритании с изображением Королевы, которая курит кальян.

— Сэр, нельзя заходить за эту линию, — охрана чрезвычайно внимательна. Люди же вокруг нас — нет. Те, на которых надеты дорожные костюмы, поспешно пытаются пройти мимо нас. Люди, которые проходят мимо, лишь смеются над такими как мы.

Пиллар размахивает моим Свидетельством о Безумии, будто Картой Сокровищ. Ему бы еще платок на голову и серебряный зуб, ему бы кстати подошло.

— Это Свидетельство из Психиатрической Лечебницы Рэдклифф о том, что моя дочь безумна, — говорит Пиллар. — Больна на всю голову. Совсем крыша поехала. У нее не все дома, — он начинает плакать. — Она — это все, что у меня есть. Он плачет так, что у меня аж коляска трясется. Он так крепко за нее держится. Не могу удержаться от смеха, так что слюни с зефиром летят во все стороны. Миленький зефирчик.

— Сэр, — повторяет охранник. — Нам очень жаль Вашу дочь. Но вы должны уйти. Это здание правительства.

— Я знаю что это, — плюется Пиллар и размахивает еще одной ничего не значащей бумажкой, вероятно, какой-нибудь врачебной рекомендацией. — Это разрешение на встречу с Маргарет Кент.

— Что? — охранник выглядит озадаченным.

— Моя дочь умирает. У нее Дьявольская Лихорадка. Это заразная инфекция, передающаяся от тропических птиц, — Пиллар размахивает локтями, на манер птичьих

крыльев.

Охрана пятиться от меня прочь. Я настойчиво тянусь к ним, словно отчаянная попрошайка.

— Плосу! — умоляю я. Женщина, стоящая рядом начинает плакать от жалости. В животе появляются колики, от того, что я так долго сдерживаю распирающий меня смех.

— Все, чего моя дочь хочет перед смертью, это встретиться с Маргарет Кент, — говорит Пиллар. — Этот документ — разрешение на встречу с ней, — Пиллар преувеличивает и тыкает бумажкой во все стороны.

Никто, кроме охранника не осмеливается проверить его подлинность. Как только он подходит к Пиллару, я подкатываю коляску ближе к нему.

— Плосу Вас, Мистел, — я снова протягиваю руки, будто марионетка и кашляю зефиром ему на ноги. Охранник отстраняется и начинает вызывать по рации кого-то из здания.

— Вы видели нас по телевизору? — говорит Пиллар. — Маргарет Кент пообещала встретиться с моей дочерью. Я знаю, что Маргарет Кент хорошая женщина. Она бы никогда не посмеялась над нами, верно? — обращается Пиллар к сочувствующей толпе. Они согласно поддакивают. Жалость творит чудеса.

Дочь одной из зевак облизывает мороженое. Я поворачиваю коляску и вытягиваю руку.

— Морозенка!!!

— Прошу прощения, Мадам, — говорит Пиллар. — Моя дочь прежде не видела такого большого мороженого. Не угостите ее?

Женщина заботливо просит свою дочь отдать мне мороженое. Пиллар выхватывает его у нее и, отдает мне, когда мы снова поворачиваемся к охранникам. Вообще то, он размазывает его по моим щекам, отчего я выгляжу еще более жалкой.

Мужчины и женщины в костюмах начинают жаловаться на то, что не могут попасть в здание, пока я блокирую вход.

— У нее Дьявольская Лихорадка! — вопят они на охранников. — А у нас важные встречи.

— Я слышал, что Дьявольская Лихорадка смертельна, — объявил мужчина в костюме и галстук.

— Прошу Вас, Мистел, — я подкатываю к мужчине. — Я хочу встлетица с гелцогиней. — говорю я, выплевывая зефир и черешневое мороженое.

Выходит глава охраны и приказывает прочим охранникам впустить нас.

— Нечего тратить на это весь день, — кричит он на них. — Пропустите их.

— Спасибо. — Я тянусь к нему. Мужчина вынужден отпрянуть от меня. Пиллар плачет от счастья по поводу предстоящей встречи с Маргарет Кент и закатывает меня внутрь. Вынуждена признать, безумие — это весело.

Вестминстерский Дворец

Внутри администратор пытается связаться с Маргарет Кент, чтобы подтвердить нашу встречу, но моя не прекращающаяся зефирная рвота не дает им даже приблизиться к нам. Пиллар показывает им наши поддельные удостоверения, и они позволяют нам воспользоваться ближайшей ванной комнатой, которую мы, конечно, объезжаем.

Пиллар заводит меня в ближайший лифт и говорит, что точно знает, где найти Герцогиню. Он вытаскивает шланг от кальяна, который был спрятан внутри моей инвалидной коляски, и на его лице появляется задорная улыбка четырехлетнего мальчика. Я же корчу гримасу, пока он вытаскивает мелкие детали из моей коляски. Пиллар начинает соединять их вместе, как Лего.

— Убийцы обычно соединяют пистолет с глушителем в этой части фильма, — Я передразниваю его, интересно, почему мы так совместимы, когда дело доходит до безумия.

— Они бы не стали называть меня Пиллар — Киллер просто так, Алиса, — сказал он, присоединяя последнюю часть, — Я предлагаю тебе оставить сомнения, потому что все, что ты сейчас увидишь, выйдет за рамки безумия. Мои глаза наблюдают за возрастающим счетчиком лифта, пока он наконец то, не останавливается.

— Улыбайся, — говорит Пиллар, — Время представления.

Он везет меня по коридору мимо всех охранников, которые уже были предупреждены о нарушении. Охранник направляет на нас пистолет, но Пиллар хлещет его шлангом, кровь брызгает на стену. Дело становится грязным.

— Вы не должны причинять ему боль, — протестую я.

— Положи, пожалуйста, свою мораль в задний карман, достанешь её потом позже, — он пыхтит дымом из своего кальяна, затем большими порциями выдыхает его обратно в коридор. Дым распространяется по всему коридору.

— У меня еще осталась работенка, — добавляет Пиллар, выдыхая дым.

Сначала люди начинают кашлять, некоторые уже потеряли сознание от его убийственного веселящего дыма. Позднее, после убийства Пилларом нескольких охранников, оставшиеся в сознании люди начинают истерично смеяться. Вместо того, чтобы нападать на нас, они не могут остановить смех

— Это что, веселящий газ? — говорю я.

Пиллар не отвечает мне, он дает пять счастливому охраннику, прежде чем повалить его на землю.

— Почему дым на меня не действует? — спрашиваю я, чувствую себя словно избалованное дитя, попавшее в сумасшедшую комнату смеха.

— Зефир, которым я накормил тебя, куколка, — Пиллар пинком открывает дверь Маргарет, и заводит меня внутрь, — Это противоядие.

Не уверена как я отношусь к тому что меня катает убийца. Неужели я делаю это ради спасения девочки или я просто сумасшедшая, ищущая оправдания. Пиллар никого не убивает своим необычным оружием. Он причиняет боль и устраняет их на нашем пути к Маргарет. Теперь я действительно верю словам Чешира о том, что Война Страны Чудес намного значительнее, чем кто-либо думает. Я даже не знаю из-за чего эта война. Все мои мысли

опять перепутались.

Пиллар не перестает курить и бить охранников своим шангом. К этому времени, я уже сама подкатываюсь к нему.

— Мы можем не ранить всех встречающихся на пути? — умоляю я, задыхаясь. Я настолько вжилась в роль, что забыла о своей способности ходить.

— Настоящая Алиса такого бы не сказала, — говорит безжалостный Пиллар, набирая код на панели рядом с двойной позолоченной дверью, — Ты думаешь, что это невинные люди?

Дверь отворяется, и он вкатывает меня внутрь.

Офис Маргарет Кент, Вестминстерский Дворец.

Пиллар — Киллер закрывает за нами дверь и блокирует ее, нажимая кнопки на цифровой панели. Он оборачивается и впивается взглядом в женщину, сидящую за шикарным столом. Она стискивает ручки кресла. Позади нее, в окне, открывается великолепный вид на Темзу. Как только она узнает Пиллара, ее лоб покрывается испариной, как у меня, после шоковой терапии.

— Давно не виделись, Герцогиня, — Пиллар разводит руками. Внезапно откуда-то раздается неприятный запах. Это его подмышки. Он нюхает их и, глядя на меня, слегка краснеет. — Полагаю, я слишком сильно вжился в роль.

— Слушай, Картер, — с вызовом говорит Герцогиня. Мне она не нравится, но она не похожа на слабую женщину. Если только Картер не застанет ее врасплох. — Я дам тебе все, что ты пожелаешь.

— Разве я сказал, что тебе можно говорить? — Пиллар подбегает к ней и хватается за шею. Опять же, для невысокого человека, его ловкость сверхъестественна. — Это уже не парламент Великобритании. Это Парламент одного человека, Пиллара. Добро пожаловать в мою нереальную демократию.

Он кормит ее зефиром, заставляя ее глотать, давая ей иммунитет к своему дыму на некоторое время. Затем он обматывает шланг вокруг ее шеи, едва не задушив ее, после ставит кальян на стол. Шланг неправдоподобно длинный. Он тянет его довольно далеко и садится на стул лицом к ней. Потом он замечает рядом кресло-качалку и пересаживается в нее. Все это время Герцогиня задыхается от шланга, извивающегося вокруг ее шеи.

— У нас всего три минуты, прежде чем охрана разблокирует код от твоей двери, — сообщает ей Пиллар. — Значит, сделка заключается вот в чем. Я задам тебе пару вопросов. Ты ответишь на них. И я уйду. — Герцогиня кивает, цепляясь за шланг кальяна, в случае если он затянет его туже. — Если ты солжешь мне, я задушю тебя насмерть, Маргарет. Вопрос простой. Где я смогу найти Чешира?

— Я..., — взгляд Герцогини говорит о нехватке воздуха. Пиллар слегка ослабляет шланг. — Я, правда, не знаю.

— Я не верю тем, кто говорит “правда”, “поверь мне” или “глубоко”. — Пиллар лишь сильнее затягивает шланг, сдавливая шею Герцогини.

— Поверь мне, я не знаю, — она протягивает руку. — Это Алиса? — показывает она на меня.

— Нет, — отвечает Пиллар. — Это чокнутая несовершеннолетняя девчонка с прыщами, комплексами и прочими подростковыми проблемами. Я сбежал вместе с ней. Теперь, ответь на мой вопрос. Когда в последний раз ты видела Чешира?

— Ты знаешь, что это абсурдный вопрос, — говорит она, поглядывая на меня. Пиллар тянет за шланг, привлекая ее внимание к себе. Есть нечто такое, что они оба не хотят, чтобы я знала о Чешире. Интересно, что же это. — Чешир — мастер маскировки.

— Никакой он не мастер, — я ощущаю зависть в голосе Пиллара.

— Он повсюду ходил в этой маске ухмыляющегося кота, Бога ради. — Герцогиня хрипела в борьбе со шлангом, — Я даже никогда не видела его лицо с тех пор, как

превратился из кота в человека.

— Но ты ведь узнаешь его, если увидишь? — спрашивает Пиллар. — Не поведаете мне, почему он убивает всех тех девочек? Что на него нашло?

— Хотела бы я сама знать. Поверь мне, это правда. Все, что я знаю: он снова появился два года назад и приблизился ко мне. Я впервые увидела его с тех пор, как Льюис заточил монстров в Стране Чудес. Так что я подумала, что из него выйдет неплохой убийца. Я отправляла ему задания по электронной почте, расплачиваясь денежными переводами. Вот и все.

— Видишь? — Пиллар оборачивается ко мне. — Люди из правительства спонсируют убийц из Страны Чудес. Даже Льюис Кэрролл не смог бы до такого додуматься. — Он еще сильнее затягивает шланг, снова глядя на Герцогиню.

Я молчу. Мир снаружи — сплошной беспорядок. Я напоминаю себе, что должна оставить все сомнения, как сказал Пиллар. Это забавно, что я должна делать это в нормальном мире. Герцогиня только что сказала, что Льюис Кэрролл запер Монстров Страны Чудес?

Пиллар затягивает потуже. Лицо Герцогини приобретает голубой оттенок.

— Подожди, — она поднимает руку, — Я вспомнила одну вещь. Я думала, что это банально, но сейчас это кажется существенным, — говорит Герцогиня.

— Я слушаю.

— Три месяца назад, Чешир прислал мне электронное письмо с просьбой выслать несколько винтажных фотографий Льюиса Кэрролла, — говорит она. Я напоминаю себе, что Льюис был еще и фотографом. — А именно фотографии девочек.

— Более чем на пятидесяти процентах фотографий запечатлены девочки, — говорит Пиллар. Я этого не знала.

— Молодые девочки, если быть точным.

Теперь это звучит для меня немного странно.

— Я знаю, но у Чериша был список имен. Семь девочек, — говорит Герцогиня, Ты знаешь, что работы Льюиса никогда не были собраны должным образом в один том, поэтому Чешир попросил меня использовать мои связи, чтобы достать ему фотографии.

— И вы не думали, что это может иметь какое-то отношение к серии убийств? — я чувствую необходимость вмешаться.

— Нормальные люди, куколка, — Пиллар слегка наклоняет ко мне голову, — Они любят закрывать глаза на доказательства. Это распространенный симптом. — он поворачивает голову назад к Герцогине, — Что случилось после того, как ты отдала ему фотографии?

— Он исчез. А неделю спустя начались убийства, — говорит Герцогиня, — единственная причина, почему я не обратила никакого внимания — имена мертвых девочек не совпадали с именами девочек на фотографиях.

— Ну, конечно же, они не будут совпадать, — говорю я. — Девочки, что фотографировал Льюис, жили сто пятьдесят лет тому назад. Они уже мертвы.

— Тем не менее, здесь должна быть связь, — размышляет Пиллар. — Скольких девочек он похитил?

— Шестеро убиты. Констанция седьмая, — говорю я. Бедная Констанция. Я сижу здесь с этими чокнутыми — Чудесниками, не в силах помочь ей.

— Это означает, что если мы не спасем Констанцию, мы, быть может, никогда больше

не найдем его. Полагаю, она — последняя в списке, — говорит Пиллар, затем просит у Герцогини список с именами. Она пишет его, неуклюже наклоняя шею, затем просит его оставить ее в живых. — Этого не достаточно, Герцогиня. Все так мутно, — говорит Пиллар. — Расскажи что-нибудь существенней. След, по которому я смогу пойти, как только покину офис.

— Есть у меня такая зацепка, — отвечает она, ее взгляд выдает не охоту говорить. — Я знаю кое-кого, что знает о корнях Чешира. Но сомневаюсь, что она захочет с вами говорить.

Пиллар морщится. Полагаю, раньше у него никогда не было проблем с тем, чтобы заставить людей говорить.

— Кто это? И что значит ОНА?

— Она — Белая Королева.

— Кто такая Белая Королева? — спрашиваю Пиллара, но он игнорирует меня. Я чувствую, что ему неудобно говорить о ней. Есть что-то непонятное в его взгляде. Все, что я могу разобрать он очень уважает ее.

— Белая Королева. Шахматная Королева. Та, что в Зазеркалье. — отвечает вместо него Герцогиня. Кажется, она сердится на меня.

— С какой стати Белой Королеве знать о прошлом Чешира? — спрашивает Пиллар.

— Как-то раз, еще в стране Чудес, он ей кое-в-чем признался. Ты ведь знаешь, какой очаровательной она может казаться, когда все от тебя отвернулись. — Герцогиня тоже, определенно, ненавидит Белую Королеву.

Я наблюдаю, как Пиллар слишком долго раздумывает о Белой Королеве. Словно вспоминает нечто. Воспоминание настолько приятное, что он ослабляет хватку на шланге. Кто такая Белая Королева? Мне не терпится узнать о ней.

Цифровая панель на стене начинает жужжать, таймер почти на нуле.

— У нас нет времени, — говорит Пиллар. — Охранники у нас на хвосте, а я сегодня не в настроении проливать кровь нормальных людей, — он приближается к Герцогине. — Я отпущу тебя. Но если узнаю, что ты солгала мне, я сделаю все, чтоб ты стала такой же уродиной, какой была в Стране Чудес.

— Я говорю тебе правду. Поверь мне, — умоляет она. Интересно, что же такого сделала с собой Герцогиня, чтобы стать красивой, раз уж она была такой безобразной в Стране Чудес.

— И еще одно, пока я не ушел, — говорит Пиллар. — У меня есть брат. Имен не нужно. Лишь присмотри за ним. Он был в Афганистане. Потерял руку. Вернулся и потерял жену, детей, собаку, дом и даже работу. Спасибо, таким как ты, теперь он наркозависим.

— Мне правда жаль, — врет Герцогиня, положа руку на сердце.

— Я же сказал тебе не использовать слово “правда”, — он хватает ее за шею, — Я хочу, чтобы ты помогла ему.

— Хорошо, хорошо. Это выполнимо, — говорит она. — Мы возьмем его на работу, с хорошей зарплатой, страховкой и у него будет телевизор с большим экраном. Мы даже можем найти ему молоденькую русскую жену, если пожелаешь. Все что угодно.

Интересно, сколько еще жизней испортила Герцогиня. Кем она себя возомнила?

— Я подумываю о кое-чем более элегантном. Он ведь мой единственный брат и я люблю его. — Пиллар потирает подбородок. Когда слово “люблю” срывается с его губ, меня коробит. — Я хочу, чтобы он стал теннисистом. Самым великим теннисистом в мире. Пусть выиграет Уимблдон на будущий год, уж постарайся.

— Я не Господь Бог. Этого я сделать не смогу, — протестует она. — Ради всего святого, он ведь руку потерял.

— Настало время, чтобы однорукий выиграл хоть что-нибудь, — говорит Пиллар. — Ты — Правительство. Ты, обещаешь людям невозможное.

Мы сбегает из офиса Герцогини через потайную дверцу, которая ведет в подземные тоннели. Похоже, Парламент подготовился к апокалипсису заранее. Герцогиня позволила Пиллару ударить ее по лицу, чтобы она смогла притвориться будто бы мы напали на нее прежде, чем она смогла бы нас рассмотреть.

Лимузин Пиллара, который водит коротышка, похожий на крысу, подбирает нас за углом. Пиллар засовывает меня внутрь и просит не задавать вопросов, пока мы не уедем из Лондона. Я устала, и, откинув голову, немного отдыхаю.

Два часа спустя, мы доезжаем до Оксфорда. Шофер сообщает Пиллару, что за нами следят.

— Кто за нами следит? — я оборачиваюсь, чтобы взглянуть.

— Красные, — отвечает шофер.

— Кто такие Красные? — настаиваю я на ответе.

— Не время для вопросов, — говорит Пиллар. — Останови машину! — Опять он не называет имени шофера.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Лимузин останавливается и Пиллар выталкивает меня наружу, мы все еще одеты, словно парочка ополоумевших бродяжек.

— Поспешите, Алиса. У нас, правда, сейчас нет времени на Красных. — Пиллар ведет меня к ближайшей автобусной остановке и мы прыгаем в первый же попавшийся автобус, что подъезжает к нам.

— Я лишь хочу знать, кто такие Красные, — говорю я ему, когда мы протискиваемся через толпу.

— Прошу, хватит спрашивать. — Пиллар хватается за поручень, как только автобус отъезжает.

— Ответьте, или же я расскажу всем, что Вы — серийный убийца, который только что сбежал из психушки, — вспыхиваю я в ответ, невзирая на то, что вокруг нас много людей. — Это безумие. Поверить не могу, что я до сих пор с Вами.

— Это любовь, дорогая, — вставляет сидящая рядом женщина, проверяя прическу, смотрясь в зеркальце.

— Думаю, все дело в моем обаянии, — флиртует с ней Пиллар.

— Заткнитесь! — я закрываю уши, дабы не слышать всей этой чепухи.

— Этот старикан пристаёт к тебе? — интересуется у меня парень с выпавшим передним зубом. Ну, конечно, в этом безумном наряде, я должно быть, для него настоящая Прекрасная Принцесса.

— Да, я домогаюсь до нее, — решительно отвечает ему Пиллар. — Зубами, ты, видно, не дорожишь, все же, если не хочешь потерять еще один, я бы предложил тебе выпрыгнуть из окна и умереть.

Парень исчезает в мгновение ока. Не думаю, что он понял, что говорил с самим Пилларом — Киллером.

— Только не забудь умереть, ладно? — напоминает ему Пиллар, затем поворачивается ко мне. — Теперь, можем ли мы побыть благоразумными хоть на

мгновение?

— Благоразумными? — хочется вырвать клоки волос из головы. — О каком благоразумии может вообще идти речь? С тех пор как я повстречала Вас, повсюду одно безумие!

— Я же говорила тебе, это любовь, дорогая, — сидящая женщина красит губы, даже не глядя на нас.

— Мы познакомились в психиатрической лечебнице, — Пиллар подмигивает даме и указывает на меня. — Разве это не романтично? — Женщине становится неудобно от услышанного и она пересаживается от нас. — Если мне не изменяет память, этим утром ты беспокоилась о спасении девочки, — продолжает Пиллар.

— До сих пор меня заботит лишь это, — соглашаюсь я.

— Так что забудь про Красных и давай двигаться дальше, — отвечает Пиллар. — Теперь мы знаем, что к Чеширу нас может привести Белая Королева. Нам следует выдвигаться. По пути, мы сможем посмотреть имена девушек, о которых справлялся Чешир и, надеюсь, найдем какую-то связь.

— Вы правы, — я повисла на поручне и сделала медленный вдох. Могу разобраться с чепухой позже, после того, как спасу Констанцию во второй раз. — Так где же Белая Королева? Кто она в том мире, призрак в белом одеянии?

— Поверь мне, ты никогда не догадаешься, кто она такая.

— Еще один монстр Страны Чудес, полагаю.

— Вовсе нет, — улыбается Пиллар, будто бы припоминая любимую. — Она довольно милая женщина. Давай не будем терять время, нужно добраться до лечебницы и переодеться, перед встречей с ней. — Он оборачивается и говорит с водителем. На этот раз им оказался не его шофер. Просто обычный парень. — Любезнейший водитель автобуса, не могли бы Вы высадить нас у Психиатрической Лечебницы Редклифф?

— Её нет в моем маршруте, — выпаливает водитель.

— Я уверен, что Вы сделаете исключение для двух безумных беглецов вроде нас, — самодовольное выражение на лице Пиллара просто бесценно. Теперь люди начинают отодвигаться от нас, умоляя водителя довести нас до лечебницы.

— Большое спасибо, — говорит Пиллар и поворачивается ко мне. — Теперь мы успеем на самолет.

— Мы летим? Куда?

— В Ватикан, конечно же.

Эмирейтс Эйрлайнс. Где — то над Италией.

Еще не прошло и часа, а мы уже летим на самолете в Ватикан. Я даже не знаю что происходит. События развиваются так быстро. Кажется, Алиса попала в несуществующую, но настоящую Страну Чудес. Все на что я надеюсь — это, в конце концов, спасти Констанцию. По крайней мере, это единственная разумная вещь за последние несколько дней, которая, я надеюсь, все-же произойдет. случилась по прошествии этих двух дней. Я напоминаю себе, о единственной причине из-за которой я до сих пор следую за Пилларом вспоминая как Констанция обнимает меня за плечи и просит пообещать ей, что я никогда ее не предаю. Жива ли она?

Пиллар с нетерпением дожидается рассвета и надеется, что мы сможем застать его во время полета. У нас в запасе несколько часов, прежде чем я должна вернуться в психушку, пока наш Доктор Тракл будет лебезить перед кем-нибудь. До того, как я должна быть в психушке, согласно нашему невероятному соглашению с Доктором Траклом.

— Поверить не могу, что Вы заставили Доктора Тракла забронировать нам билеты на самолет, — говорю я, бросая взгляд на мир с высоты птичьего полета в иллюминатор позади Пиллара. Он настоял на том, чтобы сидеть у окна. Временами, он ведет себя как четырехлетний.

— Поверить не могу, что он не купил нам билеты в Первый Класс, — жалуется Пиллар. — Кроме того, у меня всегда были проблемы с Эмирейт Эйрлайнс. Не люблю их слоган: Когда с последний раз вы делали что-то впервые?

— Почему? Думаю, это отличный слоган.

— «Когда в последний раз ты делала что-нибудь безумное». Вот это слоган, так слоган, Алиса.

Я пропустила мимо ушей его комментарий и начала бродить по просторам интернета на своем телефоне в поисках девичьих имен.

— Кое-кто быстро учится. Еще вчера тебе было неудобно печатать на сенсорном экране, — замечает Пиллар, поворачивая голову и надевая очки. — Что ищешь? Сплетни о знаменитостях, девчачьи игры или музыкальные клипы?

Я пропустила мимо ушей его глупости.

— Вообще-то, я изучаю имена девушек, убитых Чеширом, — отвечаю я, вращая мышкой прокручивая страничку.

— Почему именно убитых, а не имена из списка?

— Те что в списке, всего лишь маленькие девочки, фото которых сделал Льюис Кэрролл, — отвечаю я. — Это черно-белые фотографии, иногда встречаются сепии. Некоторые даже немного жутковатые. Не знаю, что делать с фото девочек, которые умерли давным-давно. Поэтому мне нужно было с чего-то начать. Имена жертв Чешира кажутся мне более подходящими.

— И что же Вы нашли, Инспектор Алиса Уандер? — он опускает очки и заглядывает в мой телефон. Это один из тех редких моментов, когда он выглядит, словно профессор из колледжа.

— Я исследовала имена шестерых девушек, которых он убил, — объясняю я. — Двое из

них были из одного и того же города, двое других из другого. А вот последние две были из разных городов.

Пиллар выглядит озадаченным.

— Четверо девушек родом из городов что неподалеку от Уоррингтона, графства Чешир, где родился Льюис Кэрролл, — уточняю я.

Пиллар приподнимает бровь.

— Интересно. Есть что-нибудь общее у девушек?

— Не в физическом плане. Ни возраст, ни род занятий. Некоторые из них были блондинками, другие же брюнетками. Некоторым семь, другим по четырнадцать.

— Но? — он зажимает ладонями уши.

— Города, откуда они родом, имеют нечто общее, — я горжусь своим исследованием.

— Города? Все любопытней и любопытней. — Пиллар обращает все свое внимание на меня.

— Каждый город, откуда девушки были родом в каком-то смысле служили вдохновением для Льюиса Кэрролла, когда тот написал о Чеширском Коте. Каждый из городов, откуда наши девушки были родом, в разные моменты считали местом, которое вдохновило Льюиса Кэрролла написать о Чеширском Коте.

— Ты это в Википедии нашла, да? — Пиллар закрывает глаза и вздыхает.

— Что с ней не так?

— Википедия для меня тоже самое, что и Страна Чудес для нормальных людей. — Он открывает глаза и трет их. — Ее не существует. Большинство информации в ней Чепуха. — Понимаю что слово “Чепуха” имеет совершенно противоположное значение в отличие от “Чудный”. — В любом случае, продолжай. И что же по твоему это значит?

— Поначалу, я понятия не имела. Я просто думала, что в их близости есть нечто странное, но потом я выяснила что именно, — говорю я. — В каждом городке есть каменная резьба ухмыляющегося кота на церкви.

— Ухмыляющиеся Коты? Церкви? Никогда бы не подумал, что такое можно скомпоновать, — теперь Пиллар кажется более заинтересованным. — Как называются все эти города и церквушки?

— Церковь Святого Уилфрида в Граппенхолл, деревенька, которая примыкает к месту рождения Льюиса Кэрролла в Дарсбери, Уоррингтоне, графство Чешир, — я вожу пальцем по экрану телефона. — Церковь Святого Николая в Карнелай. Это городок неподалеку от Гилфорда, где жили сестры Кэрролла. А еще там он умер. Безымянная церковь в деревне Кроф-он-Тис. И, наконец, Церковь Святого Христофора в Пот Шригли.

— В каждой из этих церквей есть статуя ухмыляющегося кота?

— В каждой, — киваю я. — И все как один утверждают, что послужили вдохновением для Льюиса Кэрролла на написание Чеширского Кота.

— Ничего себе, связь невероятна, вот только я не понимаю к чему она ведет, — отвечает он. — Но ведь все жертвы Чешира были найдены в Кембридже, Лондоне и Оксфорде.

— Туда переехали семьи этих девушек позднее. Но все эти пятеро родились в маленьких городках с церквями. Разве Вы не видите, что все эти места посетил Льюис Кэрролл или, по крайней мере, был как-то связан с ними?

— Дай подумать, — отвечает Пиллар. — Чешир убивает девочек, которые родились в городках, которые неким образом связаны с Льюисом Корролом. Но не только на этом

совпадения не заканчиваются — во всех этих местах есть статуи или изображения ухмыляющихся котов. Что бы это могло значить?

— Как я уже говорила, я не могу интерпретировать значение, но это не совпадение.

— А откуда Констанция?

Мои глаза широко распахиваются. Почему я упустила это из виду?

— погоди. Быть может, ты не найдешь нашла этого в интернете, — он заглядывает в свой телефон, ищет ищет секретную информацию на каком-то секретном форуме или чем-то таком. — Минутку, — он продолжает искать. — Ага, вот оно. Констанция Ричард, — Пиллар останавливается на середине предложения. — Из Лондона.

— Так значит связи с остальными девушками нет? — я расстроена. Еще один потерянный след.

— Не обязательно. Кто сказал, что в Лондоне нет статуи ухмыляющегося кота? Я просто не знаю об этом. Твоя теория очень даже возможна, — говорит Пиллар.

Над нашими сиденьями вспыхивает табло, предупреждая, чтобы мы пристегнули ремни безопасности. Мы прилетели.

— Сейчас приземлимся, — говорит Пиллар. — Мне нужно кое-что сделать. — Он поднимается и поворачивается лицом ко всем летящим на самолете. — Дамы и Господа, почетные гости Ватикана, могу ли я завладеть вашим вниманием?

— Сэр, прошу Вас, сядьте, — настаивает стюардесса, но он игнорирует ее.

— Я — Архиепископ Чудных Христиан Монте-Карло, — говорит он. Уверена, таких попросту не существует. — И мне бы хотелось, чтоб вы повторили за мной небольшую молитву, пока мы не приземлимся.

— Сэр! — как заведенная повторяет стюардесса. — Прошу, сядьте! Мы заходим на посадку.

— Ты думаешь, что мы сможем приземлиться без благословения Господня, юная дева? — обращается он к ней, и в мгновение ока завладевает вниманием пассажиров. — Думаешь ремни безопасности спасут нас от гнева Господня, если Он пожелает разбить этот самолет в щепки?

Стюардесса пожимает плечами, а толпа начинает повторять за Пилларом молитвы.

— Ладно, только быстро, — она опускает голову и уходит.

— Повторяйте за мной, пожалуйста, — он вздымает руки к потолку самолета и начинает: — А теперь благополучно приземли нас, — а пассажиры повторяют вслед за ним во весь голос. — Я молю Господа всем сердцем, — и это происходит на Ватиканских Авиалиниях. — Что если я умру еще до посадки, — поверить не могу, что у него столь слабо развито стихосложение. Почему все эти люди вообще повторяют за ним? — Прошу, не забирай меня в Страну Чудес!

— Аминь, — говорят все, а у меня возникает навязчивое желание выкопать Льюиса Кэрролла из могилы и спросить у него, кто же такой Пиллар на самом деле.

Ватикан

Когда мы приземлились, Пиллар остановил такси и зашебетал на итальянском. Говоря “зашебетал”, я имею ввиду именно его. Он словно перевоплощается в другого человека, когда разговаривает на этом звучном языке. Я слушаю его мольбы и смотрю, как он складывает ладони чашечкой, как это делают итальянцы. Водитель такси очарован Пилларом, хотя я не понимаю, о чём они говорят. Все, что я понимаю — Пиллар решил ненадолго стать Профессором Карло Поллотти.

Наконец, мы остановились на красивой площади с узкими улочками. Пиллар берёт меня за руку и показывает мне все вокруг. Он говорит, что мы идём к Святому Петру, одной из самых старых церквей в мире.

— Церковь Святого Петра в Ватикане, — он указывает на самую великолепную церковь перед нами.

— Мама мия! — говорю я. Я не дразню его. Это место и церковь на самом деле прекрасны.

Не могу поверить, что всё это время меня держали взаперти в психушке. Мир снаружи безумен, но всё же прекрасен. Если бы у меня не было задания, я целый день ходила бы по этому месту и фотографировала.

— Подождите минуту, Профессор Карло Поллотти, — говорю я. — Какое отношение все это имеет к Белой Королеве?

Пиллар не ответил. Он повёл меня на ближайший парад. И это не карнавал с танцами и полуголыми девушками. Это очень респектабельное празднование, Все люди выглядели спокойными и сдержанными. Все они смотрели в одном направлении, будто ожидая кого-то. Экипажи медленно проезжали с обеих сторон от наблюдателей. Похоже на парад в честь самОй Королевы Англии, о котором я только что видела брошюру в самолёте.

Пиллар снимает шляпу и прячет её в костюм. Он говорит, что для нахождения рядом с церковью нужно соответствовать определённом дресс-коду. Шляпы не разрешены.

— Так чего же мы ждём? — спрашиваю я.

— Мы ждём её, — отвечает Пиллар, гордо стуча тростью по земле. — Саму Белую Королеву!

— Я заметила, что Вы не курили с момента нашего возвращения из Лондона, — замечаю я, стоя окружённая празднующими людьми.

— Это правда, — кивает Пиллар, — Ты должна знать, что из всех врагов, которых я встретил в жизни, я уважаю только одного, — говорит Пиллар, кивая в приветствие людям, стоящим на противоположной стороне. — Белую Королеву. — Он кивает на красную повозку, запряжённую парой белых лошадей. Она заполнена монахинями и жрицами, торжественно приветствующими нас и людей вокруг.

Я чувствую, что должна склонить голову и помахать рукой в ответ. Они красивые. Пожилые. Мудрые. Их улыбки расслабляют. Будто в их сердцах нет ни зла, ни беспокойства. Интересно, почему таких как они не посылают психушку медсёстрами вместо Вальтруды и Оджера.

Но, как мне кажется, среди них нет Белой Королевы.

— Протокол Ватикана формально требует, чтобы женщины, католические принцессы и королевы, одевали длинные чёрные платья с воротником, длинными рукавами и мантильей, — шепчет мне на ухо Пиллар, приветствуя их вместе со мной.

— Мантильи? Вы имеете ввиду платки на их головах? — говорю я.

— Именно.

— Так эти девушки монахини или принцессы?

— Это монахини. Это поистине особенная церемония, — объяснил он. — Лишь нескольким избранным принцессам было разрешено одеть белое в ходе истории Ватикана.

— Правда?

— Это весьма трогательная привилегия, — объясняет Пиллар. — Лишь нескольким королевам, например, Бельгии, Италии и Люксембурга было предоставлено такое исключение. Ее называют привилегией белого, — говорит он. — Конечно, самая важная женщина из когда-либо привилегированных несомненно — она, — он кивает на еще один проезжающий экипаж. — Она — монахиня и одновременно Белая Королева Страны Чудес.

В экипаже одна женщина. Она одета во всё белое, её волосы белые и гладкие, лицо мерцает некой невидимой безмятежной властью. Она не пожилая, как остальные, возможно, ей под 40. Мужчины и женщины кивают ей, а она им. То, как люди смотрят на неё, напоминает, как смотрели на Мать Терезу несколько лет назад. Женщина завоевала моё сердце, как ни странно, я готова пойти на войну за неё. Мне кажется, что я встречала её в прошлом, стёртом с моих глаз.

— Её имя — Фабиола, — объявляет Пиллар. — Белая Королева. — Впервые, я вижу, как он склоняет голову, когда её экипаж проезжает мимо нас.

Собор Святого Петра, Ватикан

Мы следуем за Фабиолой по коридору Собора Святого Петра. Пиллар рассказывает мне что внутреннее убранство одна из наиболее знаменитых работ архитектуры Ренессанса. Когда я смотрю на все это с другой стороны, понимаю, что я — сумасшедшая счастливица, которой за пару дней удалось побывать в стариннейшем университете и церкви.

— Мне просто необходимо спросить вот что, Профессор, — шепчу я ему на ухо, пока мы стоим в очереди, чтобы поцеловать руку Фабиолы и получить ее благословение. — Я допускаю, что Страна Чудес реальна и что ее обитатели живут среди нас. Я даже признаю то, что подобные Чешире не злобные детские фантазии, а жестокие монстры. Меня озадачивает то, что они живут по всему миру. Разе это не должно было происходить в Оксфордском Университете, где Льюис и написал свою книгу?

— Когда Льюис Кэрролл обнаружил, что тьма поселилась в Стране Чудес, он приложил все усилия, чтобы освободить всех добрых существ и заточить в ней монстров, — отвечает Пиллар, приветливо помахивая ручкой туристам. У него своеобразный подход к старым дамам. Все они хихикают над ним, даже монахини. — После того, как Льюис заточил монстров в Стране Чудес, прочим обитателям пришлось выживать путем реинкарнаций и заклинаний, которые позволяли им скрыться за новыми личностями по всему миру. Для них лучше всего было разделить, чтоб не переходить дорогу друг другу. Никому не хотелось напоминаний о том, что произошло ТАМ. Но Чудесники сами по себе существа чудные, они могут преуспеть где бы не находились. Я не удивлюсь, если в конце концов Герцогиня будет править Англией, Белая Королева станет следующей Матерью Терезой, а Чешире предоставится уникальная возможность продать свою душу дьяволу. А ведь они всего лишь немногие из тех, кого нам еще не довелось повстречать. — Он кивает еще одной даме и тут подходит наша очередь аудиенции с Белой Королевой.

— В этом случае, предстоит великая война между добром и злом, если монстры Страны Чудес вырвутся, подобно Чешире, — вставляю я.

— Это называется Война Страны Чудес, Алиса, — говорит Пиллар уголком рта. — Поверь мне, ничего такого, чего ты вскоре своими глазами не увидишь. Разве ты не видела, как я кричал с Том Квод, предупреждая людей об апокалипсисе? Надеюсь, ты не подумала, что я шутил, как это делают обычные люди.

Пиллар встает и кланяется Фабиоле, затем приближается к ней. Я наблюдаю, как Пиллар встает на одно колено и целует Фабиоле руку. В прошлый раз я и не заметила, что волосы его короткие и колючие. Похоже они еще и выпадают. Он что-то шепчет Белой Королеве, стоя на коленях. Как и все женщины, она улыбается. Ее улыбка такая искренняя, клянусь, я ощущаю свет, озаряющий мое сердце. Но когда он вскидывает голову и она смотрит на него, ее лик тускнеет, будто бы она увидела призрак прошлого.

Фабиола объявляет церемонию закрытой и поднимается. Она высока и красива, по-настоящему красива. Не смотря на то, что я не могу разглядеть силуэт ее тела под одеждами белого платья, полагаю, она хрупкая, словно балерина. То, как она поднимается, доказывает, что она довольно спортивна. Интересно, что заставило стать ее монахиней, когда как она могла бы стать суперзвездой или моделью.

Она бросает на меня беглый взгляд через плечо. Я улыбаюсь ей, не в силах сделать что-то еще. Никого подобного ей я никогда встречала. Она тоже улыбается мне в ответ. Это искренняя улыбка, но после она издает долгий вдох. Что-то во мне навевает на нее тоску. Она снова поворачивается к Пиллару и что-то шепчет ему. Он согласно кивает. Затем она приподнимает подол платья и делает реверанс, словно принцесса, извиняясь перед монахинями, которые тут же склоняют головы в знак уважения.

Пиллар поспешно приближается ко мне и тянет меня за руку в другую комнату.

— Что происходит? Разве мы не встретимся с Белой Королевой? — удивляюсь я.

— Всенепременно. Она не хочет встречи на публике. Я ведь злодей, знаешь ли, — сочувственным голосом отвечает Пиллар. Никогда не слышала его таким. Каким образом Фабиоле удалось воздействовать на него? На меня?

Мы проходим через огромную арку, он кивает двоим монахиням, охраняющим дверь в покои. Они ведут в новый зал и двери за нами закрываются. Фабиола появляется на другом его конце и указывает на исповедальню.

— Это будет мой дебют в исповедальне, — произносит Пиллар. — Надеюсь мы там вдвоем поместимся.

Исповедальня, Собор Святого Петра, Ватикан.

— Простите, Святой отец, ибо я закурил, — раздаются первые слова Пиллара в будке. Потом он смущается от только что произнесенным им слов. Эта вредная привычка у него в крови. Ему неуютно в будке.

Мы ждем, пока Белая Королева откроет окошечко со своей стороны. Пиллар и я приникаем друг к другу.

— Скажи, зачем пришел, Пиллар, — ее первые слова после поднятия ширмы. Тон ее голоса гораздо серьезней, чем я себе представляла. — Говори коротко. Знай, что ты — отнюдь не желанный гость в храме Господа.

— Оскорбления в сторону, мне нужно спросить кое-что о Стране Чудес, — отвечает Пиллар.

— Страны Чудес не существует, — произносит Фабиола. Я очень удивлена ее ответом. Я поворачиваюсь к Пиллару и смотрю на него любопытным взглядом.

— Она любит шутить, — поясняет Пиллар.

— Я не шучу, — возражает Фабиола. — Я не разговариваю о Стране Чудес при незнакомцах.

— Алиса не незнакомка, — говорит Пиллар.

— Она — не Алиса. — Тон Белой Королевы не оставляет возможности пререкаться. Не смотря на то, что она мне нравится, меня удивляет её отрицание всего на свете. — Она не та за кого ты ее принимаешь.

— Я — Алиса Уандер, — говорю я, — И я, не особо хочу быть “Той Самой Алисой”. Я здесь для того, чтобы спасти девочку, которую зовут Констанция. Вы можете нам помочь?

Белая Королёва наблюдает за мной. Я вижу её глаза. Они светло-синие с белым, кристально чистые.

— Так это на самом деле ты, впервые спасла Констанцию в Оксфорде, — говорит она. Думаю, ее сердце немного оттаивает по отношению ко мне. — Я видела по телевизору.

— Мне помнится, ты говорила, будто телевидение — это око дьявола в нашем мире. — Пиллар выгибает бровь.

— Не говори, пока не будет дозволено, — говорит Белая Королева. В последний раз я слышала, как Пиллар говорит нечто подобное Герцогине. — Вернемся к тебе, Алиса Уандер. — Она определенно оттаяла ко мне. Спасение жизней много для нее значит. — Ты поступила мужественно, там, в Оксфорде.

— У нее бы ничего не вышло без меня..., — Белая Королева перебила Пиллара взглядом. Он надулся, вместо обыденного пожатия плечами. Он мог бы перерезать ей горло. Но опять же, не мог. Их отношения были безумными.

— Иди сюда, красавица, — говорит мне Белая Королева. — Позволь увидеть тебя за пределами исповедальни.

Я протиснулась мимо Пиллара, чтобы выйти и встретиться с ней. Снаружи, она берет меня за руку и ведет в уединенное место для молитвы. Все столь же живописное и святое, как и весь Собор Святого Павла.

— Нелегко найти смелых девушек в наши дни, — она до сих пор держит меня за руку,

прогуливаясь со мной по той части зала, что окружена статуями.

— Благодарю Вас, Белая Королева, — киваю я, чувствуя безопасность от ее прикосновения.

— Прошу, называй меня Фабиола, — она улыбается и останавливается перед необычной частью пола. Он сделан из черных и белых квадратов, его поверхность блестит на солнце, через скосы из инкрустированного стекла в куполе над нами. — Ответь мне, почему ты так хочешь спасти эту девочку? — говорит она. — Она связана с тобой?

— Не совсем, — отвечаю я.

— Тогда зачем же ты хочешь спасти того, кого не знаешь?

— В Церкви Христа, я поделила с Констанцией особый момент, — отвечаю я.

— Расскажи мне о нем. — Она приподнимает мой подбородок, чтобы заглянуть мне в глаза. — Самые важные события в жизни состоят из крошечных моментов.

— Когда она была в камине, она поначалу отказалась принимать мою помощь, — рассказываю я. — Она согласилась лишь тогда, когда узнала, что меня зовут Алиса. А когда я спасла ее, она так крепко меня обняла, как никто и никогда прежде. Для меня это было новое чувство.

— Какого рода чувство?

— Словно я всегда искала того, кто нуждается в моей помощи. Вот и все, что я помню из последней недели, проведенной мною в лечебнице.

— Лечебнице? — Белая Королева смотрит на Пиллара, словно он мой родитель.

— Я нашел ее в лечебнице. Как детский сад для сумасшедших, вот и все, — Пиллар ведет плечом. — Поверь мне, она — Алиса.

Белая Королева качает головой и снова поворачивается ко мне.

— Продолжай. Ты сказала, что всегда искала того, кому нужна помощь.

— Когда я встретила Констанцию, я ощутила, будто она помогла мне тем, что позволила спасти себя. — Слова текли свободно, не задумываясь. — Это трудно объяснить.

— И вовсе это не трудно, — говорит Фабиола. — Это и есть человеческое чувство. Все мы в этом мире для того чтобы помогать друг другу.

— А потом Констанция сказала кое-что, — продолжаю я.

— Продолжай. Я слушаю. Что сказала маленькая девочка?

— Она сказала, что Чешир сказал ей, будто Алиса из Страны Чудес теперь выросла и придет спасти ее. В комнате Констанции полно рисунков меня в образе Алисы в Стране Чудес, и Чешир сказал, что именно я приду спасти ее. Не смотря на все безумие происходящего, мне пришлось пообещать ей, что я не позволю Чеширу навредить ей.

— Обещание вещь серьезная, Алиса, — кивает Белая Королева.

— Но я не сдержала обещание, — говорю я. — А я хочу остаться верной своему слову.

— С этим я тебе помочь не могу, — говорит она. — Видишь ли, большинство людей, что приходят ко мне — сломлены. Они нуждаются в помощи. Они думают, я могу помочь им, хотя лишь они сами могут помочь себе. Я пытаюсь дать им это понять. В твоем случае, кажется, ты осознаешь это. Лишь ты сама можешь себе помочь и сдержать данное тобой обещание.

— Хотелось бы верить... — улыбаюсь я.

— Я помогу тебе. Не потому что ты связалась с этим отвратительным человеком, с которым ты ходишь по миру, а потому что я ощущаю великую силу любви, которая исходит

от тебя к миру. — У Белой Королевы невидимая магия на кончике языка. Каким-то образом, эти слова западают мне в душу. От них я ощущаю себя выше раза в два..., это снова напоминает мне о том, как выглядела Алиса в книге. — Но, боюсь, ты не Алиса. Ты — не та, кого мы ждали, — она качает головой. — Мне жаль. У тебя то же имя и доброе сердце, но ты не столь сильна, как настоящая Алиса.

— Подойди сюда, — говорит Белая Королева, когда мы закончили с проблемой Алисы. — Обними меня. — Я позволяю ей обнять себя. Я почувствовала то же, когда обнимала Констанцию. Мне становится теплее и легче, будто я вернулась домой. — Пиллар хочет, чтобы ты думала, будто ты и есть настоящая Алиса, — шепчет она мне на ухо, чтобы он не слышал. — У него свои планы на Страну Чудес. Используй его, но не доверяй. — Она мягко отстраняет меня, придерживая руками. — Но я помогу вам спасти девочку.

— Пол в виде шахматной доски, — Пиллар перебивает шёпот. Держу пари, ему любопытно узнать, что Фабиола сказала мне, — Я и не знал, что монахини играют в шахматы.

— Он не для шахмат, — отвечает Белая Королева, подмигивая мне, — Я покажу вам. Почему бы тебе не встать на него, Алиса?

Я сразу же соглашаюсь, но останавливаюсь, так и не сделав первого шага. Я помню, что мне нельзя становиться на чёрные клетки. Ноги спонтанно становятся на белые клетки, делая мою походку слегка неуклюжей. Но я заканчиваю обход, останавливаясь на противоположной стороне. Белая Королева легонько хлопает, едва соприкасаясь ладошками. Она смотрит на меня так, будто я — младенец, только что научившийся ходить.

— Добрые душой ходят только по белым, — объясняет она, и я понимаю, почему не могла ступить на чёрные квадраты в своей палате.

— Оу, — вздыхает Пиллар, делая шаг назад.

— Не хочешь попробовать, Пиллар? — Дразнит его Белая Королева.

— Сегодня не хочется играть в классики, — отвечает он, делая вид, что рассматривает художественный дизайн вокруг.

— Так как мы поймаем Чеширского кота? — Интересуюсь я.

— Прежде, чем ты поймаешь его, я должна рассказать о семи девочках на фото, — говорит Белая Королева. — Пиллар анонимно сбросил их мне на телефон час назад, — Пиллар никогда не теряет время зря.

— Есть идеи? — Спрашивает её Пиллар.

— В принципе, да, — отвечает Белая Королева. — Теория, присланная тобой, просто блестящая.

— Это моя теория, — встречаю я.

— Не придирайся, Алиса. Теперь мы команда, — он снова поворачивается к Фабиоле.

— Но теория неверна. Констанция не родилась в городе с церковью, рядом с которой стоит статуя улыбающейся кошки.

— Это правда, — соглашается Фабиола. — Но это не означает, что это-не достойное решение задачи.

— Я не согласна, — говорю я.

— Большинство девочек, о которых писал Льюис Кэрролл, влияют на события, произошедшие в Стране Чудес, — объясняет она. — Одну из девочек, о которой спрашивал Чеширский кот, зовут Алиса Вестмаскотт, — она достаёт телефон и показывает мне фото. Я уже видела его раньше. Эта Алиса-не я. Это другая девочка семи лет на подобной фотографии. — Имя Алиса было очень распространённым во времена Кэрrolла, —

продолжает она. — Это — определенно ключ к решению загадки семи девочек.

— Почему же? — спрашивает Пиллар.

— Полное имя Алисы Вестмаккотт-Алиса-Констанция-Ричард Вестмаскотт.

— Да? — Киваю я, чувствуя, как понимание медленно приходит ко мне.

— Алиса-Констанция, как имя из двух частей, — говорит Фабиола. — Некоторые люди любили назвать детей такими именами.

— Значит одни называли её Алисой, а другие — Констанцией, — кивает Пиллар.

— Поэтому Констанция сказала мне, что мама называет её Алисой? — Интересуюсь я. — Она намекала мне?

— Я не уверена, что она достаточно об этом знает, — говорит Фабиола.

— Это же уму непостижимо, — говорит Пиллар. — Настоящая Констанция не жила стс пятьдесят лет назад.

— Это так. Но, согласитесь, — говорит Фабиола. — Имя настоящей Констанции Констанция Альберт Вестмаккотт.

— Она потомок Вестмаскоттов. — Картина передо мной начинает складываться. — Но, всё же, она не родилась в городе с церковью, где есть Чеширский кот.

— Вот, где вы двое ошиблись, — говорит Фабиола. — Сэр Ричард Вестмаскотт был широко известным британским скульптором во времена Льюиса Кэрролла. Они хорошо знали друг друга. Он увековечен на голубой мемориальной доске на месте смерти в Лондоне.

— Скульптор? — Я стараюсь сложить картинку целиком.

— Вы же не хотите сказать, что он один из тех, кто вырезал этих ухмыляющихся кошек по всей Англии? — Пиллар понял раньше меня.

— Да, — отвечает Фабиола. — Я знаю наверняка, поскольку много раз говорила с Льюисом, когда его посещали мысли о закрытых дверях в Стране Чудес в прошлом. Он сказал, что каждый монстр Страны Чудес может быть освобождён только с помощью специального заклинания. Он работал с Ричардом для поимки Чеширского.

— Разрешите подытожить, — Я провожу рукой по голове, нарезая круги, пока размышляю. — Для того, чтобы словить Чеширского кота, Льюис Кэрролл попросил своего друга-скульптора Ричарда Вестмаскотта сделать статуи улыбающихся котов.

— В каждом городе, в котором есть статуя, родилась хотя бы одна убитая Чеширским девочка. Так?

— Пока да. — Кивает Фабиола.

— И Констанция входит в число семи девочек, так как является родственницей скульптора. — Я надеюсь, что действительно начинаю понимать. — Сейчас Чеширский убивает девочек, потому что они — потомки девочек с фотографии. Надеюсь, не только из за резных статуй в их городах.

— Так почему Чеширский кот их убивает? — спрашивает Пиллар.

— Я не знаю, — говорит Белая Королева. — Во всяком случае, они — ключ к его свободе, которой лишил его Льюис. Единственное, что я знаю — где вы можете найти Чешира в это время года.

— Почему ты не сказала этого с самого начала? — Пиллар закатывает глаза.

— В Бельгии, — говорит Фабиола. — В городе Ипр.

— С какой стати ему там находиться? — Интересуюсь я.

— Там проходит фестиваль Кэттенстоут. Самый таинственный праздник из всех ныне существующих, — отвечает Фабиола.

— Вы говорите о Фестивале Выбрасывания Кошек? — Пиллар потёр подбородок.

Фабиола кивает.

— Выбрасывания котов? — Я снова пытаюсь переварить полученную информацию.

— Долгая история, — вмешивается Пиллар. — Мы, наконец, узнали то, для чего приехали. А сейчас, мы лучше пойдём.

— Погодите, — говорит Белая Королева. — Я еще не сказала вам, почему он посещает этот фестиваль. Я не сказала, почему он недоволен людьми.

Вдруг снаружи послышались голоса. Я слышу, как что-то падает на пол, короткий вскрик монахини.

— Что происходит? — Спрашиваю я.

— Только не говори, что это... — Пиллар встречается взглядом с Фабиолой.

— Неужели вы привели их сюда? — Фабиола неожиданно приходит в ярость.

— Кто это? — Я всё ещё не понимаю.

— Красные. Кто же ещё? — Говорит Фабиола. — Вам нужно бежать.

Фабиола спешит к ближайшему камину и достает из него зонт — думаю у всех Чудесников пунктик на счет каминов. Зонт розовый. Он смотрится глупо и не подходит к величественно святости собора Святого Петра. Она бросает его мне.

— Тебе это понадобится, — говорит она, когда я ловлю его. — И когда я говорю, он понадобится тебе, я не шучу.

Меня так и тянет спросить, неужели на улице пойдет дождь, но ситуация слишком опасная для вопросов. В двери ломаются. Красные, которые убили монахинь хотят ворваться.

— А тебе, надеюсь, понадобится это? — она бросает Пиллару кальян.

— Спасибо, что позаботилась обо мне, Фабиола, — усмехается он, поймав его, в то время как в двери начинают долбиться сильнее.

— Что касается меня, то мне понадобится вот это, — она вынимает меч из того же самого камина.

Я несколько смущаюсь, увидев Белую Королеву с мечом в руке. С тех пор, как она услышала стук в дверь, она превратилась в монахиню-воина.

— Что это такое, Фабиола? — удивляюсь я.

— Это стрижающий меч^[18], - она гордо смотрит на меч. — Пора сразиться со злом лицом к лицу.

Я самая растерянная Алиса на свете.

— Святые Угодья! — Воскликает Пиллар, глядя на Фабиолу, как на супергероиню. Блеск в его глазах непредсказуем. Думаю, у Пиллара чувства к Белой Королеве. — Скукач по старым временам, — говорит он ей.

— Не выдумывай, Пиллар, — ее меч востер (прим. пер. Вострый Меч, снова ссылка на стихотворение о Бормоглоте). — Мы не будем сражаться на одной стороне. У нас лишь общий враг.

Втроем мы повернулись к двери. Я не смогла удержаться от мысли, что мы самая извращенная версия Трех Мушкетеров. Двери со стуком распахнулись. Наконец — то, я увижу Красных.

Десятки мужчин с отсутствующими выражениями лиц ворвались внутрь. Их капюшоны были в форме сердца, и у большинства на спине были вышиты золотые латинские цифры. Числа изменялись от одного до девяти. Они — Красные, моя новая извращенная версия игральных карт Льюиса Кэрролла. У некоторых были мечи, у других — копья. Никто из них не проронил ни слова. Они явились за тем, чтобы убить нас.

У меня в голове промелькнула мысль: а почему никто не сражается настоящим оружием? Над моим ухом пролетает копьё. Больше никаких вопросов.

— Заприте за ними двери! — приказывает Белая Королева монахиням снаружи. — Они окажутся в ловушке.

Пиллар ударяет шлангом от кальяна приближающегося к нему человека в плаще. Он похож на Индиану Джонса. Шланг обвивается вокруг шеи Красного и душит его. Красный падает на пол в виде пустого плаща; тело внутри исчезло.

— Выкуси! — восклицает Пиллар и бежит к следующему чужаку.

Фабиолу окружили сразу пятеро, сверкая стрижающим, она принимает позицию фехтовальщика. Одной рукой она подает им сигнал подойти поближе, после снова отбрасывает подол своего белого платья. Я не могу поверить глазам. Как только один из них приближается, она бросается на него, ударяя и обезглавливая его стрижающим мечом.

— Ватикан будет тобой гордиться! — восклицает Пиллар.

Фабиола быстра. Она взмывает в воздух, ее вуаль развивается позади нее словно волны белых волос. Ее платье вращается вместе с нею, она похожа на принцессу, танцующую под водой. Она дерется, словно заправский Самурай. Пустые красные плащи падают вокруг нее.

— Знаешь, в детстве у меня никогда не было монашки — супергероя. — Обращается ко мне Пиллар, душа Красного. — Но опять же, монашки и священники были от меня не в восторге.

— Заткнись, Пиллар, — говорит Фабиола, продолжая драться. — Сомневаюсь, что ты когда-либо был ребенком.

В мою сторону летит еще одно копьё и попадает в окно. Когда я выглядываю на улицу, там я вижу кучу людей: они молятся, держат свечи и читают псалмы. Они и понятия не имеют, что здесь происходит.

— Во имя Страны Чудес! — Пиллар душит до смерти еще одного Красного. Я ловлю его взгляд, пока он наслаждается убийством. Но внезапно его лицо меняется. Он швыряет свою жертву на пол и бежит к скамьям, его лицо снова непроницаемо. Я будто бы увидела смерть в его глазах.

Не знаю, что на него нашло, но я снова парализована страхом, когда он будто кролик прыгает по спинкам скамеек. Он приземляется передо мной, нагибает мою голову и ударяет шлангом Красного, который собирался убить меня.

— Если бы я оказался на твоём месте, я бы уже начал пользоваться привилегией Сертификата о Невменяемости и убил парочку Красных. — Он делает затяжку из кальяна, прежде чем ударить шлангом ее одного Красного. — Ты только взгляни на них, — он держит пустой красный плащ в руке. — Лучшее для них — это умереть. Как будто их и вовсе не существовало. Идеальное преступление.

— Хватит болтать и помоги мне! — раздается издали требовательный голос Фабиолы, ее меч все еще разит направо и налево.

— Она очень серьезно относится к своей работе, — Пиллар подмигивает мне и убегает.

Я опускаюсь на корочки и поднимаю красный плащ. Не знаю, что с ним делать, но, похоже, он может пригодиться. Один из Красных приближается ко мне, и я ударяю его зонтом промеж ног. Он кричит от боли и тянется своими полыми рукавами к больному месту. Он свистит и болезненно выдавливает из себя “Джаб — Джаб”.

— Дерни зонт на себя, чтобы добить его крюком, — говорит Пиллар, сейчас он уже стоит за трибуной. Я делаю, как он говорит, и Красный падает на пол, подобно остальным.

— Леди и джентльмены, — восклицает Пиллар, складывая руки на кафедру. — Я Пиллар — Киллер. Подойдите ко мне и ваши головы падут с плеч. — Он поправляет галстук, пока внимание большинство Красных устремляется к нему. — Всегда хотел сказать “голова с плеч” в церкви, — бормочет он и начинает драться.

Я продолжаю отбиваться от Красных своим зонтом. Этот зонтик чертовски крепкий, но я не уверена, что Фабиола дала его мне для этой цели. В мгновение ока, она оказывается за моей спиной и тянет меня прочь. Она убивает Красных на своем пути, чтобы спрятать меня в исповедальне.

— Побудь здесь, пока все не закончится, — говорит она.

Я придерживаю дверь, прежде чем она успеет закрыть ее.

— Будьте осторожны, Белая Королева, — я сжимаю ее свободную руку. — Я..., то есть: Вы нужны нам.

Она широко улыбается, словно никто никогда не ценил того, что она делает.

— Я должна расправиться с ними как можно скорее, — говорит она. — Мне нужно появиться на молитве через несколько минут. — Она закрывает за собой дверь.

В темноте будки, слева от меня распаивается окошечко. Появляется пара любопытных глаз. Они не принадлежат Красным, поскольку у этих глаз имеется лицо.

— Эй, Святой Отец, Вы здесь? — говорит парень. Я узнаю голос. Это раздражающий и надменный Джек Даймондс.

— Я здесь, сын мой, — я делаю все возможное, чтобы звучать, как почтенный старец.

— Что у Вас с голосом, Святой Отец? Аа, должно быть, он стал тоньше от одного только взгляда на Лик Господень, — говорит Джек. Он чертовски серьезен. Об этой его стороне я и не подозревала. — Скажете, Святой Отец. Как он выглядит?

— Кто? — Я нахмурилась в полумраке, когда услышала звуки битвы, происходящей снаружи.

— Господь, Святой Отец. Готов поспорить, он клевый парень, а?

— Да как ты смеешь произносить имя Господа? — на имитацию такого голоса тратится весь кислород в легких.

— Ах да, извиняюсь, — Джек пытается разглядеть что-то сквозь темноту, — Видите ли, я пришел за Вашим мнением по кое-какому поводу. Я влюблен в девушку. Ее зовут Алиса. Алиса Уандер. Она невероятна, как зефир.

Я ничего не говорю, иначе рассмеюсь. Я не тронута его признанием. Я его даже не знаю, и, вообще, он странный. И еще, кажется, он игрок. У таких привлекательных парней, как он, должно быть полно подружек.

— Я с ума по ней схожу, — говорит он. — Я серьезно. Понятия не имею почему. Знаете, что я думаю, Святой Отец? Я думаю, она сумасшедшая. Самая, что ни на есть. У нее крышка поехала.

— Тогда зачем ты говоришь мне все это? — я кашляю, чтобы замаскировать голос.

— Ну, я думал, что вы можете замолвить за меня словечко. Сказать ей, что я прекрасный парень. Все, чего я хочу — встречаться с ней.

Копье пробивает дверь исповедальни насквозь и вонзается в стену рядом с моим ухом. Я визжу.

— Отец? С Вашим голосом что-то не так, я серьезно, — говорит Джек.

— Я не Святой Отец, назойливый ты сталкер! — кричу я на него.

— Алиса? Что ты делаешь здесь, в Ватикане?

— Я хотела бы задать тебе тот же самый вопрос, — я распахиваю дверь. Сражаться с Красными куда лучше, чем болтать о разной чепухе с Джеком Даймондсом.

— Надевай плащ, — говорит он мне, когда мы выходим.

— Иди уже, а? — я ударяю одного из Красных своим зонтом.

— Как хочешь, — отвечает он и надевает красный плащ. — Я собираюсь исчезнуть.

Спрятанное под капюшоном лицо исчезает и остается лишь пустота. Он начинает убивать Красных голыми руками. Джек дерется несколько странно. Он пинается и размахивает кулаками, словно боец Кунг Фу. Вообще-то, ужасно. Однако, это срабатывает.

Я подбираю ближайший Красный плащ и надеваю его. Какая гениальная идея. Когда я приближаюсь к ним, они думают, будто я одна из них, а я продолжаю бить их зонтом. Белая Королева и Пиллар воюют в другом конце церкви. Они не видят меня из-за угла, зато я слышу их голоса. Еще несколько Красных осталось в живых. Я даже не знаю, кто такие эти Красные.

Джек и я поворачиваемся спина к спине, сражаясь.

— Откуда ты узнал об этой самурайской Кунг Фу ерунде? — кричу я.

— Это не Кунг Фу, — говорит Джек. — Это Чепу Ху. Сокращение от Чепуха Фу. За основу взяты каратэ, джиу — джитсу, Кунг Фу и прочие боевые техники мира. Некоторые называют это Искусством Чепухи. — Он ударяет одного из Красных и кричит, — Айя.

— Чепухи?

— Льюис Кэрролл дрался так же, — объясняет он.

— Ты знал Льюиса Кэрролла?

— Это долгая история, — Джек оборачивается и смотрит на меня. — Ты такая ... пустая, — говорит он.

— Ты тоже, — смеюсь я. — Думаешь, поэтому Красные убежали? — Как только мы прекратили драться, все убежали, думая, что мы за них. Вероятно, они побежали к Фабиоле и Пиллару

— Думаешь, нам уже пора поцеловаться? — говорит он.

— Черт, нет. — Что не так с этим парнем?

— Я имею в виду, мы даже не видим лиц друг друга. Не страшно, можем попробовать на ощупь.

— Ты мне противен, — я отталкиваю его. — Почему ты продолжаешь преследовать меня?

— У сердца есть причины, которым разум не подвластен.

— Ой, прошу, — я всплескиваю руками. — Вырасти уже. И, пожалуйста, оставь меня в покое.

Пиллар и Фабиола бегут ко мне.

— Один остался, остальные мертвы, — Пиллар собирается придушить меня шлангом от кальяна.

— Подождите. Это я, — я снимаю плащ. — А он.... — Я собираюсь показать им Джека, но он уже исчез. Неужели я была с ним слишком груба.

— Это была блестящая идея, — говорит Пиллар, присаживаясь на скамейку и пытаюсь отдышаться. — Мы ведь могли убить тебя.

— Не слушай его, Алиса. — Хвалит меня Белая Королева. — Умный ход. Ты ведь все еще учишься. И я видела, как ты задала им жару. Ты смелая. Разве ты не видел, как она расправилась с несколькими Красными, Пиллар?

— А я подумал, они просто танцевали, — вздыхает он и встает. — Давай, Алиса, нам нужно успеть на самолет.

— Знаю, — я даже не успеваю перевести дух в этой безумной Войне Страны Чудес. — Мы должны отправиться в Бельгию, чтобы найти Чешира.

— Собственно говоря, нет, — осаждает меня Пиллар. — Мы возвращаемся в лечебницу. Уже поздно и если ты там не покажешься, Вальтруда и Оджер могут что-то заподозрить. Мне не хочется подставлять Томми. К утру ты должна вернуться к нему под крылышко. В этом он лично заверил всех сотрудников подземелий.

— Герой дня, придурок ночи, — бормочу я. — Надеюсь, увидимся еще, Фабиола.

— Уверена, что так и будет, — она целует меня в лоб. — Не смотря на то, что ты не Алиса, я ощущаю огромную любовь по отношению к тебе с самой нашей первой встречи. Теперь иди. Мне нужно присутствовать на молитве, и тысячам людей не пристало видеть меня с мечом.

— Берегите себя. — Я целую ее в щеку.

— Нельзя ли просто завершить этот полный любви и нежности момент и двигаться

дальше? — Пиллар тянет меня за руку.

— Передай Богу от меня “привет”, Фабиола. Скажи, что я раскаиваюсь за курение и исповедальне и за убийства в его церкви. Такое покаяние вообще существует?

— Стойте, — говорит Белая Королева. — Сперва, позвольте мне рассказать о прошлом Чешира.

Палата Алисы, Психиатрическая Лечебница Редклифф.

Часы спустя, после того как Фабиола рассказывает нам о Чешире, я снова сплю в своей палате. Мне снится сон о моем парне, Адаме. На нем снова толстовка с капюшоном, и я не вижу его лица. Мы одни в саду Крайст Чёрч.

— Я сошла с ума? — спрашиваю я Адама, не совсем уверенная зачем.

— Ну, зависит, — говорит Адам.

— От чего зависит?

— Насколько тебе важнее узнать: безумна ли ты или же кто ты такая, — отвечает он.

— Ты говоришь загадками, как и Пиллар, — говорю я ему.

— Я — не Пиллар, Алиса, — говорит он. — Я — Адам. Любовь всей твоей жизни.

— У меня впереди целая жизнь. Откуда тебе знать, что ты — любовь всей моей жизни?

— Я знаю, что ты никогда никого не полюбишь так, как любила меня.

— Тогда почему же ты просто не покажешь мне свое лицо? — спросила я. — Я должна увидеть лицо того, кого любила.

— Ты все еще любишь меня, Алиса, — говорит он. — А я до сих пор безумно влюблен в тебя. — На мгновение он замолкает. — Я не прячу от тебя свое лицо. Вот оно. Быть может, ты просто не видишь меня?

— Я?

— Не знаю, зачем ты это делаешь, но, похоже, ты еще не готова увидеть меня. — В его голосе слышится сочувствие. Опять же, мне нравится этот голос. Он напоминает мне колыбельную из детства, которую я не могу вспомнить..., в которой последнее предложение обретает ценный смысл. — Думаю, ты боишься вспомнить меня, ведь тогда тебе придется смириться с моим отсутствием. Моя смерть была для тебя очень тяжелой.

— Значит, если я вспомню тебя — с воспоминаниями нахлынет боль, а если забуду — наступит безумие. — Я взвешиваю варианты.

— Если забвение сделает тебя счастливой, я не возражаю, — говорит он. — Я вижу, у тебя есть чувства к тому парню, что ты встретила.

— Парню? Ты имеешь в виду Джека Даймондса? — смеюсь я. — Нет, он — придурок. Я его даже не знаю. Клянусь.

— Это в порядке вещей встречаться с другими людьми после моей смерти, Алиса, — говорит Адам. — Правда, все хорошо. Думаю, он очень сильно любит тебя.

— Что? Как ты можешь так говорить? Я же сказала тебе. Я даже не знаю его. Он правда, странный. Он даже не знает меня. Я люблю тебя, Адам.

— Ты даже не помнишь меня. — Из — под капюшона раздается его смех.

— Я не помню твоего лица, но помню тебя своим сердцем, — говорю я. — От этого чувства мне не скрыться.

— Тогда я всегда буду с тобой.

Я ничего не отвечаю. По щекам текут слезы.

— Ты будешь со мной завтра, когда я сражусь с Чеширом? — спрашиваю я его, чтобы убедиться, что он серьезен в своих намерениях. Быть может, души способны защищать своих возлюбленных даже после смерти.

— Буду, но есть кое-что, что тебе следует знать, — говорит он. — Сила Чешира сама по себе страшнее самой смерти.

— Ты знаешь, в чем она заключается?

— Не могу сказать. Тебе придется выяснить это самой. Его сила предвосхитит твои ожидания. Я имею в виду любые твои ожидания. Он примет самую страшную личину зла, какая только есть в этом мире.

— Ты пугаешь меня, Адам.

— Так и есть, но только потому, что я беспокоюсь за тебя. Если ты последуешь за Чеширом, ты должна узнать, какого рода опасность тебя подстерегает. Завтра Чешир проведет запрещенный ритуал. Ты должна будешь остановить его, или...

— Или?

— Наступит конец света.

— Какой еще ритуал, Адам? — У меня возникает чувство, что я вот-вот проснусь, но я пытаюсь изо всех сил не делать этого. Внезапно, растения в Оксфордском саду затопляет вода. Безумный потоп стремительно наводняет университет. Уровень воды очень высок. Неужели это тот самый конец света, о котором говорил Адам?

Когда я открываю глаза, я по — прежнему в своей палате и вся мокрая. Надо мной возвышается Вальтруда с ведром ледяной воды.

— Проснись, Алиса, — смеется она. — Время шокофой терапии.

Мухоморня, Психиатрическая Лечебница Рэдклифф.

Оджер потирает один электрод о другой, словно ребенок вилку об ложку. У меня мурашки по коже от искр, что он высекает. Я делаю глубокий вдох, прежде чем меня прошивает электричеством, напоминая мне, что такова моя новая жизнь. Герой днем, ночью — сумасшедшая.

Вальтруда смеется каждый раз, когда меня трясет и подкидывает. Она все еще курит сигарету, наблюдая за мной, словно за любимым сериалом по телевизору.

Пока сквозь меня проходят разряды тока, я вспоминаю о том, что Пиллар рассказывал мне на обратном пути. Он рассказывал мне о самом легком способе донести до кого-либо о своем безумии. Дело в том, как ты выглядишь, разговариваешь или ведешь себя. Наиболее распространенным призраком безумия является то, что сумасшедшие таковыми себя не считают. По бессмысленной логике Пиллара, все мы безумны. Единственный способ пережить безумие — признать его.

— Вы же знаете, что меня на самом деле не осматривает врач, когда я каждое утро ухожу, так ведь? — Говорю я Вальтруде, все еще обливаясь потом от одного только звука жужжания. — Вы же в курсе, что я спасаю жизни во внешнем мире, да?

Вальтруда чуть не давится от смеха.

— Ну, конечно же, моя милая Алиса, — Она продолжает смеяться вместе с Оджером. — Еще я знаю, что ты принцесса в реальном мире.

Оджер снова угощает меня током и все, на что я способна — это смеяться вместе с ними. Момент истерии. Мы все смеемся и сами не знаем над чем именно. Я смеюсь над тем, что они не поверят мне ни за что на свете. А быть может, я смеюсь потому, что я чокнутая на самом деле.

— Seriously, — я начинаю икать между приступами смеха. — Вы, должно быть, видели меня по телевизору. Мои фото вчера были повсюду. Я та самая девушка, которая съела головку сыра в Большом Холле Оксфордского Университета тем утром.

— Сыыыыыр? — Вальтруда бросает окурок на пол. Все ее тело вибрирует от смеха. — Зачем ты ешь сыр, Алиса? Ты крыса? — тут начинает смеяться Оджер. Иногда он напоминает мне Франкенштейна.

Мой смех внезапно прекращается, и я гляжу на них. Похоже, они, правда, меня не видели. Неужели они здесь, в подземельях, никогда не смотрят новости?

— Вы, серьезно, меня не видели? — У меня пересыхают губы, когда я произношу это. А голова все еще гудит.

— Думаю, довольно ей терапии на сегодня, — Вальтруда обращается к Оджеру. — Она не ф себе. — Она пытается прикрыть рукою рот, чтобы прекратить смеяться.

— Мой Бог, — произношу я. — Вы меня не видели.

— Конечно, не фидели, — отвечает Вальтруда. — Крайст Чёрч был закрыт фчера. Полиция нужно было собрать улики по делу Чешира. Фнутрь не пускать студенты и туристы.

Личный самолет Пиллара — На пути в Бельгию

Раннее утро. Мы на частном самолете Пиллара, устремились к городку Ипр в Бельгии. Я не удивилась, когда выяснилось, что его странный и безмолвный шофер наш борт — проводник. Но я была совершенно ошарашена, когда узнала, что он еще и пилот.

— Я и не знала, что у вас есть личный самолет, — говорю я, сидя рядом с ним в довольно комфортном кресле, как только ремни безопасности было разрешено отстегнуть. Похоже, выдался исключительно солнечный денек для этого времени года.

Пиллар сообщает, что полет займет около двадцати девяти минут.

— Ты ничего обо мне не знаешь, Алиса, — он серфит интернет в телефоне, собирая как можно больше информации о Кошачьем Фестивале. — Раз Том Тракл зажал авиабилеты, я предпочел воспользоваться своим самолетом. У меня здесь, по — крайней мере, кальянная комната.

— У авиакомпании Эмирейтс тоже была кальянная комната. Вот только Вас она не впечатлила, — прокомментировала я.

— Кальян Страны Чудес нечто совсем иное. Однажды, Льюис Кэрролл сам тебе об этом расскажет, — он склоняет голову набок, обидевшись моим сравнением.

— А можно узнать, у Вашего шофера есть имя?

— Я никогда не спрашивал. Я называю его Шофер. Разве он не напоминает тебе Рататую из мультфильма? — Неохотно отвечает он. — Он не разговорчив, если ты заметила. Он дорог мне. Работает бесплатно, в то время как я защищаю его от Чешира.

— Чешира? А что Чешир хочет сделать с Вашим необычным шофером?

— Мой шофер слегка напоминает мышь, если ты не заметила. Кот и мышь не самые лучшие друзья, — подмигивает Пиллар. — Хватит уже о нем. Ты рассказывала мне, будто Вальтруда и Оджер заявили, что Крайст Чёрч вчера был закрыт, так?

— Да.

— Тогда, что ты скажешь об этом? — он показывает мне заголовки новостей на экране своего телефона. Там описано все происшествие и фото, где я ем сыр в Большом Зале. — Ты весьма популярна на Ютубе, кстати. Черт, ты, оказывается, очень любишь сыр.

— Значит, Вальтруда играет со мной в игры, так?

— Послушай, Алиса, — Пиллар нетерпелив. — Если ты собираешься подвергать сомнению свое здравомыслие всякий раз, когда кто-нибудь будет говорить тебе, что ты сумасшедшая, жизнь твоя станет жалкой. Например, что все происходящее, включая это видео, может происходить лишь в твоём воображении. Поняла?

— Вы ухватили самую суть.

— Тогда как же на самом деле узнать, что правда, а что нет? — говорит он. — Мой знакомый по имени Эйнштейн однажды сказал: “Реальность — это иллюзия, хоть и весьма постоянная.”

— Эйнштейн был Вашим другом? — я нахмурила брови.

— Он был превосходным курильщиком кальяна. Он курил со скоростью света, условно говоря, конечно же, — Пиллар откидывается на спинку сиденья. — Как думаешь, много бы он изобрел, если бы не его безумная гениальность?

— Последний вопрос, — говорю я. — Почему ФБР, Интерпол или другие представители власти ничего не предпринимают по поводу убийств? То есть, мои фото по всему миру, а никто даже не допросил меня или даже не потрудился найти меня.

— Ты, правда, хочешь, чтобы я отвечал на этот вопрос? — Пиллар разглядывает потолок.

— Потому что я сумасшедшая?

— Такая вероятность допустима, но не в этом реальная причина.

— Тогда что же? — я ощущаю беспомощность. — Вы работаете на Интерпол?

— Я? Ну, конечно же, нет, — смеется Пиллар. — Интерконтиненталь, более вероятно. Вот только они уволили бы меня через пару дней, за то, что учил клиентов курить. Твоя проблема в том, что ты всегда задаешь неправильные вопросы, Алиса.

— Как так?

— Разумный человек захочет узнать, кто работает на Интерпол или ФБР, — отвечает он. — А безумный спросит на кого работают ФБР, Интерпол и Британский Парламент.

Я отворачиваюсь и беру журнал. Я даже не собираюсь выяснять, на кого работает ФБР. Давайте уже придерживаться исключительно тайны Чешира.

— Кстати, — говорит Пиллар. — Сегодня утром в церкви Сент Кристофер в Потт Шригли была украдена гравюра улыбающегося кота.

— Что? — я откладываю журнал. — Почему Вы мне не сказали?

— Ты всегда задаешь вопросы, Алиса. Я подумал и решил сперва разжечь твой интерес.

— Была украдена вся статуя целиком?

— Это была не статуя, а улыбающийся кот, выгравированный на стене, — отвечает Пиллар. — Оказалось, что гравюра оказалась съемной. Это была маска, замаскированная под гравюру на стене. Этот Ричард Уэстмаккот был гением.

— Так что же это означает?

— Это означает, что Чешир ее украл, — говорит Пиллар. — А значит, твоя теория верна. Каким-то образом, Чешир знал, что одна из гравюр с ухмыляющимися котами в церквях на самом деле маска. Но могу поспорить, что он не знал, какая именно. Зная особую любовь Кэрролла повсюду прятать секреты, держу пари, Чеширу пришлось попотеть, чтобы украсть нужную маску.

— Что Вы имеете в виду?

— Кэрролл был весьма дотошным. Я не удивлен, если кража неверной маски могла привести к разрушению всех прочих масок посредством магии Кэрролла.

— Значит, Чеширу теперь удалось заполучить силу, которую отнял Льюис Кэрролл? — Мне страшно даже думать об этом. Пиллар кивает. Кажется, его больше беспокоит новообретенная сила Чешира, чем судьба всего человечества.

— Кот выскочил из мешка. Белая Королева предупреждала, что ничего хорошего не произойдет, если он получит эту силу.

— Адам рассказывал мне-то же самое во сне, — бормочу я. — Он сказал, что наступит конец света.

— Адам, твой парень? — спрашивает Пиллар. Я замечаю, ему становится интересно, когда я упоминаю Адама.

— Прошлой ночью он приснился мне. Он упомянул то же самое, что сказала Белая Королева, — объяснила я. — Что новообретенная сила Чешира окажется страшнее самой смерти. Еще он сказал, что Чеширу нужна Констанция, для завершения ритуала.

— Вот оно что, — Пиллар щелкает пальцами. — Чеширу нужны оба: и маска, и Констанция, чтобы завершить ритуал и вернуть назад свою силу.

— Должно быть, уже слишком поздно.

— Нет, — отвечает Пиллар. — Подумай. Почему Адам показался в твоём сне за день Кошачьего фестиваля? Нечто в самом фестивале служит завершению ритуала. Маска, девочка и сумасшедшее мероприятие, на котором люди выбрасывают кошек из окон. Все связано. Мир вокруг безумен.

Гроте Маркт, Ипр, Бельгия

Чешир, надев одну из своих ухмыляющихся кошачьих масок, сидел со стаканом молока в руке. Он раскачивался взад и вперед под песню Гарри Чепмена — Кот в колыбели. Вид перед ним открывался воистину феерический. Он смотрел на знаменитую Гроте Маркт в Бельгийском городе Ипр. Солнце неожиданно появилось сегодня, сражаясь с упрямым снегом. Все готовились к Каттенстутскому фестивалю.

Он приподнял маску на мгновение и сделал последний долгий глоток из стакана. Это был особый сорт молока, специально привезенный из Графства Чешир. Теплое молоко заструилось по глотке, и он мурлыкнул. Затем снова натянул свою ухмыляющуюся маску. Опустив руку, он так сильно стиснул пальцы на стакане, пока тот не лопнул. Красный и белый цвета смешались на паркете, и он ощутил облегчение. Иногда мелочи, вроде битья посуды лучше способствуют высвобождению гнева, который он затаил на человечество. Он издал протяжное мурлыканье, сквозь отверстия в своей оранжевой маске.

Позади него, в этом заброшенном отеле Ренессанс, на полу лежала девочка. Она была совсем юной, около десяти лет. В отличие от всех прочих его жертв, он не вышил ей оскал вместо рта. Здесь она уже провела некоторое время. Но была пока жива. Она была особенной, и очень ему нужна.

Чешир бросил мимолетный взгляд в старинное зеркало рядом с собой. Оно было старое, всё в пауках и мертвых бабочках, которых поймали пауки. Но все же, он разглядел свое лицо в маске. Он подумал, что глупо выглядит в этой маске. Он скучал по своему лицу. По своему настоящему лицу. Больше всего ему не хватало Силы Чешира, той самой, что Льюис Кэрролл отнял у него. Настало время вернуть ее.

Ничего из вышеупомянутого не послужило причиной тому, что он разбил стакан с молоком. Молоко он обожал. Это была самая его любимая вещь на свете. А вот самым худшим на свете, он считал людей. Он не мог ни позабыть, ни простить все то, что они сделали с ним в его же родном городе, когда он был маленьким.

Завладевший телом старушки, Чешир высунулся из французского окна. Старуха была отличным прикрытием, на случай, если ему придется снять маску. Он смотрел вниз, на пребывающих туристов, готовящихся к празднованию. Все в этой фламандской части Бельгии говорили на языке, который он презирал более всего. Французский. Он был на вершине списка ненависти. Чешир ненавидел, как французы ели сырое мясо, даже не приготовив его, как каннибалы. Он ненавидел, как они с акцентом произносили его имя: Че — ше — РИ, что звучало зловеще, и похоже на французское “Шери”, что означало “любимая”. Чешир не хотел быть ничьим любимым. Ему даже не хотелось думать о том, что у него есть сердце. Он ненавидел французов и бельгийцев по большей части из-за воспоминания, которое они всколыхнули. Из-за этого жестокого воспоминания он и разбил стакан молока, окровавленная рука его мало беспокоила.

Воспоминание было об этом городе, Ипре. Это произошло много веков тому назад, когда начали убивать, выбрасывать и сжигать котов по всей Европе. Задолго до того, как он попал в Страну Чудес. Люди думали, что кошки умирают юными, но у них были бессмертные души. Тогда Страна Чудес была еще неизведанным местом. Это было задолго

до того, как Льюис Кэрролл и Чешир стали врагами на шахматной доске, называемой жизнью.

Чешир прикрыл глаза, сделал глубокий вдох и вспомнил самую первую кошачью резню, что развернулась на его глазах...

Ипр, Бельгия, 15 век

Он был ребенком. Счастливым, пушистым, мурлыкающим хвостатым котенком, как и все прочие. Он всего как неделю назад перестал кормиться от материнского молока.

Его отец был не в восторге от его лени и всячески убеждал его пойти и поохотиться в поисках еды. Чеширу не нравилось убивать животных, но нужно было что-то есть.

— Крысы, сын мой, — промурлыкала его мама. — Лучшая для нас еда.

— Но они ужасные маленькие существа, мамочка, — отвечал он. — То есть, мне так отвратительны их носы и усищи.

— Я тоже их презираю.

— Тогда почему не есть что-то менее противное? — Он всегда полагал, что это некий физиологический дефект его вида — есть то, что ненавистно. Что не так, к примеру, с бабочками?

Они выглядели восхитительно и ему нравилось, как они хрустели между зубами. Конечно, поймать их нелегко, но лишь поэтому он был без ума от гусениц. Они были медлительные и полны витаминов, с тех пор гусеницы были его излюбленным лакомством.

Они напоминали сырых бабочек, французы ведь любят нечто подобное ... он вспомнил, что француз едят сырых лягушек. Святые лапки и мурлыканье, почему именно лягушки?

Чеширу они полюбились еще котенком. То как они прыгают повсюду; тоже самое, что кенгуру для людей.

Но Чешир голодал, потому он начал охотиться.

Ипр тогда был сравнительно маленьким городком, известный экспортом одежды в Англию. По всему городу располагались огромные склады с одеждой, в которой та хранилась месяцами, прежде чем ее переправляли судном.

Крысам это нравилось и они были просто в восторге от хранилищ, поэтому люди собрали котов со всего города, чтоб те ловили и ели крыс.

Вообще, многие европейцы в 16 веке не любили котов. Котов ассоциировали с ведьмами и поговаривали, будто в них вселялись демоны и прочая нечисть. Но склады с одеждой стали исключением.

Когда Чешир впервые отправился туда, он увидел, как кот перекатывает лапами мертвую крысу и играет с ней. Он подумал, что это зло: убить кого-то, да еще и играть с его трупом.

Мертвого человека достаивали погребения или кремации; мертвую крысу следует незамедлительно съесть в этом же контексте.

— Я с ней не играю, — сказал тогда кот Чеширу. — Я проверяю ее на заболевания. Крысы воняют. Они все свое время проводят в канализациях, а поле лезут на человеческий сыр.

Чешир больше не собирался снова проходить через этот разговор. Почему бы просто не съесть их?

Понадобилась всего лишь неделя, чтобы он превратился в серийного убийцу крыс. На тот момент — это была его первая стадия серийных убийств. На вкус крысы были просто отвратительны, но они придавали ему сил и энергии бегать и играть целый день.

Горожане начали давать котам рыбы хребты в награду за убийство крыс, до тех пор, пока кошки ходили в хранилища, а не рыскали по городу, особенно на Гроде Маркт, где люди держали продукты.

Однажды, отец Чешира принес тело дяди, чтобы похоронить его. Горожане убили его, разможив кастрюлей голову за то, что тот проник на Гроде Маркт.

Тогда у Чешира наступило первое прозрение, по поводу того, как люди презирают его вид; сейчас — то люди дорожат кошками и разводят их, но тогда это был не тот случай.

Ходили слухи, что существует некий человек с дудкой и в пестрой одежде, который мог избавить от крыс любой город. Он исполнял дьявольскую мелодию своей флейтой и крысы следовали за ним. Если бы он объявился, коты могли остаться без еды и работы.

Отец Чешира одним из первых пошел на переговоры с человеком, которого все прозвали Крысоловом. Коты со всей Бельгии и Франции сбегались, чтобы встретиться с Крысоловом. Они умоляли его не появляться в Ипре, или в противном случае, они лишаться еды. В тот день Чешир был со своим отцом.

После долгих часов раздумий, Крысолов согласился не приезжать в Ипр. Он упомянул, что его отсутствие будет стоить ему немалых убытков, поскольку ловля крыс в те времена была делом весьма прибыльным. Так что он заключил с котами сделку, чтобы некоторые из них продали ему свои души. Он сказал им, будто демоны и злые духи, заблудились в потусторонних мирах и им нужно тело, которым они могли бы овладеть. Коты могли бы стать подходящим пристанищем, благодаря своей ловкости и хитрости. Крысолов пообещал, что самих котов это никак не изменит. А наоборот, даже сделает их сильнее. С большой неохотой, энное число котов согласились и больше их не видели. Не смотря на то, что Крысолов в тот день заметил Чешира, его отец категорически отверг эту идею, забрав сына обратно в город.

Месяцы спустя, серия преступлений и необъяснимых явлений прокатилась по всей Европе. По большей части это было связано с ведьмами. В Ипре все свято верили, что ведьмы творили свое зло через котов. Внезапно хранилища с одеждой закрыли, а котов начали отлавливать и выбрасывать из окон, чтобы убить их. Это переросло в новое хобби, которое поощрялось родителями и широко практиковалось среди детей.

Но коты оказались гибкими, словно игрушки йо-йо. Погибло незначительное количество, лишь самые неопытные. А после самого абсурдного человеческого происшествия, фламандцы, любители сырого мяса, собрались и решили избавить свой город от кошек, которых посчитали причиной всех своих несчастий. Вместо должного расследования, что люди сделали не так, вину понесли кошки.

В качестве наказания, был устроен парад и фестиваль. Горожане заманивали котов в хранилища с одеждой и ловили их. После запикивали в мешки и сбрасывали с самых высоких башен на землю. Кошачьи навыки приземления и баланса оказались совершенно бесполезны в крошечной тьме мешка. Для того чтобы свернуться клубочком и приземлиться без единой царапины требовалось пространство. А ведь еще и высота была невообразимая.

Чешир стиснул осколки разбитого стакана в руке. Воспоминание оказалось слишком кровавым. Тысячи пушистых существ, лес протянутых рук, парят в воздухе и за спиной нет спасительного парашюта. И пока горожане ликуют и хлопают в ладоши, упрямо веря, что они изгнали демонов и злых духов, которые по их мнению, вселились в кошек; все они улыбаются, глядя, как кошачья кровь обагрила улицы Ипра. Он продолжил вспоминать, припоминая тот самый день, когда его и его семью схватили и убили.

Однажды семью Чешира поймали: мать, отца, сестер, братьев и даже его самого. Их сунули в мешок, оставили умирать в темноте, в мыслях, когда же они разобьются о землю. Когда человек поднял мешок, чтобы сбросить с высоты, Чешир взмолился, как только мог. Он мяукал, мурлыкал и кричал. Он уцепился когтями, думая, что люди сжалятся над ним. Но пощады не было. Чешир так сильно закричал, чтобы Боги наделили его даром чревоуращения хоть на мгновение.

— Помогите нам! — взмолился Чешир, его глаза широко распахнулись, от свершившегося чуда.

— Ты это слышал? — один из людей спросил другого, который как раз держал мешок. — Кажется кот только что умолял о помощи.

— Правда? — удивился тот, который держал мешок и тут у семьи Чешира зародилась надежда.

— Это я, Чешир, — закричал он тонким голосом. — Прошу. Не делайте этого.

— Он и вправду говорит, — сказал человек. — Проклятые кошки одержимы дьяволом. Выбросить его!

А после, мешок Чешира воспарил в воздухе. Его семья вокруг него запаниковала, смерть была написана на их лицах, Чешир ощутил невообразимую потребность отомстить. Потребность убивать все человеческое. Его маленькие коготки заострились и он начал раздирать мешок изнутри. За мгновение до того, как его семья умерла, разбившись о землю, Чешир увидел сквозь дыру, что он сам сотворил, обжигающий свет солнца. Он проскользнул через нее, как присуще всем котам и прыгнул, приземляясь на лапы, используя вестибулярный аппарат, чтобы контролировать свои движения и не погибнуть.

В тот день, он не двигался с места, пока кошки продолжали падать с небес. Каждый раз их кровь брызгала ему на мордочку, и его улыбка становилась все шире. Каждый погибший кот был толчком к апокалипсису, который он собирался устроить в человеческом мире позднее. Чтобы осуществить задуманное, ему придется собрать целую армию монстров. Много лет спустя он узнал, что сможет найти их великое множество в Стране Чудес.

Прямо сейчас Чешир прошел своими человеческими ногами по осколкам стекла. Он опустился на колени рядом с похищенной девочкой, размышляя как она будет выглядеть с вышитой на лице ухмылкой. Но пока он не мог сделать с ней этого. После стольких попыток и ошибок, это оказалась та самая девочка, которая необходима ему, чтобы вернуть силы.

— Вскоре я начну ритуал, — его голос звучал приглушенно из-за маски. — Скоро, Кэрролл. Тогда у меня будет самое страшное лицо в мире. Лицо, которое будет не совсем лицом. Я обрету силу, которая сделает меня невидимым. — Его сила обладала такого рода властью, о которой никто и подумать не мог. Привлекательная, но все же смертельная. Чтобы заполучить ее, ему придется использовать Констанцию, потомка той, кого фотографировал Кэрролл. Если бы только мир знал, что эти снимки не просто хобби, что за каждым скрывается некий секрет.

Но мир был невежественен и великолепен, как и всегда. Чешир собирался преподать людям последний урок в их жизни. Посмотрим, кто улыбнется последним.

Каттенстутский Фестиваль, Ипр, Бельгия

Пиллар и я едим мороженное на Густо д'Италия, одном из самых красивейших мест в Ипре. Не то чтобы мы здесь только за тем, чтобы поесть мороженого, но есть его, глядя на все это сумасшествие вокруг нас — лучший способ уцепиться за здравомыслие.

Каттенстутский парад великолепен. Множество людей, большинство из которых дети, съехались со всего мира, чтобы отпраздновать этот безумный день. Парой секунд ранее, мы протолкнулись через толпу, желая пойти во главе парада. В моем современном наряде Алисы и голубом костюме Пиллара мы похожи на придурков. Люди одеты в кошачьи костюмы, у них кошачьи уши, кошачьи хвосты и они мяукают, как кошки. У девушек на лицах нарисованы усы, а у девочек помладше уши Мики Мауса, наряду со средневековой одеждой и аксессуарами. Выглядело красиво, если бы только не являло собой ужасное напоминание об убийстве котов.

— Это чокнутое местечко, — смеюсь я, держа зонт, который подарила мне Фабиола. Она сказала, что он мне понадобится, но я до сих пор не знала зачем.

— Прямо мечта любой собаки, — курит Пиллар свою трубку. Он выглядит не особо счастливым. Он ищет любой признак, указывающий на присутствие Чешира.

Во время парада, мы проходим мимо знаменитой башни с часами, которые показывают три часа дня.

— Тик-так, что-то не так, — говорит Пиллар.

Я не знаю, что он имеет в виду, но мы проходим мимо колокольни, где огромный колокол звонит, а люди начинают бросать в воздух конфеты.

Красочные марширующие группы начинают заполнять площадь перед знаменитой башней, некогда служившей хранилищем для одежды, откуда, вероятней всего, сбросили семью Чешира в далеком прошлом, Пиллар посвятил меня во все это этим утром. Он поручил своему шоферу навести справки о биографии Чешира в Ипре.

Большинство детей, одетые в кошачьи костюмы, делают вид будто царапаются, в то время как взрослые размахивают флагом Фламандского льва. Неужели это национальный символ Ипра? Какая ирония, думаю я. Лев на флаге, а ведь в прошлом они уничтожали этот подвид.

— Шарик! — кричу я, словно малое дитя. В небе огромные воздушные шарик собраны вместе и им придали форму большого кота.

Рядом с нами идут юные девушки. Они одеты как Клеопатра, словно дань уважения Египетским кошкам, которых в те времена считали Богами. За ними идут флейтисты в костюмах викингов, с ними танцуют златовласые девушки, чьи волосы перевязаны лентами, будто дань уважения Кельтским кошкам.

Все выглядит довольно обыденно, пока Алиса не замечает повозку с лошадьми, в клетке которой сидит ведьма, умоляющая не сжигать ее. Она держится за прутья решетки и мотает жесткими черными волосами.

— Мне начинают нравится люди, — выпаливает Пиллар, все еще разыскивая взглядом Чешира.

— Почему? Что произойдет с ведьмой?

— В конце вечера, ее сожгут, — Пиллар отталкивает с пути пару разодетых котами ребят. — Гав. Гав, — выдает он им. — Конечно же, сожгут не саму девушку. Сожгут ее кошачью версию. Ты можешь поверить, что на дворе двадцать первый век? Люди до сих пор верят, что коты и ведьмы повинны в их несчастьях.

После меня отвлекает большущая карета, сделанная из кошачьего меха. Она напоминает огромного рыжего кота со страшными челюстями. Зовется вся эта конструкция Колыбелью. Детишки начинают радоваться, завидя ее, пытаюсь вскарабкаться на самый ее верх. Любопытно, если эти кошки на колесах полые внутри, поместиться ли внутри обеденный стол и стулья. На мгновение у меня появляется мысль, что если Чешир прячется внутри.

— А вот и Гарфилд, — Пиллар указывает тростью на человека в костюме Гарфилда, который идет рядом с Котом в Сапогах.

Пытаюсь не волноваться, как Пиллар и насладиться парадом хоть ненадолго. Здания вокруг нас просто произведения искусства. Дома в стиле Ренессанс, и тот факт, что вокруг яблоку негде упасть делает меня совершенно счастливой. Опять же, для девушки из психушки, это просто Рай.

Внезапно, парад останавливается, как только мы приближаемся к группе Про — Кошачьих активистов. У них в руках огромные плакаты по защите прав животных, они протестуют против жестокости, которым в прошлом подверглись коты в Ипре. Их голоса громкие и сердитые. Вдруг нас с Пилларом отнесло к первому ряду. Когда я протискиваюсь поближе, чтобы рассмотреть кошачьих активистов, у меня по спине бегут мурашки. Пиллар берет меня за руку, в качестве поддержки. То, что мы увидели, быть может, нормально для остальных, но не для нас. На всех активистах одинаковые оранжевые маски. Ухмыляющийся кот, как та маска, что Чешир украл из Потт Шригли.

— Тик — так... что-то не так, — снова произносит Пиллар, глядя на активистов.

— Думаете, он один из них? — Мне не по себе от мысли, что я смотрю сейчас, быть может, на Чешира и не знаю этого. Он запросто может быть одним из этих типов в маске. Лучше знать дьявола в лицо, чем теряться в догадках.

— Гениально, не правда ли? — Пиллар выглядит возмущенным проделкой Чешира. — У него непреодолимая потребность посетить фестиваль и провести ритуал. Теперь, со всеми этими масками, мы даже не узнаем, кто он. Он снова нас провел.

— Разве это не означает, что Констанция здесь?

— В общем, так и есть, — отвечает Пиллар, в то время как активисты дают дорогу тому, кто продвигается сзади. Похоже, это их лидер, человек, одетый Крысоловом. В его руке дудка, билеты и несколько ухмыляющихся кошачьих масок.

— Это мирный протест, — воздев руки к небесам, он обращается к людям. Я замечаю, что ему далеко за пятьдесят и лицо испещрено морщинами, словно в молодости он любил выпить, и был заядлым курильщиком. Впрочем, у него хороший загар и на нем нет маски. — Все, чего мы просим: пропустите нас к башне, чтобы оплакать наших кошек.

Люди позади нас шушукаются. Всех интересует, смогут ли они подвинуться, чтобы дать пройти. Им не хочется портить парад, в то время как пройти дальше они не могут, а стало быть, и продолжить празднество.

— У меня есть парочка масок для тех, кто захочет передумать и оплакать тех многочисленных кошек, что были убиты в этом городе, — ухмыляется Крысолов, имитируя усмешку на масках. — У тебя когда-нибудь была кошка, юная леди? — адресует он мне, наклоня голову набок, он слишком высок.

— Наверное. — Не помню, чтобы она у меня была.

— Разве ее не звали Дина? — Крысолов продолжает усмехаться, в о время как Пиллар напрягается. Я пожимаю плечами, даже не подозревая, что происходит на самом деле. Он что, меня разоблачил или просто упомянул кошку из книги про Алису? — Прошу извинить мое сюрреалистическое чувство юмора, но ты выглядишь просто потрясающе в этом современном костюме Алисы, — произносит Крысолов.

— Что, настолько заметно? — я начинаю волноваться следом за Пилларом. Мой наряд не может сразу натолкнуть на подобные мысли.

— Прошу, стань одной из нас, — он протягивает руку с длинными пальцами. — Тебе, должно быть, также не наплевать на котов, как и нам. Весь этот праздник — ошибка. Мы должны донести до людей, что вредить кошкам недопустимо. Это преступление, заслуживающее смерти, как и убийство человека.

— У нас встреча, — вмешивается Пиллар. — Мы любим кошек. Мяу. Но, боюсь, она не может пойти.

Крысолов поворачивается к Пиллару и я ощущаю в воздухе тьму. Что ели этот высокий загорелый мужчина — Чешир? Почему тогда он одет как Крысолов, а не прячется среди других под маской?

Крысолов и Пиллар долго смотрят друг на друга. Я начинаю думать, что это не Чешир, в противном случае, Пиллар узнал бы его. Я в недоумении снова и снова. Как бы мне хотелось,

чтобы Пиллар не скрывал от меня так много секретов.

— Профессор Картер Пиллар, я полагаю? — наконец, произносит Крысолов. Мое сердце уходит в пятки.

— Мы знакомы? — спрашивает Пиллар, а я снова теряюсь в догадках. Что происходит?

— Приятно познакомиться, — Крысолов протягивает руку и трясет руку Пиллара, улыбка на его лице исчезает. — Мне сказали, что я могу найти вас на параде. У меня две маски и билеты, чтобы вы смогли присоединиться к Про — Кошачьим активистам. Я много слышал о вашей работе. Я слышал, вы поддерживаете кошек и очень их любите. — Я же знаю, что Пиллар кошек терпеть не может. — Я слышал о вашей работе в области Котологии.

— Котологии? — Я знаю, что это шутка, но не знаю, что происходит. Пиллар тоже в курсе, но он подыгрывает. Он любит игры.

— И кто же рассказал вам обо мне, могу я поинтересоваться? — Пиллар делает затяжку из трубки, глядя на меня уголком глаза.

— Мистер Уоррингтон Каттенстут, конечно же. Он директор Про — Кошачьих активистов. К сожалению, сегодня он не смог прийти, — Крысолов протягивает нам маски и билеты. — Но он настаивал, что будет большой честью, если вы и ваша дочь присоединитесь к нам.

Я неохотно беру маску, в то время как Пиллар незаметно подмигивает мне. Он надевает маску, принимая приглашение. Имя Уоррингтон Каттенстут — отличная шутка. Льюис Кэрролл родился в Уоррингтоне, а Каттенстут — праздник, на который мы приехали. Чешир здесь и он хочет сыграть с нами в одну из своих игр. Он приглашает нас на ритуал.

— А как же нам называть вас? — спрашивает Пиллар, как только мы присоединяемся к Про — Кошачьим.

— Называйте меня Крысолов, — улыбается он.

— Мне любопытно, почему Вы одеты как Крысолов, на мероприятии, посвященном кошкам, — вынуждена спросить я.

— Это наша местная шутка, юная леди, — Он трясет головой и ногами, словно шут. — В Про — Кошачьем сообществе считают, что Крысолов должен быть котом. Кого звать, если в городе полно крыс? Крысолова. Он делает тоже, что и кошки, ликвидируя крысиные бега.

— Оу, — Пиллар и я глядим друг на друга. Мы выглядим довольно глупо в этих масках.

— Я знаю весь этот бред, про флейту и тому подобное, но после того, как Крысолов выкурил крыс из Хаммельна, как думаете, что он сделал потом?

— Я слышала, что он утопил их в реке, — отвечаю я.

— Неправда, юная леди, — возражает он. — Он съел их, конечно же. Подобно предкам этого города, которые послали кошек убить крыс в башню. Теперь, следуйте за мной.

Пока мы идем мимо туристов к башне, Про — Кошачьи начинают петь:

Где ты была сегодня, киска?

У Королевы, у английской.

Что ты видала при дворе?

Видала мышку на ковре!

У меня под маской широко открывается рот, когда я слышу подобное. Пиллару ничего не остается, как в конце прокричать:

— Мяу! — Он говорит это, словно “Аминь!”

Мы пробираемся сквозь толпу, в то время как они пускают нас в башню. Люди согласились отдать нам ее в пользование, но только на один час, чтобы после остальные туристы могли ею воспользоваться. Мы поднимаемся. Крысолов передает мне средних размеров сундучок с металлическими ручками на верхушке. Он тяжеловат, и внутри кто-то скребется.

— В этих сундуках коты, — сообщает Пиллар, пока мы взбираемся по ступеням. Я слышу мяуканье внутри своего сундучка.

— Почему коты? — зашипела я на него. — Это бессмысленно. Они же из Про — Кошачьих. Они же не будут выбрасывать их с башни, как прочие туристы.

— Остальные туристы не сбрасывают с башни настоящих кошек, — поправляет меня Пиллар. — Они сбрасывают игрушечных котов, это часть представления. Может, башня своего рода Ноев Ковчег. Может, Чешир собрался утопить мир каким — нибудь наводнением, поэтому решил собрать побольше кошек. — Я знаю, что Пиллар бывает саркастичным. Однако, он понятия не имеет зачем мы поднимаемся, а я просто терпеть не могу ожидание.

— Он не зря нас сюда пригласил, — напоминаю я ему. — Он хочет продемонстрировать нас свою силу. Я думаю, что ритуал будет проходить на самой вершине башни. Что означает — Констанция здесь.

Пред нами открывается огромнейшая комната и каждый из активистов проходит к ряду закрытых окон с видом на парад и весь город. Они поворачиваются лицом в круг, где стоит Крысолов. Это, определенно, ритуал.

— Поскольку времени у нас мало, — объявляет Крысолов. — Я постараюсь закончить побыстрее. — Один из сундуков гремит изнутри. Грохот весьма необычен. Кошки, должно быть, большие. Я слышу, как моя царапает внутреннюю обшивку сундука. — Я знаю, все вы потеряли своих предков в инциденте, что произошел много веков тому назад, когда люди безжалостно убили их, выбросив из окон.

Теперь, все обретает куда больший смысл. Каждый присутствующий здесь изначально был котом, теперь с человеческой душой. Они явились сюда, чтобы отомстить за своих предков. Находиться здесь — страшно. Я смею даже взглянуть на Пиллара. Мы попали в засаду.

— наших предков сжигали во Франции столетие спустя, — произнесла женщина в кошачьей маске.

Я читала про сожжение котов во Франции по интернету. Видимо у людей в те времена было множество претензий по отношению к кошкам.

— Не только во Франции, — повышает голос другой мужчина в маске. Трудно понять, кто говорит и откуда доносится голос. — В Бразилии тоже убивали кошек. Вся моя семья была убита.

— Моя семья была убита в Древнем Египте. Мы должны были стать Богами! — произнес третий.

— Я знаю, что раньше в этом мире мы были Богами, — успокаивает Крысолов остальных. — В любом случае, людской холокост против кошек не удался. Мы

эволюционировали и научились выживать. Некоторые из нас стали тиграми или даже львами. А большинство выжило, украв дыхание человеческих младенцев и забирая их души. — Он стискивает руку в кулак и поднимает ее в воздух. Внезапно, я замечаю, что это не рука. Это коготь в человеческом теле.

Я вспоминаю, как один из Мухоморов бормотал, что он не сумасшедший. Он утверждал, что кошка украла душу его детей, когда они были еще младенцами, но ему никто не поверил. Так и происходит, если ребенок умирает, а кот вырастает в новом человеческом теле по своему выбору. Мухомор сказал, что коты повсюду живут среди нас. Я думала, что он псих. Не знаю, поверит ли мне кто-нибудь, если я расскажу о происходящем.

— Нам не нужно было позволять людям приручать нас, — говорит Крысолов. — История полна ошибок. В редкие дни, такие как этот, нам выпадает возможность отомстить.

Все вокруг нас славят Чешира.

— Чешир через многое прошел, но он всегда сражался ради нас. Льюис Кэрролл обманул его, когда множество лет назад заточил его в Стране Чудес, — рассказывает Крысолов. — Но как сказали в книге Красный Король и Королева, как можно обезглавить кота, у которого нет головы? — Про — Кошачьи активисты или можно сказать кошки, снова возликовали. — Обещанная месть Чешира приближается. Льюис украл силу Чешира после того, как заточил его в Стране Чудес вместе со всеми остальными.

— Когда он вернет назад свою силу? — спрашивает активист.

— Терпение, друг мой, — отвечает Крысолов. — Ужасный Льюис Кэрролл спрятал ее в одной из скульптур ухмыляющихся котов по всему миру. Он тогда попросил своего друга вырезать множество кошачьих статуй, чтобы избавиться от Чеширского Кота навсегда.

— Что такого в маске? — спрашивает активист.

— Что же еще, друг мой, — отвечает Крысолов. — Его усмешка. Знаменитая Усмешка Чешира заключает в себе его силу.

Я знаю, что Пиллару и мне не терпится узнать остальное. Но все становится таким нереальным; я скорее поверю в то, что я чокнутая. Все это ради того, чтобы Чешир заполучил обратно свой оскал.

— Сила в маске, связана с одной из девочек, что Льюис фотографировал, — продолжает Крысолов. — Сила заключалась в маске, но ключ к разгадке заключался в душе одной из девочек. Все, что Чеширу оставалось сделать — украсть одну из девочек, выпить ее дыхание и украсть ее душу. Он представил все как убийства, чтобы скрыться от врагов из Страны Чудес. Шестеро душ были убиты безуспешно, но седьмая должна оказаться той самой. И сегодня она здесь, с нами.

Мой взгляд метнулся в поисках Констанции, в то время как активисты начали спрашивать, где девочка и кто она такая.

— Ее зовут Констанция, — отвечает Крысолов. — И через несколько мгновений, Чешир начнет ритуал, как только часы начнут “варкаться”.

— Что такое “варкаться”? — спрашивает другой, и мне тоже хочется узнать.

- “Варкаться” — это четыре часа на Кэрролианском языке, — объясняет Крысолов, а затем цитирует небольшую строку из причудливой поэмы Кэрролла — Бормоглот. — Варкалось, хливкие шорьки, пырялись по наве.

Мне не хватает объяснений Пиллара. Он не разговаривал со мной с тех самых пор, как мы пришли сюда. Все, что его волнует — появление Чешира. Все, что в моих силах — повернуть голову, чтобы разглядеть часы на башне. Еще десять минут и начнет варкаться.

— Ритуал прост, — говорит Крысолов. — Когда часы пробьют четыре, Чешир появится и выпьет душу девочки, в той самой маске Кэрролла, что заключает в себе его силу.

— Мяу! — срывается, наконец-то, Пиллар и кричит во всю глотку. Достаточно безумно, чтобы остальные активисты повторили за ним. Он не смотрит на меня, а я не могу прочесть выражение его лица.

— И последнее, что потребуется для завершения ритуала, — говорит Крысолов. — Чтобы Чеширу удалось восстановить свою силу, ему понадобится наша помощь.

Все говорят, что сделают ради него все, что угодно. У Чешира в буквальном смысле есть последователи.

— Я знаю, что ради Чешира вы готовы на все, но это также послужит вам огромным удовлетворением, — говорит Крысолов. — Потому что сегодня вы отомстите за ваших предков! Теперь, откройте, пожалуйста, свои сундуки.

Про — Кошачьи начинают вскрывать свои сундуки и доставать котов, которые на деле оказываются не совсем котами. Это тигрята. Не такие милые, какие вам доводилось видеть по телевизору, а жестокие, готовые любого разорвать на клочки. Каким-то образом, они подчиняются Про — Кошачьим. Они заключены в небольшие клетки, которые Про — Кошачьи собираются выбросить в окно, прямоком на праздничное шествие. У Пиллара и меня просто не остается выбора, кроме как притвориться, что мы собираемся сделать то же самое, после мы оглядываемся на Крысолова. Но Крысолов исчез. Вместо него появилась старушка, которая удерживала Констанцию. Я знаю, что она — женщина, от одного взгляда на ее тело и седые волосы, торчащие из-под маски. Она вскидывает руки, демонстрируя когти, затем приставляет их к шее Констанции.

— Это Чешир, — проносится по комнате. Это крики счастья, а не страха.

— Интересно, а Господу Богу удалось бы привлечь столько внимания, — бормочет Пиллар рядом со мной.

Присутствие Чешира даже страшнее, чем присутствие Пиллара. Страшнее всего того, что мне довелось видеть, даже страшнее того грязного кролика в зеркале. Я словно смотрю на смерть и ничего не могу с этим поделать.

Он так самоуверен, даже не смотря на то, что прячется в теле старушки. Ему не нужно говорить. Ему даже не нужно показывать свое лицо. Кажется тот невыносимый страх, что я вижу на лице Констанции — это зеркальное отражение моего собственного. Бедняжка не узнает меня из-за маски, что надета на меня. Я разрываюсь между тем, чтобы подбежать и наброситься на Чешира и тем, пока я не увижу какую-то более подходящую возможность сделать нечто более эффективное. Я озадачена, почему Пиллар стоит столбом, когда дело касается Чешира. Черт с ним. Я делаю глубокий вдох, прежде чем отчаянно устремляюсь к Констанции, чтобы спасти ее. Одному лишь Богу известно, какие могут быть последствия.

Пиллар хватает меня прежде, чем я успею сорваться с места. Он ничего не говорит. Его хватка слишком сильна, она и возвращает меня обратно к реальности. Если я нападу на Чешира, ни Констанция, ни я не выживем. У нас осталось две минуты. Нужно найти другой способ.

— Однажды, нас сбросили с вершины этой самой башни, — раздается голос женщины — Чешира из-за маски. Я, по-прежнему, озадачена тем, что он — женщина. Я представила себе, что он захотел украсть именно эту душу, но почему старушечью? Он хотел таким образом всех надуть? — Теперь, мы покажем этим людишкам, что значат кошки, падающие с небес. На этот раз, кошки будут побольше. Жестокие коты, которые съедят всех одного за одним. Кошки в ваших руках убьют их, их жен и противных детей с красными шариками тут и там. Так же, как и они убивали нас. — Старушечий голос повышается. На мгновение, кажется, что мне знаком голос, но я не могу вспомнить.

Про — Кошачьи открывают крышки сундуков, чтобы кошки могли выбраться. Этим котам неведом страх. Они забираются на самый край, готовясь к тому, что часы на башне пробьют четыре. Я почти слышу, как сердце тикает в груди. Пиллар сказал, что я должна спасти жизни. Теперь, я разрываюсь между теми людьми на улице и Констанцией. Мой Бог, страх в ее глазах меня убивает.

Тик. Так. Почти четыре часа.

Я вырвала руку у Пиллара и пропустила мимо ушей его слова, что мне нужно подождать.

— Я знаю, зачем я Вам нужна, — шепчу я Пиллару. — Вы сами не можете сразиться с Пилларом. — Я решила, что заступлюсь за Констанцию, раз нет иного выбора. Я не могу позволить Чеширу завладеть ее душой.

Прежде чем я успею напасть, Чешир делает нечто такое, чего я никак не ожидала. Он снимает оранжевую маску и готовится надеть Кэрролианскую маску из Потт Шригли. В этот краткий миг, он или она, оказывается без маски. Я вижу настоящее лицо старушки. Я знаю ее. Как, черт подери, я не предвидела такого поворота? Как только Чеширу, во имя всего святого, удалось обмануть меня и поиздеваться всласть?

Я проглатываю комок в горле и сжимаю руку в кулак, чтобы не сорваться. Чешир — та самая старушка из Большого Зала. Женщина с ухмылкой, которая рассказала мне о чайных чашках.

— Да начнется безумие, — Пиллар стоит рядом с окном со своим закрытым сундучком. Я совершенно уверена на счет его беспомощности, когда дело касается Чешира.

Часы бьют четыре часа.

— Время мести! — провозглашает Чешир женским голосом. Он похож на старую злобную ведьму и подает сигнал остальным сбрасывать больших котов.

— Это кошачий дождь, — Пиллар поднимает клетку, притворяясь одним из них. — Аллилуйя.^[19]

В это самое мгновение, я понимаю, что Пиллару на самом деле плевать на людей. Со всей своей силой, он не остановил активистов от преступления. Его ненависть к нормальному миру настолько сильна, что даже страшно. Единственное отличие между ним и Чеширом заключается в том, что он временно на моей стороне. Белая Королева была права, когда сказала не доверять ему. Я срываю с себя маску и бегу к Констанции.

— Держись, Констанция! — кричу я, замахиваясь зонтом на него. Чешир перехватывает его на полпути и с улыбкой отвечает мне женским голосом.

— Разве я не говорил тебе, что мы здесь все безумны. Помню, говорил это еще полвека назад.

Я вся покрываюсь испариной, пытаюсь вырвать зонт, но это не срабатывает. Он гораздо сильнее Красных. Его усмешка заставляет меня усомниться в себе. Я бросаю на Констанцию взгляд, боясь, что она разочаруется во мне. Я ведь обещала ей спасти ее. Чешир с силой толкает меня на пол, я падаю на спину и теряю зонт. Позади себя я слышу крики. Одному лишь Богу известно, что за резня сейчас происходит на параде. Я слышу крики женщин и детей, и как большие кошки рыча вонзают когти в их плоть. Пиллар ничего не делает, когда дело доходит до Чешира. Он просто стоит и смотрит. Некоторые из активистов узнают в нем чужака, и теперь, внезапно, ему приходится защищаться.

— Самое время вернуть мои силы назад, — ревет женщина — Чешир. Она держит Констанцию за шею, а ухмыляющаяся маска находится в другой руке. Где-то вдалеке гремит гром.

Я поднимаюсь и снова бегу к ней, пытаюсь сбить ее с ног. Она ударяет меня когтями, и я снова падаю на пол. Ее когти разодрали мой пуловер и по левой руке бежит кровь.

— Никто не сможет остановить меня, чтобы получить то, что по праву принадлежит мне, — усмехается он мне, в то время как Крысолов приносит еще больше сундуков активистам, чтобы сбросить те на парад. — Ты ведь не знаешь, что это за сила, да?

Ухмылка не сходит с ее лица и она рада продемонстрировать ее мне. У меня ощущение, что это что-то личное. Не между Чеширом и людьми, а между ним и мною. Как бы мне хотелось вспомнить прошлое.

— Что это? — кричу я, пока снежный ветер продувает башню насквозь. Я пытаюсь тянуть время, склоняя Чешира к бессмысленному разговору. — Скажи, что Льюис отнял у тебя.

— Мои девять жизней, — смеется женщина. — Мои бесценные девять жизней. Как только я заполучу их, я стану бессмертным.

— Но это всего лишь девять жизней, — я тяну время, разглядывая слабые места в

женском теле Чешира. — Не так уж и много.

— Этого более чем достаточно. Если бы только знала, — она поднимает маску и надевает ее. — Настало время вернуть назад свою усмешку, ту самую, что Льюис украл у меня. — Маска начинает сиять, словно звезды.

— Льюис привязал усмешку к душе Алисе Констанции Уэстмаскотт, сфотографировав ее, — Чешир горд, рассказывая мне все это. Почему бы и нет, когда он всего в нескольких секундах от того, чтобы заполучить желаемое?

— Люди не шутили, когда говорили, что на фотографиях запечатлена душа. Льюис был гением и он изобрел такую камеру давным — давно. К счастью, Алиса Констанция Уэстмаскотт передала свою связь потомкам. Теперь, все что мне требуется — высосать душу этой девочки и восстановить свои силы.

Он имеет в виду Констанцию. Я наблюдаю, как он прижимает ее к себе. Позади меня мир погружается в хаос, а Пиллар ведет ожесточенную войну с активистами. Он уже убил многих из них, но их слишком много. Чешир вот-вот выпьет душу Констанции тем же образом, что коты крадут дыхание младенцев в реальной жизни.

Не смотря на то, что у меня идет кровь, у меня не остается выбора, кроме как снова броситься на Чешира. На этот раз я прикрываю глаза, и пытаюсь вспомнить, что Джек Даймондс рассказывал мне об искусстве ЧепуХу. Он говорил, что как только я поверю в силу бессмыслицы, я смогу воспользоваться ею. В конце концов, мир и так уже безумен. Чепуха — это единственное, что противостоит безумию. Все, что мне нужно сделать — это применить одно из тех Кунг Фу приемов, что я видела в кино. Все дело не в приеме, говорил он. А насколько ты согласишься в него. Это странно, но мне ничего не остается, кроме как попытаться. Я бегу и представляю, как подпрыгиваю и пинаю Чешира в живот. Вот и я со своими силами ЧепуХу.

В конце концов я сталкиваюсь с Чеширом и снова падаю. Ничто из обещанного Джеком не сработало. Должно быть, я сделала что-то не так. Внезапно, я удивляюсь, почему Джек не пришел на выручку. То есть, я бы даже пошла с ним на свидание, лишь бы спасти Констанцию.

— Ты, правда, думаешь, что сможешь остановить меня? — женщина — Чешир, кажется оскорблена моими попытками. Она склоняется надо мной, пока я лежу на полу, Констанция задыхается в ее руках. — Разве ты не видишь, что ты не настоящая Алиса? — говорит она. — Вынуждена признать, что Пиллар обманул меня, заставив поверить, что это на самом деле ты, когда ты спасла Констанцию в Большом Зале. Поэтому я пригласил вас сюда, убедиться, что ты — настоящая Алиса. Но это не так. В тебе нет ни капли ее силы. Настоящая Алиса мертва!

Чешир усмехается, по-прежнему склоняясь надо мной. Я протягиваю руку, в надежде найти хотя бы камень. Мне удалось задержать его, но что делать дальше я понятия не имею. Моя ладонь снова смыкается на бесполезном зонте. Я подтягиваю его ближе зная, что против Чешира он не слишком-то пригодится. Все, что я делаю, это лишь удерживаю его на дистанции. Я держу его, словно пистолет. Вот было бы чудно, если бы зонт в моих руках обернулся мечом, как у Белой Королевы?

Я случайно нажимаю на кнопку зонта и он открывается, пряча меня от Чешира, который уже потянулся к Констанции, чтобы высосать ее душу. Все происходит так быстро, но зонт не загораживает мне вид. С моей стороны он прозрачен самым безумным образом. Я вижу координаты и цифры по всей поверхности, словно это военный навигатор. Сквозь зонт я вижу, как Чешир открывает рот Констанции и начинает втягивать через него воздух.

Внезапно, я понимаю, что с моей стороны зонта есть небольшой курок. Эта незначительная вещь оборачивается немыслимым оружием. В мгновение ока, я целюсь в Чешира и нажимаю на курок. Если бы я была в здравом уме, оценила ситуацию и попыталась найти во всем этом хоть какой-то смысл. Но я живу в безумном мире. Я вижу, как радужный поток молнии ударяет в Чешира, словно электрический разряд. Старуха падает на колени. Не мертвая, но она отпускает Констанцию и мяукает от боли. Я в удивлении смотрю на зонт в своей руке. Это самое наиглупейшее и вызывающее оружие в мире. То есть, оно даже лучше кальяна Пиллара.

Вспышка привлекает внимание активистов. Завидев своего лидера в муках боли, они отстают от Пиллара и поворачиваются ко мне, выпустив когти, клыки. Сплошное безумие. Я

поднимаюсь и хватаю Констанцию за руку, направляясь к двери, что вела к ступенькам. Активисты блокируют двери и шипят на меня. Я всего лишь слабый человечек в Кошачьем Мире.

— Если зонт — оружие, тогда он способен и на многое другое, — кричит Пиллар. Он кивает на арочные окна, отмахиваясь от активистов своим кальяном. Я не уверена, что это хорошая идея, но другого выхода нет и Чешир скоро снова будет на ногах. — Давай, Алиса. Я позабочусь об этих глупых котах, — говорит Пиллар.

Я делаю глубокий вдох и бегу с Констанцией к окну. Никто не останавливает меня, потому что мне некуда бежать. Я встаю на самый край и тяну за собой Констанцию.

— Что ты собираешься делать, Алиса? — спрашивает Констанция с глазами полными ужаса, глядя на резню внизу. Тут слишком высоко.

— Ты ведь доверяешь мне? — я сжимаю ее ладонь. В моей другой руке зонт.

Констанция кивает и стискивает мою ладонь в ответ.

— Мы прыгнем?

— Да. — Мое сердце колотится. Другого выхода нет.

— Ты как Мэрри Поппинс.

— Я не знаю кто это. Я слишком много времени провела в лечебнице, — отвечаю я. — Теперь, будь смелой девочкой и прыгай со мной, хорошо?

Она неохотно кивает.

— Это легко, Констанция. Все, что тебе нужно сделать — это поверить.

— Во что поверить, Алиса?

— В Безумие. — Я крепче обнимаю ее и прыгаю.

Пока людей убивают тут и там, мы аккуратно приземляемся при помощи моего зонта. Даже проще, чем с парашютом. Констанция хихикает от удивления. Я молю Господа, чтобы все это происходило на самом деле и я не сошла с ума. Пока мы приземлялись, коты продолжают падать с неба.

— Безумие начинается, Алиса! — кричит сверху Пиллар, прежде чем ринуться обратно в бой. Я сомневаюсь, что он выживет.

Но Пиллар прав. Полет на зонте ничто по сравнению с безумием, что творится вокруг нас. Большие коты преследуют оставшихся людей, набрасываясь и убивая их. Множество людей погибает, потому что их разум не может принять абсурдность происходящего. Когда с небес падают тигры, многие не сразу поймут, что это происходит на самом деле.

Я бегу с Констанцией, стреляя в тигров из зонта. Не знаю, раскаиваться ли мне по этому поводу, но ведь эти коты не настоящие. Они чудовища, созданные Чеширом. Все неправильно, но я пообещала маленькой девочке, что спасу ее и я работаю над этим. Все, что мне нужно — вернуть ее родителям. Мы бежим по узким улочкам, желая выбраться на главную дорогу.

На улицах Белигии повсеместно полиция и кареты скорой помощи. Но никто из них не хочет взять нас с Констанцией. Медсестра говорит нам, что с нами все в порядке и лучше приберечь место, чтобы спасти остальных. Секундой позже, на нее набрасывается тигр.

Я иду вперед и вижу, что резня же транслируется по телевизору в кафе. Люди либо потрясены этим, либо сходят с ума. Один мальчик спрашивает, нельзя переключить, потому что ему не нравится мультик, который смотрят все остальные.

Внезапно мимо проносится автомобиль, брызгая на нас грязью. Прежде чем я успеваю разглядеть водителя, на нас снова попадают брызги. Я не вижу его сквозь закрытые стекла, но не нужно быть волшебником, чтобы не догадаться кто это. Это старый странный спортивный автомобиль, белый, весь покрытый ромбами, что делает его похожим на огромную глупую игральную карту.

— Алиса! — выпрыгивает из нее Джек Даймондс. — Ты что, преследуешь меня, да?

У меня подгибаются колени от ямочек у него на щеках. Радио внутри машины играет песню под названием “Кошачий дождь, Аллилуйя”.

— Серьезно? — с недовольной гримасой говорю я. — Снова ты?

— Я был на гонке Формула 1 во Франции, — отвечает он. — Прямо за углом.

— И дай угадаю. Ты выиграл, да? — хихикаю я.

— Вообще-то, нет. Но я финишировал четвертым, — говорит он. — Было всего четыре участника. Так что тут за движ такая с кошачьим дождем? — Он бросает взгляд через мое плечо.

— Поверь мне, ты не захочешь знать.

— Ну, если ты так говоришь. Как дела, Констанция? — говорит Джек.

— Хорошо! — хихикает она.

— Уверен, Алиса тебя любит, — говорит он, опускаясь на колени. — В какую передрыгу ты попала на этот раз?

— Меня украли старушка, которая считала себя Чеширским Котом, — отвечает

Констанция.

— У нее были когти? — спрашивает Джек, его лицо темнеет.

— Да, — ответила Констанция. — Откуда ты узнал?

— Думаю, она снова за тобой придет. — Джек посмотрел куда-то мимо плеча

Констанции.

Я оборачиваюсь и вижу, как Чешир бежит в нашем направлении. Констанция снова хватается за меня.

— Не знаю во что вы, ребята, вляпались, но залезайте в мою машину, — говорит Джек. — Быстро.

Джек ведет машину по улочкам Ипра, словно безумец.

— Seriously, как эта старушка может двигаться так быстро? — Джек бросает взгляды в зеркало заднего вида.

— Теперь мы в безопасности, — отвечаю я, сидя рядом с ним, Констанция сидит на заднем сиденье. — Спасибо тебе.

— Да, спасибо тебе, Джек, — говорит Констанция.

— Значит, ты идешь со мной на свидание? — говорит он.

— Только не начинай, — вздохнула я. — Почему ты хочешь, чтобы я пошла с тобой на свидание? Я тебя даже не знаю.

— Давай посмотрим. Мы вместе спасли девочку, сражались с чудищами в красных плащах, а теперь сбежали от старухи, которая считает себя кошкой. Раньше я целовал девушек, еще не успев поздороваться. Ты, практически, уже моя жена. У нас и дети есть. — Он подмигивает Констанции. Констанция хихикает.

— Ладно, — вздыхаю я. — Если ты в целости и сохранности довезешь нас обратно до Оксфорда.

— Я отвезу тебя куда захочешь. Только попроси, лютик. Так где и когда? Ты не занята сегодня вечером?

Вдруг, я осознаю, что не могу встретиться с ним вечером и сообщаю ему об этом. Я не упоминаю, что я буду в психушке. Не думаю, что ему это придется по нраву. Никто не хочет встречаться с девушкой, у которой есть Свидетельство о Безумии.

— У тебя что, планы на каждый вечер? Кто ты, тусовщица?

Я смеюсь, думая о своих ночных вечеринках с Вальтрудой и Оджером.

— Давай встретимся днем.

— И как это будет? По — английски?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, кто будет платить? Если по — английски, мы заплатим пополам. Если по — американски, я заплачу. По — французски, возможно, ты заплатишь. По — калифорнийски, мы едим грибы и пьем чай в доме, в который только что вломились.

— Вау, не знала, что ты жмот.

— Я не жмот. Я на мели. Я угнал эту тачку только затем, чтобы увидеться с тобой.

— Значит, ты признаешь, что преследуешь меня.

— Ну, да. Преследую. Не знаю, что в тебе такого, но я не могу перестать думать о тебе. — Он стискивает руль, прибавляя газу.

Мой телефон жужжит. Я смотрю на него, будто совершенно забыла о его существовании. У меня вообще не было телефона, не считая двух последних дней.

— Останови машину, — требую я. — Мне нужно ответить на звонок. — Я не хочу, чтобы он слышал мой разговор с Пилларом, на случай если он ляпнет что-нибудь про лечебницу. Если я собираюсь встречаться с Джеком, я хочу предстать в качестве нормальной обычной девушкой.

— Как скажешь, лютик. — Отвечает Джек и останавливается рядом с продуктовым магазином. Я вылажу и отхожу на несколько шагов, чтобы ответить на звонок Пиллара.

— Где ты? — спрашивает Пиллар.

— На пути в Оксфорд, — я не хочу, чтобы он знал, что я с Джеком. Он продолжит поучать, что он лишь отвлекает меня. — Констанция у меня. Вы в порядке?

— Мне немного пришлось поиграть в кошки — мышки с активистами, но я в порядке, — отвечает он. — Думаю, отныне Каттенстутский Фестиваль больше праздновать не будут. Весь город в руинах. Но Чешир исчез.

— Да, знаю. Он преследовал нас, но мы...

Прежде чем я успеваю закончить предложение, в машину Джека врывается большой желтый автобус. Телефон падает из рук и разлетается на части. Я оборачиваюсь в поисках Джека. Он весь в крови. Взгляд перемещается на заднее сиденье. Констанция пропала. Когда я поднимаю голову, я вижу, что за рулем школьного автобуса Чешир. На нем нет маски, он до сих пор в облике женщины. Он тащит Констанцию за волосы к себе. Когда я оглядываюсь в поисках своего зонта, чтобы снова выстрелить в него, я обнаруживаю, что у меня идет кровь, голова слишком кружится и я вот-вот потеряю сознание. Я падаю на асфальт, погружаясь по спирали вниз в свою персональную тьму.

Четырехугольник, Крайст Чёрч, Университет Оксфорда

Когда я прихожу в себя, я сижу на скамье рядом с фонтаном посреди сада Колледжа Крайст Чёрч. Снег по-прежнему укрывает большую часть земли вокруг меня. По ощущениям моей ране оказали медицинскую помощь, и прошла всего пара часов или около того. Солнце блеснуло в вечерних сумерках и зашло. Наступила ночь.

— Долгий выдался денек, — произносит Пиллар. Он сидит рядом со мной на жестяном краю фонтана, как и всегда.

— Почему я здесь? — говорю я. — Разве мне не нужно прямо сейчас возвращаться в лечебницу?

— Я удивлен, что ты сперва спросила об этом, — замечает Пиллар. — Я думал, ты согласишься о Констанции.

— С какой стати? — я борюсь со слезами. — Я неудачница. И все из-за Вас. — Я знаю, что неразумно перекладывать всю вину на него. — Вы продолжаете верить, что я — настоящая Алиса, когда как я всего лишь чокнутая из психушки.

— Что наводит меня на мысль, — отвечает он, равнодушный к моим обвинениям. — Что для тебя сейчас важнее: узнать, что ты — настоящая Алиса или же узнать кто ты такая на самом деле и на что способна.

— Я по горло сыта Вашими загадками, — говорю я. — Я по горло сыта нормальным миром. Я хочу обратно в свою палату, где мне самое место. Легче быть безумной, чем жить с чувством вины, что я отступилась от Констанции.

— Знаешь, кто такие безумцы, Алиса? — говорит Пиллар. — Это всего лишь нормальные люди, которые слишком много знают.

— Я старалась изо всех сил. Всякий раз, когда я думала, что спасла Констанцию, Чешир забирал ее обратно. Могу поспорить, что он уже высосал ее душу и вернул свои силы обратно. — Я пытаюсь подняться. От его слов все в голове перемешалось.

— Нет, не вернул, — Пиллар обмахивается маской Чешира. — Я украл у него маску, когда был в башне. Он хочет ее обратно.

— Он связывался с Вами?

— Да. Он хочет обменять Констанцию на маску.

— Но какой прок в маске без Констанции и фестиваля? — удивляюсь я.

— Он уже высосал душу Констанции и ритуал технически удался, — объясняет Пиллар. — Оказывается, девушки умерли, когда он высосал их души, поскольку ни одна из них не была той самой единственной. У Констанции есть запасная душа для него. Какую бы магию не использовал Льюис, он заручился гарантией, что девочка останется жива, на случай если Чешир получит свою душу обратно. Это не убило ее. Теперь, она для него бесполезна.

— Так все что ему нужно — это маска? — Мое лицо светлеет. — Так чего же мы ждем? Давайте отдадим ему маску и заберем Констанцию.

— Все не так-то просто, Алиса. Ты должна осознавать, какую опасность он будет представлять для всего мира, как только он восстановит свою силу. Он просто на просто станет неуправляемым, и начнет открывать двери Монстрам Страны Чудес. Не удивлюсь, если

он вскоре освободит Безумного Шляпника и всех прочих.

— Но Констанция...

— Вот тут все осложняется, — говорит он, все еще глядя на Том Тауэр. — Видишь ли, я мог просто сжечь эту маску и усмешку Чешира вместе с ней, но не стал. Я хочу предоставить тебе выбор. Я до сих пор верю, что ты — настоящая Алиса, и я доверюсь твоему решению.

— Вы единственный продолжаете верить в меня, тогда как другие не верят, — вздыхаю я. — Интересно, почему.

— Я достаточно безумен, чтобы верить в тебя, вот и все, — отвечает Пиллар. — Мир слишком нормален. Немножко безумия не помешает.

— Значит, либо я позволю Констанции умереть и спасу мир от Монстров Страны Чудес, либо же я спасу Констанцию и обреку мир на гибель, — говорю я. — Кто я такая, чтобы принимать подобные решения?

— Уверен, твое решение окажется гораздо лучше, чем те, что принимает Маргарет Кент и подобные ей политики, которые высасывают наши жизни, как кошки у младенцев. Каждый день, они принимают решения, которые в конечном итоге становятся завязкой войн. Впрочем, я надеюсь, ты примешь верное решение, — Пиллар обращает свое лицо ко мне. — Я знаю кое — кого, кто поможет тебе решить.

— Это же не Ваш шофер, да?

— Конечно же, нет. У него крысиные мозги, и на каждый вопрос он почти всегда отвечает “сыр”. — Говорит Пиллар. — Видишь Том Тауэр? — Он кивает на него. — В прошлом, я убил кое-кого на ней. Я запудрил ему мозги и заставил его спрыгнуть вниз.

— Я не в настроении слушать Ваш...

— У Том Тауэр ты найдешь ответы, Алиса, — перебивает он меня. — Помнишь, когда я рассказывал тебе, что он звонит 101 раз в девять вечера по Оксфордскому времени?

— Вы упоминали об этом больше, чем один раз, — я бросаю взгляд на величественное сооружение.

— Сейчас без пяти девять, — говорит Пиллар. — Через пять минут он начнет звонить. Если поднимешься наверх, найдешь маленькую дверцу в северной стене. Она спрятана за шкафом. Просто отодвинь его, и ты найдешь ее.

— Дверца?

— Помни, что ты должна вернуться обратно прежде, чем часы закончат звонить 101 раз, в противном случае, ты потеряешься навеки.

— Что же за дверью? — Я уже поднялась, любопытствуя, что же поможет мне принять решение. — Сокровище? — подшучиваю я над ним.

Пиллар прислоняется к фонтану.

— Нет. Двери в этом Университете гораздо ценней, чем это. Это дверь к одному из твоих воспоминаний.

Том Тауэр, Крайст Черч, Университет Оксфорда

У меня уходит не слишком много времени, чтобы найти дверь в Том Тауэр. Я опускаюсь на колени, чтобы открыть ее. Все о чем я могу думать — это Алиса из книг. Разве не клево, если я съем что-нибудь, чтобы уменьшиться, вместо того, чтобы проползать через дверцу на коленках?

За дверью бесконечный белый свет. Он исчезает лишь с первым звоном Том Тауэра. Я иду дальше и оказываюсь в том же самом месте на крыше Том Квод, только сто пятьдесят лет назад. Я стою в комнате. Она похожа на студию. В ней полно всевозможных видов искусства: рисунков и фотографий. На дворе ночь. Летняя пора. Я прохожу мимо одной из фотокамер 19 века. Здесь также стоит стол, заваленный фотографиями маленьких девочек. Фотографии старые, черно-белые, а некоторые в сепии. На большинстве фотографий девочка, сильно похожая на меня.

Я копаюсь в фотографиях и нахожу множество фото других девочек. Имена и даты написаны на обороте. Очевидно для этих фотографий существует какая-то важная цель. К ним прилагаются диаграммы, карты и письма. У меня нет времени читать их.

Я нахожу фотографию Алисы Констанции Уэстмаскотт. Она выглядит в точности как Констанция, которую я знаю в реальной жизни. Я переворачиваю фотографию и читаю:

“Дочь Ричарда Уэстмаскотта. Не забыть спросить его, какая из масок с настоящей кошачьей усмешкой.”

Должно быть, это запись Льюиса Корролла. Я в его студии в Университете Оксфорда.

Ниже написано: “Думаю, Красная Королева была права. Чеширу нельзя отрубить голову, потому что он продолжает появляться и исчезать. Единственный способ — украсть его улыбку. В ней его сила.”

Я слышу какой-то звук в саду Крайст Чёрч. Когда я выглядываю наружу, кто-то убегает, но тут же пропадает из виду. Я спускаюсь вниз и седую за беглецами до самого Большого Зала.

Внутри, я подхожу к камину с собаками. Только сейчас это не камин, а дверь, ведущая куда-то. Дверь закрыта, но из-под нее льется золотое сияние. Она сотрясается от глухих ударов борьбы и драки. Раздаются крики. Я не знаю, что делать. За ней словно идет война. Что если за этой дверью Страна Чудес.

Наконец, дверь распаивается. Из нее выходит молодой человек. На нем черное одеяние священника, а в его руке стрижающий меч, тот самый, который я видела у Белой Королевы. Он закрывает за собой дверь золотым ключиком, затем вешает его себе на шею. Он тяжело дышит после борьбы, что происходила за дверью. У мужчины такая аура, которая заставляет меня полюбить его с первого взгляда. Ту же самую любовь я ощутила по отношению к Белой Королеве. Теперь я поняла, что это. Эту любовь разделяют все те, кто ходит по белым клеткам на шахматной доске жизни.

— Алиса? — удивляется он, до сих пор пытаюсь отдышаться. — Что ты здесь делаешь? — Он заикается. Маленький белый кролик выглядывает из его кармана, грызя морковку. Это забавный кролик.

— Алиса? — он похож на человека. — Что ты здесь делаешь?

— Ты меня видишь? — я ослеплена сиянием.

Льюис Кэрролл смеется. Это восхитительный смех. Смех того, кому удалось вырасти и не растерять свое детство. Он очень мне нравится. Мне лишь любопытно, отчего он заикается.

— Я вижу тебя, — отвечает он и осторожно засовывает руку в карман. После он берет меня за руку. Я вся таю от его прикосновения, я вдруг осознаю, что мне семь лет, и я скорее всего одета в голубое платье. Я до сих пор избегаю зеркал, куда бы я не пошла.

Мы прогуливаемся по саду и садимся на ту же самую скамью, где сидели я и Пиллар.

— Я сделал это, Алиса, — говорит Льюис. — Я заточил их.

— Монстров Страны Чудес?

— Если пожелаешь называть их подобным образом, то да.

— Это дверь в Страну Чудес? — спрашиваю я его, думая, что в реальной жизни — это камин. Кирпичная стена.

— Одна из многих, — отвечает он. — Я заточил монстров за каждой дверью. Они связаны, но они могут проникнуть в этот мир лишь через ту дверь, за которой я их запер.

— А Чешир?

— Он единственный, до кого я не смог добраться, но я украл его улыбку, — говорит он. — Я спрятал ее лучше некуда.

— Оу, — говорю я. Интересно, что произойдет, если я расскажу ему о будущем.

— Ты в порядке? — Он нежно обхватывает мое лицо ладонями. Я киваю. Его прохладные руки теплеют на моих щеках. — Мне так жаль, Алиса. Это я во всем виноват, но я не знал, чем все это обернется.

Я не понимаю, почему он извиняется, но я осознаю, что вдалеке звонит Том Тауэр. Не думаю, что он слышит его звон. — Вот, — он снимает цепочку с ключом и надевает на мою шею. — Это один из шести ключей, который необходим, чтобы открыть каждую дверь в Страну Чудес, когда я заточил всех там. Верю, что ты сможешь сохранить его в целости.

Ключик сияет золотом на моей шее. Я понимаю, что это тот самый ключ, что нарисован на стене моей палаты.

— Льюис, — спрашиваю я. — Что произойдет 14 Января?

— Четырнадцатого? — удивляется он. — Понятия не имею. А что?

— Не важно, — у меня нет времени на то, чтобы рассказывать ему о своей палате. Пиллар отправил меня сюда, чтобы Льюис помог принять мне решение. — Мне нужна твоя помощь, чтобы кое-что решить.

— Надеюсь, что смогу. — Отвечает он.

— Если все сводится к спасению жизни одной девочки и спасению мира, что мне выбрать?

— Ты уже начала спасать жизни? Я всегда знал, что так и будет, — на его губах возникает улыбка, похожая на волны океана, о которые мне хотелось бы разбиться. — Хочешь узнать мое мнение по этому поводу?

— Ты действительно хочешь знать его мнение? — Кролик с морковкой снова выглядывает. Льюис смеется, протягивая ему еще одну морковку, и засовывает его обратно в карман своего сюртука.

Кролик высовывает руку из кармана Льюиса. — Она тут занимает слишком много места.

Льюис снова смеется, затем поворачивается ко мне.

— Как я уже сказал, ты, правда, хочешь знать мое мнение?

Я киваю.

— По моему мнению, никто не может спасти мир, Алиса, — отвечает он. — Мы лишь можем спасти тех, кто нам дорог; тех, кто нам близок, если нам повезет, то мы сперва можем спасти их.

После этого, мы сможем спасти еще одного, затем еще одного. По одному в день, Алиса. По одному в день.

— Так значит, таких чудес, как спасение мира, не существует?

Льюис смеется.

— Есть два способа прожить эту жизнь, Алиса. Первый, чудес не бывает. Второй, чудеса на каждом шагу. Второй мне нравится больше.

— Мне тоже, — говорю я.

— Кстати, человек по имени Эйнштейн через много лет перефразирует эту фразу, — Льюис поднимается и убирает свой меч. — Не говори ему, что я сказал ее раньше. Мы ведь не хотим поколебать его уверенность.

— Почему?

— Он изобретет множество безумных вещей, важных для человечества, и в начале никто не будет ему верить, — отвечает Льюис.

— С безумцами так всегда. Никто поначалу им не верит.

Я тяну его вниз и целую в щеку. Он краснеет.

— Ты хороший человек, Льюис. Мир полюбит твое безумие после твоей смерти.

— Ты так думаешь?

— Твоя книга вдохновит миллионы, поверь мне, — говорю я и бегу обратно к Том Тауэру.

— Какая книга, Алиса? — кричит он мне вслед. — погоди! Я напишу книгу? О чем?

— Если ты знаешь, что Эйнштейн будет цитировать тебя годы спустя, ты должен знать, что напишешь книгу. — Я не оборачиваюсь, отвечаю ему пока бегу.

— Книгу? — я слышу вопрос кролика. — Льюис, ты напишешь книгу? Напишешь об мне, пожалуйста?

— О чем книга, Алиса? — я слышу последние слова Льюиса, прежде чем добираюсь до Том Тауэра.

— О Безумии, Льюис. Ты напишешь книгу о прекрасном безумии.

Четырехугольник, Крайст Чёрч, Университет Оксфорда

Я стою посреди четырехугольника Крайст Черч с маской Чешира в руке. Тут и там снуют несколько студентов, парочка профессоров и даже мамашка с маленьким ребенком, у которого в руке леденец на палочке. Думаю, по какой-то причине организовалось ночное собрание. Никто из них не обращает на меня внимание. Я здесь за тем, чтобы отдать Чеширу его маску и вернуть назад Констанцию. Чешир не теряет времени. Пара мгновений и передо мной оказывается та самая старушка, что я видела прежде.

— Я верю, что у тебя есть что-то, что у меня украли, — произносит она.

— Где Констанция? — спрашиваю я.

— Со своими родителями. Я лично отвез ее и они даже пригласили меня на мороженное, пока я не ушел, — усмехается женщина. — Позвони Пиллару, чтобы удостовериться.

Я звоню. Пиллар отвечает утвердительно. Я прошу его позвать Констанцию к телефону, потому что я не доверяю ему. Когда она говорит со мной, я спрашиваю ее, о чем она думала, прежде чем спрыгнуть с башни. Она отвечает, что о Мэрри Поппинс. Теперь, я уверена, что это она.

— Вот твоя дурацкая ухмылка, — я передаю ему маску.

Женщина немедленно надевает маску. На этот раз, она растворяется прямо у нее на лице, словно мыло. На мгновение, она закрывает глаза, затем открывает их с самой жуткой улыбкой на лице, какую мне только доводилось видеть. Могу сказать — это настоящая улыбка Чешира. На такое не захочется долго смотреть, в противном случае он высосет вашу душу.

— Как хорошо, — произносит женщина. — Будь я на твоём месте, я бы начал отсчет.

— Чего?

— Конца света, дорогая Алиса, — улыбка женщины не сходит с ее лица. — Думаешь, я уже отомстил, да? — Она щекочет мой подбородок пальцами и уходит. Я ощущаю беспомощность. Не смотря на то, что я спасла Констанцию, я только что приобрела миру билет в Ад Первым Классом.

— Девять жизней не слишком трудно убить, — бросаю я через плечо. Она останавливается. — Теперь, я знаю, кто я такая, и я убью тебя девять раз, если придется.

— Чем же, своим волшебным розовым зонтиком? — Женщина оборачивается и снова приближается ко мне. — Ты действительно хочешь увидеть отблеск роскоши моей силы?

Она не дожидается ответа и жестом подзывает проходящего мимо молодого человека. Она стучает его по плечу и парень, внезапно, поворачивается ко мне с ее усмешкой на лице.

— Как я тебе сейчас, Алиса? — спрашивает меня парень своим мужским голосом. Он машет своей девушке и она приближается к нему. Они целуются. Как только он прикасается к ней, усмешка появляется на ее лице.

— А теперь, Алиса? — молодая девушка ухмыляется мне. Она бросает своего парня и я следую за ней по саду, где она помогает старику найти бумажник. Как только она прикасается к нему, он становится новым Чеширом.

— Ну а теперь, Алиса? — произносит старик. Он снова роняет свой бумажник, и

ребенок с леденцом на палочке поспешно приносит его ему. Пару секунд спустя и уже на лице малышки появляется жуткая усмешка.

— Любишь леденцы, Алиса? — малышка предлагает мне свой.

Я стою парализованная. Теперь я знаю, почему Льюис не смог поймать Чешира, почему его сила страшнее всего на свете. Чешир не один, он повсюду. Словно зло распространяется по всему миру одним касанием руки. Я вижу, как девочка опускается на колени и гладит бездомную кошку. Усмешка переходит к кошке. Она мяукает и бежит сквозь толпу. Я бегу за ней. Куда бы я не посмотрела, на мгновение я вижу улыбку уже у другого человека. Я стою посреди четырехугольника, чувствуя себя потерянной. Я ничего не смогу сделать, чтобы поймать Чешира.

Палата Пиллара, Психиатрическая лечебница Рэдклифф, Оксфорд

Пиллар лежит на диване. Он курит и слушает “Алиса в Небе с Алмазами”. Бабочка в банке теперь спокойнее. Она больше не бьется о стекло. Я слишком устала для визитов, но я подумала о том, чтобы сообщить ему, что я готова к работе. Я готова спасти жизни.

— Вижу, что бабочка теперь намного спокойнее, — замечаю я.

— Я выдохнул ей немного своего дыма из кальяна, чтобы успокоить ее, — отвечает он.

— Мне любопытно, зачем она Вам.

— Я же гусеница, Алиса, — фыркает он. — Однажды я стану таким же прекрасным, как и она. Она помогает мне помнить об этом.

— Не важно, — у меня нет сил для еще одной загадки. — Я здесь за тем, чтобы сообщить Вам, что я..

— Готова спасти жизни?

— Да.

— Готова принять, что ты Алиса, даже если это не имеет смысла?

— Да.

— Готова к принятию безумия в твоей жизни?

— Да. — На эту часть вопроса я отвечаю неохотно.

— Как на счет техники ЧепуХу? Ты в ней теперь мастер?

— Не совсем, — смеюсь я. — Я пыталась, но она не сработала. Это полнейшая чепуха.

— Кстати, как Джек?

— Мы сходили на свидание. Это было свидание по — калифорнийски, никто из нас не платил, потому что мы пробрались в ресторан после закрытия. Он пытался поцеловать меня, но от него пахло игральными картами. Я больше не буду с ним встречаться. Он мелет шутки без передышки. Ну, то есть вы же его не видели, — говорю я. — С ним сложно найти общий язык. Со всей этой бессмыслицей, я прониклась к нему. То есть, он настоящий сталкер, но он всего лишь хотел встретиться с сумасшедшей и одинокой девушкой вроде меня. О чем мне еще просить? Надеюсь, с ним все в порядке.

— Уверен, так и будет, — отвечает Пиллар. — Тебе следует поспать. Теперь, когда Чешир на свободе, я не удивлюсь, что нас через несколько дней пригласят на чаепитие.

— В Парламент, наверное?

— Или во дворец Королевы Англии, — он превосходит все мои подшучивания. — Вы ведь даже еще не знаешь, что такая Красная Королева и почему она всегда говорит “голова с плеч”.

— Прошу, — я вскидываю руку. — Хватит на сегодня. И знать не хочу. Вы правы. Мне нужно поспать.

— Как прошла встреча с Кэрроллом? — спрашивает он, прежде чем я успею уйти. — Могу я узнать, он дал тебе что-нибудь?

— Совсем ничего. Просто посоветовал спасти Констанцию, — я ощущаю в кармане ключик, что Льюис дал мне. Я не собираюсь рассказывать о нем Пиллару. Эту часть информации я Пиллару не могу доверить. — Раз уж у Вас в палате есть письменный стол, не скажете, что у него общего с вороном?

Пиллар поворачивает ко мне голову и улыбается. Он знает, что я поменяла тему разговора, в точности как он всегда делает.

— Не сейчас. Зато я могу позволить тебе задуматься над вопросом побезумнее, тем самым, который историки вечно упускают из виду и не стараются вникнуть в него.

— Оу, и какой же?

— Что общего у Льюиса Кэрролла и Красной Шапочки? — спрашивает он.

— Что? Вы с ума сошли? Конечно же, у них нет ничего общего. — Я закатываю глаза и разворачиваюсь, чтобы уйти. — Никогда бы не подумала, что буду желать серийному убийце спокойной ночи, но тем не менее, спокойной ночи, Профессор Пиллар.

— Еще одно, Алиса, — останавливает он меня. — Меня кое-что смущает.

— Смущает Вас? — я вскидываю бровь.

— В предыдущие дни ты ни разу не попыталась найти информацию о своей автобусной аварии, ни в интернете, ни где-либо еще, — говорит он. — Мне любопытно почему.

— Не знаю, — отвечаю я. — Наверное, я была занята.

— Маловероятно.

— Быть может, я просто еще не готова увидеть лица друзей, которых убила. Адам сказал мне что-то подобное во сне.

— Оу, — он делает затяжку из трубки. — Это более вероятно.

Он гасит свет и исчезает во мраке.

Палата Алисы, Лечебница Рэдклифф

В палате я ставлю зонт рядом с Тигровой Лилией и готовлюсь ко сну. Вальтруда сообщает мне, что сегодня шоковой терапии не будет. Она считает, что в прошлый раз Оджер перестарался, и у меня снова начались галлюцинации. Я даже не пытаюсь понять, почему она мне не верит.

Когда я вхожу в палату, Вальтруда не запирает за мной дверь. Прежде чем я пытаюсь понять причину, я удивлена, увидев, что в моей палате посетитель.

— Фабиола? — удивляюсь я. — То есть, Белая Королева.

— Как твои дела, Алиса? — она улыбается, как всегда, искренне. — Думала, устроить тебе сюрприз.

— Как Вы вошли?

Ее улыбка становится шире, словно она намекает на то, что ей подвластно многое.

— Ваш визит для меня честь.

— Вижу, зонт оказался полезным, — говорит она.

— Очень полезным. Спасибо, — говорю я. — Могу я спросить, откуда он у Вас?

— Это одно из приспособлений Льюиса Кэрролла, — рассмеялась Белая Королева. — Он таких изобрел великое множество в последние годы своей жизни. Он даже изобрел свое собственное боевое искусство. Оно называется ЧепуХу.

— Мне уже рассказывали, — я закатываю глаза. — Это работает?

— Не со всеми, — отвечает она. — Я пришла затем, чтобы сказать тебе кое-что, Алиса.

— Я вся внимание, Фабиола, — я опускаю голову.

— Помнишь, когда я сказала, что ты — ненастоящая Алиса?

Я киваю.

— Я солгала, — говорит она. — Знаю, что женщине моего положения лгать не пристало, но это была... белая ложь.

— Почему Вы солгали?

— Правда в том, что я до сих пор немного не уверена, что ты — Алиса, но я также не вполне уверена в обратном.

— Вы судите по моему внешнему виду?

— Тут все хитро. Прежде чем мы покинули Страну Чудес, Льюис заставил нас выпить зелье, из-за которого мы позабудем твое лицо. — Вздыхает она.

— Зачем?

— Он хотел защитить тебя на случай, если Монстры Страны Чудес сбегут и ты снова нам понадобишься. Он так заботился о тебе. — Сказала Белая Королева. — Я слышала, что ты совершила множество храбрых поступков за последние пару дней. — Она улыбается так же, как и Льюис улыбался мне. — Я горжусь тобой, настоящая ты Алиса или нет.

— Спасибо Вам, Фабиола. Это много для меня значит.

— Поэтому я принесла тебе подарок, — она достает ручное зеркальце. Я отпрянула в тот же миг. — Не бойся. Я не позволю чему-либо тебе навредить. Но если ты хочешь пойти по стезе спасения жизней, тебе нужно заглянуть в него хоть на мгновение.

— Фабиола, зачем? Вы ведь знаете, что я боюсь зеркал.

— На то есть своя причина, Алиса, — отвечает Фабиола. — Порой зеркала показывают правду. Твой разум подавляет ее, а моя работа — показать ее тебе, чтобы ты узнала, где твое место. Сильного и храброго сердца не достаточно. Правдивое сердце, и не важно насколько правда ранит, сильнее всего на свете.

— Думаете, мне, правда, стоит?

— Знаешь, что означает имя “Алиса”? Оно означает “правда”. Захочешь ли ты ее узнать, или же нет — это твой выбор. — Она опускает зеркальце на пол. — Воспоминание будет болезненным, но тебе оно просто необходимо. Иногда правда приходит вместе с незначительной болью. Боль со временем пройдет, а истина останется. До скорого, маленький герой, — говорит она мне, и направляется к двери. Она не проходит сквозь стену, ничего подобного. Всего лишь через дверь в палате, которую она запирает снаружи. Она оставила меня запертой в комнате с зеркалом.

Немного погодя в мою палату входит Вальтруда. Я понимаю, что проснулась. Должно быть, я уснула после визита Белой Королевы. Вальтруда ставит тарелку с едой рядом со мной. Порция гораздо больше и питательней, чем прежде. Что если, это все влияние Пиллара.

— Так значит это Вы позволили Белой Королеве войти?

— Что за Белый Королефа? — Вальтруда делает затяжку.

— Я имею в виду Фабиолу.

— Кто такая Фабиола? — Вальтруда выглядит раздраженной.

— Монахиня, — я корчу рожу.

— Нет никакой монахиня, — отвечает Вальтруда. — Никто не фходит ф твой комната, после того, как я принести тебя сюда, Алиса. О чем это ты гофорить?

— Не играй со мной в эти игры, Вальтруда. — Я ощущаю, как гнев вырывается на поверхность. — Сперва, ты притворялась, что не видела меня по телевизору, теперь вот это. Зачем ты делаешь это?

Вальтруда смеется.

— Твоя ситуация ухудшается. Я сообщу Доктору Траклу.

— Да что с тобой такое? — кричу я. — Почему ты хочешь, чтобы я так себя чувствовала? Разве ты не видишь, Тигровая Лилия мне не отвечает? У меня нет галлюцинаций.

— Фо-перфых, цветок никогда не гофорить с тобой, — Вальтруда смеется не переставая. Мое горе ее забавляет. — Почему молчалифый цветок должен быть знаком тфоей нормальности? Ты фсе фыдумать, Алиса.

— Нет, это не так, — я хватаю зонт и открываю его. — Взгляни на этот странный зонт. На нем есть экран. — Я смотрю на него и не вижу никаких навигационных настроек. На нем даже нет курка. Я не могу в это поверить. Я поворачиваюсь к Вальтруде. — Ты должна поверить мне. Я — настоящая Алиса. Сегодня я спасла жизнь.

— Ты фсего лишь чокнутая дефочка в подвале психушки, — Вальтруда продолжает смеяться, закрывая дверь. — Быть может, это и имел в виду Льюис Кэрролл в “Приключениях Алисы под Землей”.

Она захлопывает дверь, ее смех эхом раздается за ней.

— Ты федь знаешь оригинальное название, да?

Я решаю, что мне ничего не остается, как посмотреть в зеркало. Я не чокнутая. Я знаю, что я не сошла с ума.

Поначалу, я ничего не вижу в зеркале. Оказывается, оно покрыто слоем пыли, поэтому я протираю его. Я держу его в руке, думая, что разобью его, как только покажется кролик. В зеркале я вижу себя, стоящую на автобусной остановке и ждущую друга. Мне около семнадцати, и я держу парня за руку. Это снова Адам, на нем по-прежнему толстовка с капюшоном. Приходят друзья и начинают вести себя в точности так же, как в моем старом сне, где в конце я убиваю их всех. Я не знаю, почему я вижу все это, но продолжаю смотреть.

Мы залезаем в автобус. Все по-прежнему шутят, а я также недоверчиво поглядываю на водителя. Это снова кролик. Ничего не могу поделывать и снова хватаюсь за руль, пытаюсь спасти автобус.

— Нет, Алиса, — раздается крик Адама из-под капюшона. — Не делай этого. — Он до сих пор думает, что это я убью всех в автобусе. Ну, может, это и была я. Я не уверена.

Внезапно, Адам снимает капюшон. Это душераздирающий момент. В это самое мгновение я вижу его лицо. Катись оно все к черту, я не знаю, что и думать. Парень в капюшоне — Джек Даймондс. Если поменять местами буквы в имени Джек Даймондс получится Адам Джей Диксон^[20], не забывая о том, что “икс”^[21] превращается в буквы “К” и “ЭС” в Джек Даймондс. Должно быть, мой разум провернул этот трюк, чтобы сбежать от ужасной правды, что именно я убила Адама в школьном автобусе. В конце воспоминания кролик вновь появляется в зеркале. Он убирает торчащие волосы с лица, и это оказываюсь я. Это всегда была я.

Я падаю на колени, и роняю зеркало, разбивая его на кусочки. Я не знаю, что настоящее, а что нет. Я не знаю, почему я убила тех людей в автобусе. Неужели я выдумала личность Джека? Все произошло лишь в моем воображении? Но как это возможно? Он ведь столько раз спасал меня? Или, как сказала Вальтруда, я никогда не покидала подземную палату и все произошло лишь в моем воображении?

Я встаю и хватаюсь за прутья окна, что на моей двери и начинаю вопить:

— Я не сумасшедшая, — рыдаю я. Я стучу кулаками по двери, но никто не отвечает. Да и с какой стати? Я всего лишь чокнутая девушка в подвале психиатрической лечебницы. — Кто я в этом мире? — бормочу я, уставившись на длинный коридор. Он кажется бесконечным с того места, где я стою.

Мне необходимо выяснить, что я не сумасшедшая. Мне нужно встретиться с Пилларом. Уж он-то не может быть плодом моего воображения. Я не знаю, как долго я смогу выждать. Я погибаю здесь.

Оджер медленно приближается к моей палате, когда я долго не перестаю кричать. Коридор темен, но я узнаю его по лысине.

— Я же говорил тебе, Алиса, мы все здесь безумцы, — произносит он и мое замешательство возрастает. Зачем Оджеру говорить такое?

Мне удается разглядеть его, лишь когда тусклый свет из моей палаты освещает его лицо. Он становится перед зарешеченным окном моей двери, и все тут же обретает смысл. Он — Чешир. Я узнаю его по ухмылке.

— Теперь, если извинишь меня, мне нужно устроить мировой Апокалипсис. — Он мгновение смотрит на меня, а потом отворачивается, насвистывая и уходя прочь. Пока он удаляется, я слышу, как он бормочет детскую песенку:

*Когда она была нормальной, она была очень — очень нормальной.
А когда она сошла с ума, она стала Алисой.*

КОНЕЦ...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

---

notes

Боязнь зеркал (прим. перев.)

Harrods — известный универмаг Лондона. Он считается одним из самых больших и фешенебельных магазинов мира.

игра слов Pleasant — приятный. Пиллар говорит: Pleasant is more pleasant

игра слова заканчивать школу finish school — прикончила, т. е убила всех своих одноклассников finished all her schoolmates

прим. ред. в имени парня игра слов — Jack- имя парня, валет; Diamond- фамилия парня, масть карты — бубновый.

прим. пер. Word=Gold

прим. пер. Word=Wood

прим. пер. Wood=Good

прим. пер. Good=Gold

прим. пер. Door-Doom

прим. пер. Door = Boor

прим. пер. Boor = Book

прим. пер. Book=Look

прим. пер. Look=Lock

прим. ред так называемая boxing week — неделя скидок перед Рождеством. Скидки очень большие и можно совершить множество выгодных покупок.

прим. пер. «Рождественская история» (англ. A Christmas Carol) — экранизация повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь».

Прим. пер. The Alice Shop — Магазин Алисы (Сувенирный магазинчик в Оксфорде.)

прим. пер. Стрижающий меч. — упоминается в стихотворении Льюиса Кэрролла “Бормоглот”. Охота на Снарка.

прим. перевод. Пиллар каверкает песню It`s a raining man, группы The Weather Girls.

прим. пер. Jack Diamonds — Adam J Dixon

прим. пер. английская x читается как “экс”, в нашем случае ДИКСон